

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2022 '4

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2022

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва; доктор политических наук, ассоциированный научный сотрудник),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),
З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Е. А. Смирнов (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),
Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор),
А. В. Белова (Тверской государственный университет, г. Тверь;
доктор исторических наук, доцент)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),
И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2022
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2022

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 4 — 2022

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Associated Researcher (Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. N. L. Pushkareva, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. O. V. Riabov, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova, Dr. Sc. Sociology (National Research University "Higher School of Economics", Moscow),
Prof. E. A. Smirnov, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. A. V. Belova, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. I. S. Kletsina, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. T. B. Riabova, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. I. N. Smirnova (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. N. S. Rychikhina (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2022
© Ivanovo State University, 2022

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 3—14.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 3—14.

Научная статья

УДК 314.146

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.1

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА РОДИТЕЛЬСТВА: АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Татьяна Александровна ГУРКО

Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, tgurko@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены эмпирические показатели развития института родительства, которые условно разделены на девиации и вариации. Девиации (практики и установки) рассматриваются в качестве свидетельств трансформации, а вариации — в качестве свидетельств эволюции института родительства. Как основные девиации, т. е. распространяющиеся практики, выделены вовлеченное отцовство, отцовские семьи, сожительства биологических родителей, родительство в сводных семьях, совместная опека после развода, приемное родительство. Вариациями можно считать различные типы материнских семей, бездетность, утрату родительских прав, отказ от новорожденных, усыновление, опеку, применение ВРТ, родительство в однополых парах в ряде стран. Анализируются те практики родительского поведения, по которым в распоряжении автора имелись новые данные. Использовались российские и зарубежные статистические источники, данные исследований РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) — 2004, 2012, 2020 и ESS-2018, а также выборочных исследований подростков в 1994, 2010 и 2022 гг. Рассматриваются показатели диверсификации института родительства, тенденции материнских и отцовских родительских практик.

Ключевые слова: родительство, эволюция, трансформация, вариация, девиация, матери, отцы, подростки, благополучие, брачный статус

Для цитирования: Гурко Т. А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей // *Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 3—14.*

Original article

DEVELOPMENT OF THE PARENTHOOD INSTITUTION: ANALYSIS OF EMPIRICAL INDICATORS

Tatiana A. Gurko

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, tgurko@yandex.ru

Parental behavior of women and men is viewed through the prism of deviations and variations in the development of institutions. Variations are sparsely distributed attitudes and practices that exist for a long period of time, they just undergo modifications in different social conditions. Deviations, unlike variations, are a source of social change; new attitudes and behavioral practices are widely spread and are gradually becoming the norm. The author describes the practices of parental behavior for which new data were available to the author. We used Russian and foreign statistical sources, data from representative studies of RLMS-HSE — 2004, 2012, 2020; ESS-2018; as well as sample studies of adolescents in Moscow in 1994, 2010 and 2022 under the guidance of the author. It is shown that the proportion of children registered by both biological parents who are not married is gradually increasing. Fragile families of cohabiting parents are spreading, which in Russia so far account for about a tenth of all parents with minor children. Stepfamilies with teenagers are spreading, at least in the capital. In remarriages, parents are also well off according to a number of indicators, as in the first ones. The positive trends of paternal participation are shown. More teenagers living in maternal families, from 1994 to 2022, meet with fathers who do not live with them. At the same time, mothers still spend more than five times more time caring for and taking care of their children. The right to issue paternity leave for child care is practically not used. In Russia, the actual practice of joint custody of parents over children after divorce is not legally fixed. Such a measure would be more effective both from the point of view of children's well-being and their financial support by a parent living separately. Variations in the development of the institution of parenthood are the families of mothers, who have never been married, and divorced mothers, living without partners. In the last almost twenty years, these indicators have been stable. Childlessness is not yet a problem in Russia, it is an established variation in comparison with a number of countries in which the childlessness rate is increasing. In comparison with the EU countries, a small proportion of both men and women in Russia are tolerant of the adoption of children by same-sex couples. Such well-established variations as having many children, adoption, guardianship, loss of parental rights, abandonment of newborns, as well as new ones, for example, parenthood due to the use of assisted reproductive technologies, the practice of parenthood in transnational families, were not analyzed. It was found that according to the available indicators, there are more prosperous mothers and fathers among married, first or second time, the least prosperous among widows and divorced fathers.

Key words: parenthood, evolution, transformation, variation, deviation, mothers, fathers, teenagers, wellbeing, marital status

For citation: Gurko, T. A. (2022) Razvitie instituta roditel'stva: analiz èmpiricheskikh pokazatelei [Development of the parenthood institution: analysis of empirical indicators], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—14.

Введение

Родительское поведение женщин и мужчин рассматривается сквозь призму девиаций и вариаций в развитии институтов. *Вариации* — это малораспространенные установки и практики, которые существуют на протяжении длительного периода времени и в разных социальных условиях лишь модифицируются. В качестве вариаций, т. е. свидетельств эволюции института родительства, можно рассматривать типы материнских семей, бездетность, усыновление, утрату родительских прав, отказ от новорожденных, опеку, применение вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). *Девиации* в отличие от вариаций являются источником социальных изменений, новые установки и практики поведения широко распространяются и постепенно становятся нормой. К этим свидетельствам трансформации относятся вовлеченное отцовство, отцовские семьи, родительство без брака, родительство в сводных семьях, совместная опека после развода, приемное родительство [Гурко, 2021: 59].

Эмпирической основой послужили российские и зарубежные статистические источники, данные репрезентативных исследований РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) — 2004, 2012, 2020 и ESS-2018, а также выборочных исследований подростков в г. Москва в 1994, 2010 и 2022 гг. под руководством автора.

Нормативная модель родительского поведения предполагает планирование деторождения, зачатие, рождение и воспитание детей в семье, основанной на первом браке, преимущественно материнский уход за детьми, эмоциональную отстраненность отцов.

При переходе к постиндустриальному обществу, с изменением социального статуса женщин, развитием контрацепции и либерализацией морали в частной сфере жизни, нормативная модель менялась как структурно, так и содержательно.

Девиации института родительства

По мере того как женщины принимают прежде исключительно мужские социальные роли, мужчины осваиваются в приватной сфере. Еще в начале прошлого века К. Хорни подчеркивала, что «в материнстве или в способности к нему женщина имеет неоспоримое, но почему-то не принимаемое в расчет физиологическое преимущество. На бессознательном уровне знание об этом преимуществе содержится в психике мужчин и нашло наиболее ясное отражение в сильнейшей зависти мальчиков к материнству» [Хорни, 1993: 9].

С конца XX в. происходит перераспределение родительских ролей между супругами. Практики вовлеченности отцов описаны на материалах интервью с отцами с высшим образованием, проживающими в Москве, Санкт-Петербурге и Ленинградской области [Авдеева, 2012], с отцами, проживающими в разных семейных структурах в Москве и Ярославской области [Шевченко, 2019: 80—124, 209—221]. О положительной динамике участия молодых отцов в уходе за детьми, их эмоциональной вовлеченности свидетельствуют результаты исследования молодых матерей в Москве, Тамбове, Владимире и Брянске [Гурко, 2013: 59—62]. В свою очередь, дети активных вовлеченных отцов отличаются повышенной когнитивной компетентностью, повышенной эмпатией, менее стереотипными взглядами и интернальным локусом контроля [Кон, 2009: 397].

Тем не менее, как справедливо отмечает С. Кунц, именно родительские обязанности не позволяют женщинам иметь такие же доходы и социальные

статусы, как у мужчин. «В тех случаях, когда отцы пытаются использовать политику, ориентированную на семью, они сталкиваются со стигматизацией и финансовыми санкциями, которые примерно эквивалентны тем, которые испытывают матери» [Coontz, 2015: 10]. По данным Росстата, матери тратят более чем в 5 раз больше времени на уход за несовершеннолетними детьми и занятия с ними в сравнении с отцами¹, в молодых семьях с работающими матерями отцы значительно реже были вовлечены в занятия с детьми [Гурко, 2013: 56]. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)², в 2004 г. не было ни одного отца, находящегося в отпуске по уходу за ребенком до 3 лет, в 2012 г. один отец и 4,1 % матерей, в 2020 г. 0,2 % отцов и 8,5 % матерей оформили такой отпуск.

Показателем участия родителей в жизни детей может служить оценка подростками возможности поделиться с ними своими проблемами. По материалам исследования в г. Москва в 2022 г., 24 % юношей и 30 % девушек ответили, что им всегда легко обсуждать с матерью проблемы, которые их действительно волнуют, 26 % и 20 % — ответили, что им всегда легко обсуждать проблемы с отцами³. В подростковом возрасте сверстники становятся более нужными собеседниками. Лишь менее трети подростков могут довериться родителям, практически в равной мере и матерям, и отцам.

Отцовские семьи распространяются во многих странах [Гурко, 2020: 41]. Так, согласно данным последней переписи в США, 20 % семей с одним родителем были отцовскими⁴. Доля отцовских ячеек⁵ постепенно увеличивается и в России. Например, в Москве в 2002 г. было 8 % отцовских ячеек, в 2010 г. — 10 % среди всех семейных ячеек с несовершеннолетними детьми⁶. Такая же тенденция выявлена и в исследованиях подростков (пусть и незначительно больше подростков в столице стали проживать с отцами после развода родителей).

Возможность установления отцовства без брака в добровольном и в судебном порядке появилась в 1969 г. С этого времени примерно в половине случаев внебрачных рождений ребенок регистрируется отцом. Доля детей, зарегистрированных обоими биологическими родителями, не состоящими в браке, составляла в России 41 % в 1970 г., 43 % в 1990 г., 47 % в 2000 г. и 52 % в 2020 г. [Демографический ежегодник... , 2021: 67]. Такую практику можно считать

¹ 2.9. Затраты суточного фонда времени родителями на уход и занятия с детьми в возрасте до 18 лет. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 04.07.2022).

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

³ В анализ не включались случаи, когда подростки отвечали так: «отца нет, живу с отчимом», «не живу с отцом», «не общаюсь» (7 %) и «отец умер» (1 %).

⁴ Single Parent Statistics in 2022 (Mothers vs. Fathers Data). URL: <https://realdiapers.org/single-parent/> (дата обращения: 07.07.2021).

⁵ Материнские и отцовские ячейки — это матери и отцы, проживающие с детьми несовершеннолетнего возраста, без партнеров, как самостоятельные домохозяйства, так и в структурах сложных домохозяйств.

⁶ Рассчитано по: Семья в России. 2008. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b08_69/Main.htm; Перепись 2010. Т. 6: Число и состав домохозяйств. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 04.07.2021).

девиацией, т. е. показателем трансформации института родительства. Становится нормативным сожительствовать, после наступления беременности оформить отцовство и лишь впоследствии оформить брак или продолжать сожительствовать. В англоязычной научной литературе такие сожительства с детьми биологических родителей называют хрупкими семьями (*fragile families*) [The Future... , 2010]. В США, по расчетам Исследовательского центра Пью, в возрасте 23—39 лет проживают с детьми, партнершей и не состоят в браке 19 % отцов среди миллениалов, 15 % среди поколения X, 4 % среди бэби-бумеров и 1 % среди молчаливого поколения. Это биологические родители, сожителю, отчимы и усыновители [Bargoso et al., 2020].

В России, как и в США, сожителю имеют невысокий уровень образования. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) — 2020, 50 % матерей и 68 % отцов — сожителей были со средним образованием в сравнении с 30 % матерей и 43 % отцов, состоящих в браке. Среди сожествующих матерей больше всего работниц сферы услуг и торговли, среди сожествующих отцов — рабочих, использующих машины и механизмы. Среди сожителей-отцов в 2020 г. половина никогда в браке не состояли, 45 % — разведены, среди матерей — также почти половина никогда в браке не состояли, 44 % разведены и 5 % вдов.

Нормы, регулирующие отношения в сводных семьях между детьми и отчимами/мачехами, а также между сводными братьями и сестрами, пока не устоялись. Судя по данным опроса девятиклассников в Москве, увеличилась доля сводных семей с подростками с 8 % в 1994 г. до 19 % в 2022 г. По крайней мере, в столице сводное родительство можно рассматривать как девиацию, поскольку такая семейная структура продолжает распространяться. Важно отметить то, что подростки в этом типе семей в 2022 г. в той же мере благополучны, как и в других структурах, в отличие от предыдущих срезов, когда в сводных семьях было много неблагополучных девушек.

Равенство прав и обязанностей обоих родителей в случаях, когда они расторгли свой брак, было прописано в КоБС РСФСР 1969 г. Практики общения отцов с детьми после развода в советское время были редкими по ряду причин, в том числе из-за отсутствия дружеской культуры общения после развода, сами матери не способствовали таким встречам.

В России юридически регулируется порядок выплаты алиментов и встреч с родителем, проживающим отдельно. Но сумма алиментов, которую должен выплачивать отдельно проживающий родитель на ребенка, не зависит от того, сколько времени он/она проводит с ребенком. В законодательстве же многих стран принята совместная физическая опека после развода; в таких случаях, например, ребенок регулярно проводит каникулы или выходные у отдельно проживающего родителя и соответственно уменьшается сумма алиментов [Гурко, 2008: 253—263]. В зарубежной литературе вводится и понятие тройного родительства, под которым подразумевают ситуацию, когда, кроме матери и биологического отца, партнеру матери предоставляются некоторые права представлять интересы ребенка [Yancura et al., 2021: 474].

Согласно данным исследования подростков-девятиклассников в Москве с 1994 г. по 2022 г., с течением времени более чем в 2 раза больше юношей и девушек после развода родителей стали общаться часто (не реже раза в месяц) с отцами, проживающими в другом домохозяйстве (табл. 1).

Таблица 1

Общение подростков из материнских семей с отцами,
проживающими отдельно, %

Частота общения	Юноши	Девушки
	1994 г. (n = 60), 2010 г. (n = 51), 2020 г. (n = 50)	1994 г. (n=68), 2010 г. (n = 47), 2020 г. (n = 45)
Встречались не реже раза в месяц	33, 58, 67	21, 44, 49
Встречались 1—2 раза в год и реже, общаются по телефону или в Интернете	44, 36, 31	56, 45, 42
Не общаются совсем	23, 6, 2	23, 11, 9

О материальной поддержке со стороны отцов вопрос подросткам не задавался. Однако, судя по предыдущему анализу, добровольная материальная поддержка детей со стороны отцов значительнее в случаях частых встреч [Гурко, 2013: 70]. Меры, направленные на взыскание алиментов в принудительном порядке, малоэффективны. Необходимо поощрять участие отцов в жизни детей после развода, юридически закрепить практики совместной опеки.

Девиацией можно считать приемное родительство. Так, в приемных семьях (без родных детей) в 2000 г. воспитывалось 4398 приемных детей, в 2010 г. — 78 510, в 2020 г. — 160 934 [Российский статистический ежегодник... , 2021: 191]. Подобная практика, вероятно, будет распространяться и в дальнейшем.

Изменились ли стили общения с подростками нового поколения матерей, которых условно можно отнести уже к постсоветскому поколению? Для построения показателей стилей были использованы оценки поведения матерей подростками по шести переменным: степень эмоциональной автономии матерей, контроль свободного времени и учет мнения подростка, приказы и диктат со стороны матерей, сверхзанятость, гиперопека.

Более чем в 2,5 раза увеличилось число подростков, которые считают материнский стиль общения демократическим (табл. 2). В то же время отвергающие и невовлеченные практики общения с подростками распространены в той же мере. Различий материнских стилей по полу подростков практически нет. В свою очередь, статистически больше подростков удовлетворены жизнью в семьях с демократическим стилем общения матерей. Демократизация отношений матерей и подростков может быть связана с увеличением числа женщин с высшим образованием, имеющих хорошие доходы, независимых и уверенных в себе.

Таблица 2

Динамика материнских стилей общения с подростками, %

Год опроса	Стиль общения				
	авторитарный	демократический	попустительский	невовлеченный	отвергающий
1994 (n = 490)	26	20	28	15	11
2010 (n = 501)	20	35	27	6	12
2022 (n = 494)	15	52	14	10	9

Вариации института родительства

Доля материнских семей между последними переписями была стабильно высокой, около 29 % семейных ячеек с несовершеннолетними детьми. Источниками материнских семей, помимо разводов, уровень которых в РФ стабильно высок, и овдовений, являются внебрачные рождения. В 1995 г. этот показатель составил 21 %, в 2000 г. — 28 %, в 2008 году — 27 %, в 2013 г. — 23 % и в 2020 г. — 22 % (рассчитано по: [Демографический ежегодник..., 2021: 67]). Велики межрегиональные различия (рис. 1). Так, наивысший показатель в 2020 г. в Республике Тыва — 58 %, в Ненецком АО — 43 %, в Чукотском АО — 40 %, а наименьший в Кабардино-Балкарской Республике — 10 %, что, вероятнее всего, связано с этноконфессиональными особенностями граждан, проживающих в данных регионах.

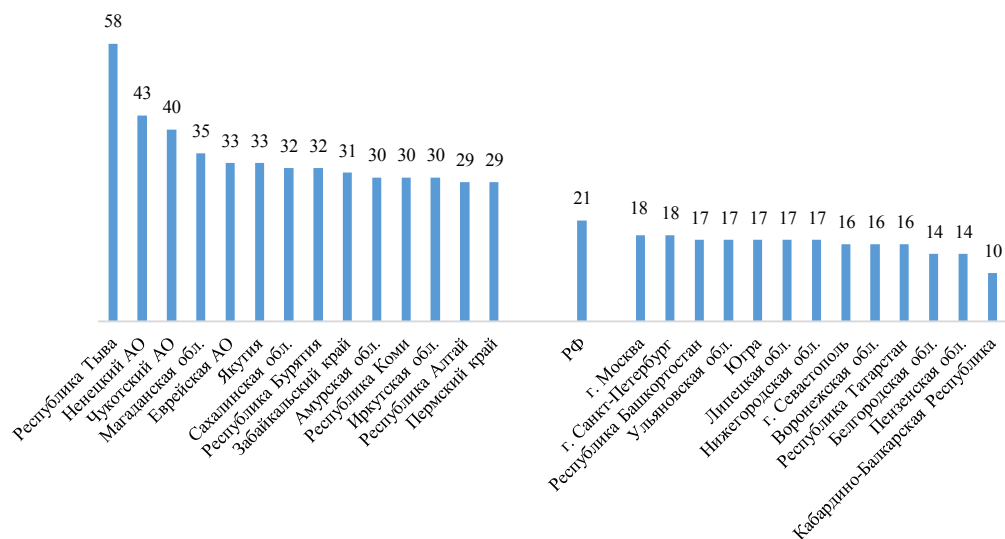

Рис. 1. Внебрачная рождаемость в регионах РФ в 2020 г., наивысшие и наименьшие показатели, %⁷

Матери, которые юридически являются так называемыми одиночками, в действительности могут проживать с отцом ребенка или другим партнером, но брак не регистрируют по разным соображениям, в том числе для получения льгот. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), доля матерей, никогда не состоявших в браке и проживающих без партнера, стабильна. В 2004 г. их было 6 % среди всех матерей, имеющих несовершеннолетних детей, в 2012 г. — 7 %, в 2020 г. — 6 %. Практически не меняется и доля разведенных матерей, проживающих без партнера: в 2004 г. их было 12 %, в 2012 г. — 11 %, в 2020 г. — 9 %. Такие материнские практики можно считать вариациями в развитии института родительства.

⁷ Приложение к Демографическому ежегоднику России, 2021: (информация в разрезе субъектов Российской Федерации). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 20.06.2022).

Бездетность (childlessness) женщин, как вынужденная, так и сознательная, намеренная, распространяется во многих странах мира⁸. Есть основания полагать, что в России пока нет такой тенденции. По данным исследования 1408 старшекурсников — специалистов различных направлений подготовки в возрасте 20—24 лет в конце 2018 г. в Москве и Ставрополе под руководством автора, только 4 % девушек и 4 % юношей не планировали иметь детей. Не более 1 % юношей и девушек можно отнести к чайлдфри (childfree).

Согласно данным Европейского социального исследования (ESS-2018)⁹, наиболее консервативны в отношении бездетности жители России (65 %), Болгарии (64 %), Сербии (64 %), Латвии (59 %), Эстонии (53 %), Словакии (51 %), Литвы (50 %). Более либеральны жители Норвегии (4 %), Швеции и Великобритании (5 %), Ирландии (8 %), Нидерландов (8 %). В России и мужчины, и женщины в равной мере не одобряют бездетность, их число увеличивается с возрастом (рис. 2).

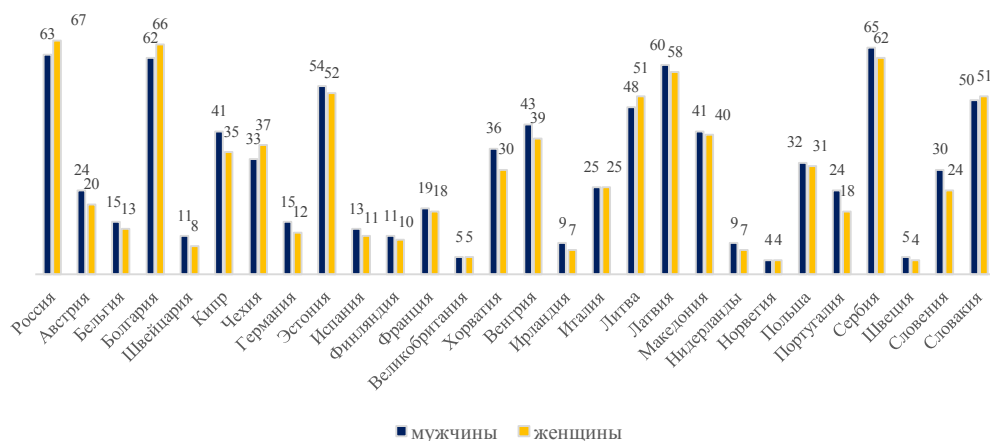

Рис. 2. Количество мужчин и женщин в разных странах, не одобряющих бездетность (решение человека не иметь детей), ESS-2018, %

По данным репрезентативной выборки РМЭЗ, в возрасте 60 лет и старше в 2004 г. не имели детей 6 % мужчин и 10 % женщин, в 2012 и 2020 гг. соответственно 7 и 9 %. Иными словами, в России показатель бездетности стабилен и это скорее вариация. Связано ли наличие детей с субъективным благополучием женщин и мужчин? По подвыборке женщин и мужчин 36—49 лет РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) —2020 не установлено статистически значимых связей между наличием детей, с одной стороны, и удовлетворенностью жизнью и материальным положением, с другой. Также не установлено статистически значимых связей между наличием несовершеннолетних детей вне зависимости от возраста мужчин и женщин и данными показателями.

⁸ SF2.5. Childlessness // OECD Family Database. URL: https://www.oecd.org/els/family/SF_2-5-Childlessness.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

⁹ European Social Survey (ESS), 2018 year, 9 wave. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 15.06.2022).

В России не узаконены ни однополые партнерства, ни однополые браки. Вероятно, и поэтому только 7 % мужчин и 8 % женщин в России, по данным ESS-2018, толерантны к усыновлению детей однополыми парами. Одобряют такую практику преимущественно в Нидерландах (80 %), Испании (79 %), Швеции (75 %), Норвегии (74 %), Бельгии (69 %), Германии (67 %) и лишь немногие жители Литвы (6 %), Сербии (11 %), Македонии (11 %), Болгарии (11 %), Словакии (12 %), Кипра (15 %) [Гурко, 2021: 62].

Благополучие родителей различного брачного статуса

Посмотрим, различается ли благополучие родителей с несовершеннолетними детьми различного брачного статуса. Анализировались те индикаторы, которые доступны в базе РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) — 2020.

Согласно данным, статистически значимые различия среди матерей (рис. 3) выявлены лишь по индикатору курения и удовлетворенности жизнью. Курят меньше всего матерей в первом браке ($V = 0,17^{10}$). Больше удовлетворенных жизнью среди состоящих в первом или втором браке и меньше среди никогда не состоявших в браке и вдов ($V = 0,16$). Меньше вдов оценивают свое здоровье как хорошее в сравнении с матерями других брачных статусов.

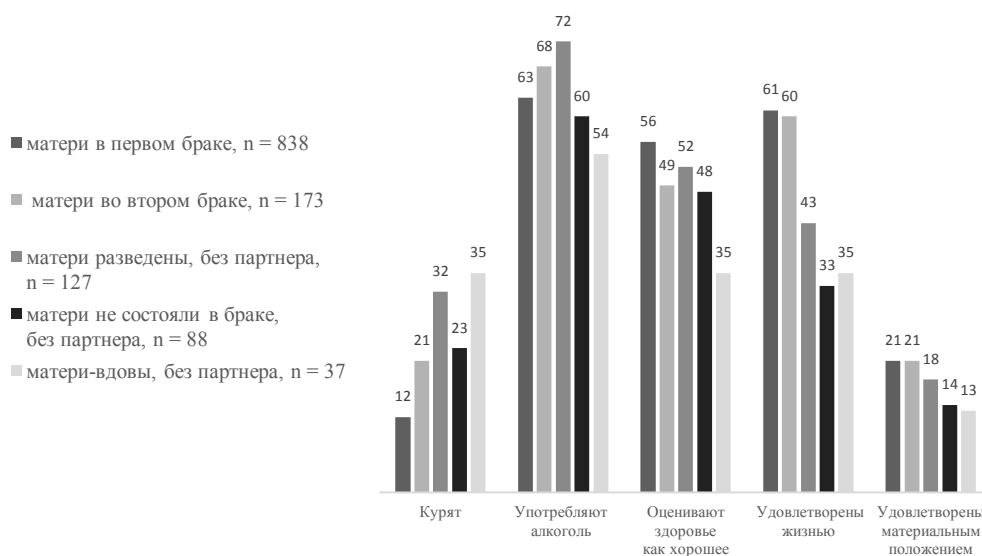

Рис. 3. Некоторые индикаторы благополучия матерей различного брачного статуса, РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) — 2020, %¹¹

¹⁰ Здесь и далее приводятся показатели связи коэффициента Крамера не менее 0,15, значимые при $p < 0,05$.

¹¹ Данные по малочисленным группам вдовых и состоящих в браке, но не проживающих вместе, не представлены на рис. 3 и 4.

Больше благополучных отцов среди состоящих в браке (рис. 4). Меньше курящих отцов в первом браке и больше среди никогда не состоявших в браке ($V = 0,15$). Больше удовлетворенных жизнью отцов в первом и втором браке, меньше — среди разведенных отцов ($V = 0,17$).

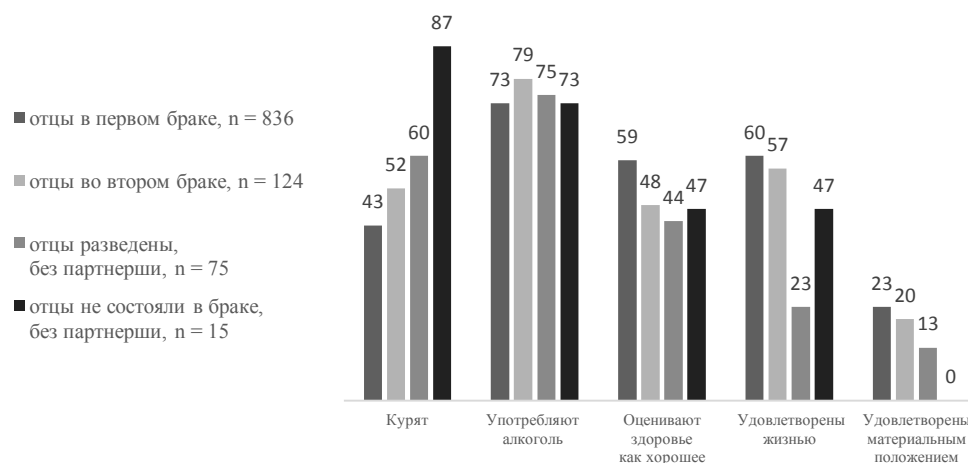

Рис. 4. Некоторые индикаторы благополучия отцов различного брачного статуса, РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) — 2020, %

Заключение

Целью статьи являлся анализ новых практик родительства под углом зрения подхода к анализу развития институтов. Показано, что постепенно увеличивается доля детей, зарегистрированных обоими биологическими родителями, не состоящими в браке. Распространяются хрупкие семьи родителей-сожителей, которые в России пока составляют около десятой части всех родителей с несовершеннолетними детьми. Такие родители имеют невысокий уровень образования, примерно половина никогда не состояли в браке, остальные, как правило, разведены. Распространяются сводные семьи с подростками, по крайней мере в столице. Причем в повторных браках родители в той же мере благополучны, как и в первых.

Показаны позитивные тенденции отцовского участия (пусть и незначительно больше подростков стали проживать с отцами после развода родителей). Статистически значимо больше подростков с 1994 г. по 2022 г. встречаются с не проживающими с ними отцами. В то же время матери все еще тратят более чем в 5 раз больше времени на уход за детьми и занятия с ними. Право оформить отцовский отпуск по уходу за ребенком практически не используется.

В России юридически не закреплены фактические практики совместной опеки родителей над детьми после развода. Такая мера была бы более эффективна и с точки зрения благополучия детей, и их материального обеспечения родителем, проживающим отдельно.

Вариациями в развитии института являются семьи матерей, никогда не состоявших в браке, разведенных матерей, проживающих без партнеров. В последние почти 20 лет эти показатели стабильны. Бездетность пока не является проблемой в России, это устоявшаяся вариация в сравнении с рядом стран,

в которых показатель бездетности увеличивается. В сравнении с европейскими странами небольшая доля и мужчин, и женщин в России толерантны к усыновлению детей однополыми парами.

Не анализировались такие устоявшиеся вариации, как многодетность, усыновление, опека, потеря родительских прав, отказ от новорожденных, а также новые — родительство вследствие применения ВРТ, практики родительства в межкультурных семьях.

По имеющимся индикаторам больше благополучных матерей и отцов среди состоящих в браке, первом или втором, меньше всего благополучных отцов среди разведенных. У них есть обязанность выплачивать алименты, но не всегда есть возможность общаться с детьми.

Список источников

- Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95—104.
- Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Ин-т социол. РАН, 2008. 325 с.
- Гурко Т. А. Отцовство в молодых семьях и после развода // Актуальные проблемы родительства в России / отв. ред. Т. А. Гурко. М.: Ин-т социол. РАН, 2013. С. 52—72.
- Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 1. С. 31—54.
- Гурко Т. А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58—69.
- Демографический ежегодник России, 2021. М.: Росстат, 2021. 256 с.
- Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
- Российский статистический ежегодник, 2021. М.: Росстат, 2021. 692 с.
- Хорни К. Женская психология. СПб.: Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1993. 222 с.
- Шевченко И. О. Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ. М.: Тровант, 2019. 300 с.
- Barroso A., Parker K., Bennett J. As Millennials Near 40, They're Approaching Family Life Differently Than Previous Generations, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/05/27/as-millennials-near-40-theyre-approaching-family-life-differently-than-previous-generations/> (дата обращения: 20.06.2022).
- Coontz S. Revolution in intimate life and relationships // Journal of Family Theory & Review. 2015. Vol. 7, № 1. P. 5—12.
- The Future of Children. 2010. Vol. 20, № 2: Fragile Families. 233 p.
- Yancura L., Walsh B. A., Barnett M. A., Hoover M. Tri-parenting or try parenting?: online posts about a potentially stigmatized family structure // Journal of Family Issues. 2021. Vol. 42, № 2. P. 474—498.

References

- Avdeeva, A. V. (2012) “Vovlechënnoe otsovstvo” v sovremennoï Rossii: strategii uchastiia v ukhode za det'mi [“Involved fatherhood” in modern Russia: strategies for participating in childcare], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 95—104.
- Barroso, A., Parker, K., Bennett, J. (2020) *As Millennials Near 40, They're Approaching Family Life Differently Than Previous Generations*, 2020, available from <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/05/27/as-millennials-near-40-theyre-approaching-family-life-differently-than-previous-generations/> (accessed 05.07.2022).

- Coontz, S. (2015) Revolution in intimate life and relationships, *Journal of Family Theory & Review*, vol. 7, no. 1, pp. 5—12.
- Demograficheskiĭ ezhegodnik Rossii, 2021* (2021) [Demographic yearbook of Russia, 2021], Moscow: Rosstat.
- Gurko, T. A. (2008) *Brak i roditel'stvo v Rossii* [Marriage and parenthood in Russia], Moscow: Institut sotsiologii Rossiĭskoi akademii nauk.
- Gurko, T. A. (2013) Otsovstvo v molodykh sem'iakh i posle razvoda [Fathering in young families and after divorce], in: Gurko, T. A. (ed.) *Aktual'nye problemy roditel'stva v Rossii*, Moscow: Institut sotsiologii Rossiĭskoi akademii nauk, pp. 52—72.
- Gurko, T. A. (2020) Teoreticheskie podkhody k izucheniiu transformatsii instituta sem'i [Theoretical approaches towards the study of the transformation of the institution of the family], *Sotsiologicheskiĭ zhurnal*, vol. 26, no. 1, pp. 31—54.
- Gurko, T. A. (2021) Ėvoliutsiia i transformatsiia instituta braka: analiz ėmpiricheskikh indikatorov [Evolution and transformation of the institution of marriage: analysis of empirical indicators], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 58—69.
- Khorni, K. (1993) *Zhenskaia psikhologiya* [Women's psychology], St. Petersburg: East European Institute of Psychoanalysis.
- Kon, I. S. (2009) *Muzhchina v meniaiushchemsya mire* [Man in a changing world], Moscow: Vremia.
- Rossiĭskii statisticheskiĭ ezhegodnik, 2021* (2021) [Russian statistical yearbook, 2021], Moscow: Rosstat.
- Shevchenko, I. O. (2019) *Ottsy i otsovstvo v sovremennoi Rossii: sotsiologicheskiĭ analiz* [Fathers and fatherhood in modern Russia: sociological analysis], Moscow: Trovant.
- The Future of Children* (2010), vol. 20, no. 2: Fragile families.
- Yancura, L., Walsh, B. A., Barnett, M. A., Hoover, M. (2021) Tri-parenting or try parenting?: Online posts about a potentially stigmatized family structure, *Journal of Family Issues*, vol. 42, no. 2, pp. 474—498.

Статья поступила в редакцию 27.08.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 27.08.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Гурко Татьяна Александровна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия, tgurko@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Chief Researcher of the Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 15—21.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 15—21.

Научная статья

УДК 316.346.2-055.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.2

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ КАТЕГОРИИ
ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ**

*Тамара Керимовна Ростовская*¹,
*Ольга Анатольевна Хасбулатова*²,
*Инна Николаевна Смирнова*²

¹ Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия

² Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru

Аннотация. Представлены основные методологические подходы к разработке социального портрета категории одиноких матерей в российском обществе. Особое внимание уделено таким интегральным аспектам социального портрета, как экономическое положение, мировоззренческие установки, жизненные стратегии, социальное самочувствие этой категории родителей, возможности для воспитания детей в благоприятной социальной среде. Концепция разработки данного социального портрета может быть востребована органами управления для определения эффективных путей поддержки и создания условий для воспитания детей в семьях одиноких матерей как значимой социальной группы современного российского общества.

Ключевые слова: одинокие матери как социальная категория, экономическое положение, жизненные стратегии, социальное самочувствие, мировоззренческие установки, благоприятные условия для воспитания детей, социальный портрет категории одиноких матерей

Для цитирования: Ростовская Т. К., Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Социальный портрет категории одиноких матерей в российском обществе: концептуальные подходы // *Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 15—21.*

Original article

**SOCIAL PORTRAIT OF SINGLE MOTHERS
IN RUSSIAN SOCIETY: CONCEPTUAL APPROACHES***Tamara K. Rostovskaya*¹, *Olga A. Khasbulatova*², *Inna N. Smirnova*²¹ Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation² Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, oax37@mail.ru

Abstract. The article presents the main methodological approaches to the development of a social portrait of single mothers in Russian society. Particular attention is paid to such integral aspects of the social portrait as the economic situation, ideological attitudes, life strategies, social well-being of this category of parents, opportunities for raising children in a favorable social environment. The concept of developing the social portrait of single mothers can be required by the authorities to determine effective ways to support and create conditions for raising children in single-mother families as a significant social group in modern Russian society.

Key words: single mothers as a social category, economic situation, life strategies, social well-being, ideological attitudes, favorable conditions for raising children, social portrait of single mothers

For citation: Rostovskaya, T. K., Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2022) Sotsial'nyi portret kategorii odinokikh materei v rossiiskom obshchestve: kontseptual'nye podkhody [Social portrait of single mothers in Russian society: conceptual approaches], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 15—21.

Введение

Цель данной статьи — разработать методологические основания для формирования социального портрета одиноких матерей как самостоятельной категории в российском обществе. Социальная категория одиноких матерей объединяет группу однородных лиц по состоянию семьи (в данном случае речь идет о неполных семьях с одним родителем — матерью). Законодательство РФ не предусматривает официального статуса «одинокая мать». Действующее законодательство использует это понятие при установлении для данной социальной группы ряда льгот: гарантии от увольнения, права на дополнительный отпуск без сохранения заработной платы, пособия на ребенка, компенсаций при оплате коммунальных услуг [Трудовой кодекс... , 2022].

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда РФ, к одиноким матерям может быть отнесена женщина, являющаяся единственным лицом, фактически осуществляющим родительские обязанности по воспитанию и развитию своих детей, т. е. воспитывающая их без отца по ряду причин [О применении законодательства... , 2014].

Государственной статистикой эта социальная категория учитывается. По последним данным, в российском обществе насчитывается 5 млн женщин,

воспитывающих ребенка без участия отца, что составляет 29 % от общего числа семей [Женщины и мужчины России... , 2020: 35]. Можно охарактеризовать типологию таких семей. Это семьи, в которых матери никогда не состояли в браке или состояли в незарегистрированном браке. В данном случае женщины, как правило, самостоятельно выполняют функцию материального обеспечения семьи. Еще одна социальная группа — это семья с детьми, в которой мать находится в зарегистрированном разводе, однако не получает от отца ребенка материальной поддержки. Во всех случаях данные семьи относятся к категории социально уязвимых, требующих от государства и общества различных мер поддержки.

Понятие «социальный портрет» в научной литературе

Понятие «социальный портрет» широко используется в зарубежной и отечественной социологии [Вебер, 1992; Вишневский, Рубина, 1997; Беляева, 2004]. Теоретической основой составления социального портрета в социологии стала концепция идеальных типов М. Вебера [Вебер, 1992]. Определение понятия «социальный портрет» представлено в работах М. П. Карпенко, М. В. Кибалкина, В. Н. Лапшова [Карпенко и др., 1999]. Социальный портрет различных возрастных когорт рассмотрен в исследованиях Л. А. Беляевой [Беляева, 2004], Ю. Р. Вишневского, Л. Я. Рубиной [Вишневский, Рубина, 1997], Д. Д. Ешпановой, А. Н. Нысанбаева [Ешпанова, Нысанбаев, 2004]. Общее для перечисленных работ — представление о том, что социальный портрет является собой интегральную характеристику социума, которая объединяет наиболее существенные черты восприятия и отображения социальной реальности, основанные на преобладающих ценностных ориентациях и образе жизни [Ермолаева и др., 2014: 18].

Социологическое понимание портрета объединяет основные социально-демографические характеристики объекта, определяется его социокультурными, экономическими, общественно-политическими установками, а также ценностными ориентациями. При разработке социального портрета отдельных групп населения учитывается место составляющих общество социальных групп в иерархии социума по признакам материального положения, уровня доходов, а также характерные для данной группы социальные взгляды и социальная психология.

Основными компонентами социального портрета выступают социально-демографические характеристики группы, выраженные в ряде показателей. Так, возрастные особенности и гендерные различия социальной группы во многом определяют ее мировоззренческие, идеологические и ценностные ориентиры и предпочтения. Диспропорции в социально-демографических показателях могут являться признаком экономического неблагополучия и нерешенности социальных проблем. Любая социальная группа характеризуется внутригрупповыми экономическими стандартами, выражающимися в материальном благосостоянии и уровне обладания экономической властью. Для исследования социального портрета используются как социологические методы (опросы, экспертные интервью), так и статистические данные.

Социальный портрет отражает наиболее существенные черты социальной группы. При научном подходе к его разработке органы государственного управления могут использовать характеристики социальных групп для определения эффективных форм их поддержки и создания условий для развития.

Таким образом, под социальным портретом мы будем понимать интегрированное описание социальной сущности изучаемой социальной группы, включающее характеристику всех ее компонентов и главных аспектов жизнедеятельности. В нашем случае это социальная категория одиноких матерей.

Методология формирования социального портрета категории одиноких матерей

Обратимся к основным индикаторам социального портрета одиноких матерей. Обобщенный социальный портрет исследуемой группы содержит ряд характеристик. Прежде всего это место одиноких матерей в социальной структуре общества, социально-демографические характеристики (возраст, национальность, место проживания, особенности семейных и детско-родительских отношений, отношения с отцом ребенка, родителями, родственниками). Выясняя уровень образования молодых матерей, целесообразно иметь в виду, что профессиональное образование наделяет их некоторым статусом. Здесь важно установить, играет ли образование роль социального лифта для подъема женщин этой категории на определенную ступень профессиональной лестницы.

Социальный портрет категории одиноких матерей определяется также местом этой группы в иерархии социума по признаку материального положения. Речь идет о выяснении сферы и типа занятости, характера трудового поведения женщин, источников их доходов, субъективных оценок степени благополучия и уровня жизни. Поскольку одинокие матери по ряду объективных причин (недостаточный уровень образования, низкие доходы, отсутствие поддержки со стороны отца ребенка) могут быть недовольны своим экономическим положением, целесообразно выяснить степень их удовлетворенности поддержкой со стороны государства. Важно иметь в виду, что характер мер государственной поддержки, ожидаемых одинокими матерями, в значительной степени будет зависеть от их жизненной ориентации при решении сложных проблем, а именно опираются они на собственные силы или на поддержку государства, что в социологии называется стратегией развития и стратегией повседневной жизни [Хасбулатова, Смирнова, 2020: 164]. Безусловно, ориентация граждан на поддержку со стороны государства присутствует в любом социуме. Однако ограниченные возможности одиноких матерей самостоятельно решать все свои проблемы во многом предопределяют эту ориентацию в качестве доминирующей.

Кроме социально-демографических и экономических характеристик, социальный портрет одиноких матерей включает мировоззренческие позиции данной социальной группы. Речь идет об уровне доверия политическим институтам, электоральной активности, степени участия в общественно-политической жизни страны и региона. Целесообразно выяснить их мнение о роли отца в семье, о мерах, которые государство должно применять к отцам, отказавшимся от уплаты алиментов и воспитания детей.

Отношение к жизни и социальное самочувствие выступают важным индикатором социального портрета категории одиноких матерей. Данный компонент социального портрета занимает особое место, так как через него проявляются ценностные устремления, социальное настроение, уровень социальной напряженности, общая удовлетворенность жизнью. При этом заметим, что в российском обществе отношение к одиноким матерям неоднозначно. Не секрет, что многие матери, воспитывающие ребенка без мужа, испытывают психологический стресс из-за низкого уровня жизни, ограниченных возможностей для личностного роста, непонимания со стороны родственников, сослуживцев, общества в целом. В этих условиях эффективной технологией изучения социального самочувствия выступает глубинное интервью, которое используется российскими социологами в исследовании демографических процессов [Демографическое самочувствие... , 2021].

В качестве обобщения целесообразно сформулировать индикаторы социального портрета категории одиноких матерей в современном российском обществе:

- образование, экономическая активность, уровень и структура доходов семьи;
- субъективные оценки уровня благополучия семьи;
- социальные проблемы одиноких матерей;
- уровень доверия политическим институтам, особенности электоральной активности;
- социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью, ориентация на поддержку государства или на собственные силы;
- отношение к роли отца в воспитании ребенка, в жизни семьи, мнение о мерах, которые должно применять государство к отцам, отказавшимся от воспитания детей и уплаты алиментов;
- степень удовлетворенности поддержкой со стороны государства;
- меры государственной поддержки, в которых испытывают потребность матери, воспитывающие ребенка без мужа.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальный портрет категории одиноких матерей отражает наиболее существенные черты данной социальной группы общества. Исследование показало, что разработка социального портрета позволяет предложить типологию молодых матерей, требующих адресной государственной поддержки. При научном подходе к формированию социального портрета органы государственного управления могут использовать его для определения эффективных путей поддержки и создания условий для воспитания детей в семьях одиноких матерей как значимой социальной группы современного российского общества.

Результаты и выводы, сформулированные по итогам разработки социального портрета, могут учитываться органами государственного управления при формировании государственных социальных программ. Принимая во внимание тот факт, что каждая третья семья в российском обществе — это одинокие матери с детьми, следует отметить: разработка социального портрета данной категории семей носит стратегический характер и может сыграть важную роль в совершенствовании российской семейной политики.

Список источников

- Беляева Л. А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 31—48.
- Вебер М. Класс, статус, партия // Социальная стратификация / под ред. С. Белановского. М.: Ин-т нар.-хоз. прогнозирования, 1992. Вып. 1. С. 19—38.
- Вишневецкий Ю. Р., Рубина Л. Я. Социальный облик студенчества 90-х годов // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 56—68.
- Демографическое самочувствие регионов России: национальный демографический доклад — 2021 / отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 138 с.
- Ермолаева П. О., Носкова Е. П., Зайнуллина М. Р., Купцова А. И., Нагимова А. М. Социальный портрет населения: методология, основные характеристики. Казань: Артефакт, 2014. 92 с.
- Ешпанова Д. Д., Нысанбаев А. Н. Социальный портрет молодежи в современном Татарстане // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 86—94.
- Женщины и мужчины России, 2020: статистический сборник. М.: Росстат, 2020. 239 с.
- Карпенко М. П., Лапинов В. Н., Кибалкин М. В. Социальный портрет студента негосударственного вуза // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 101—103.
- О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.01.2014 г. № 1. 2014. П. 28. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8375/?ysclid=laqudlqobd529891620> (дата обращения: 30.09.2022).
- Трудовой кодекс Российской Федерации. 2022. Ст. 261, ч. 4. URL: <https://tkodeksrf.ru/ch-4/rzd-12/gl-41/st-261-tk-rf?ysclid=laquw4toih858050715> (дата обращения: 30.09.2022).
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Гендерные стереотипы в цифровом обществе: современные тенденции // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 2. С. 161—171.

References

- Beliaeva, L. A. (2004) Sotsial'nyĭ portret vozrastnykh kogort v postsovetskoi Rossii [Social portrait of age cohorts in Post-Soviet Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 31—48.
- Ermolaeva, P. O., Noskova, E. P., Zaĭnullina, M. R., Kuptsova, A. I., Nagimova, A. M. (2014) *Sotsial'nyĭ portret naseleniia: metodologiia, osnovnye kharakteristiki* [Social portrait of the population: methodology, main characteristics], Kazan: Artefakt.
- Eshpanova, D. D., Nysanbaev, A. N. (2004) Sotsial'nyĭ portret molodĕzhi v sovremennom Tatarstane [Social portrait of youth in modern Tatarstan], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 86—94.
- Karpenko, M. P., Lapshov, V. N., Kibalkin, M. V. (1999) Sotsial'nyĭ portret studenta negosudarstvennogo vuza [Social portrait of a student of a non-state university], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 101—103.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2020) *Gendernye stereotipy v tsifrovom obshchestve: sovremennye tendentsii* [Gender stereotypes in the digital society: current trends], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 161—171.
- Rostovskaia, T. K., Shabunova, A. A. (eds) (2021) *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii: Natsional'nyĭ demograficheskii doklad — 2021* [Demographic well-being of Russian regions: National population report — 2021], Moscow: Federal'nyĭ nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr Rossiiskoi akademii nauk.

- Vishnevskii, Iu. R., Rubina, L. Ia. (1997) Sotsial'nyi oblik studenchestva 90-kh godov [The social image of students in the 90s], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 56—68.
- Veber, M. (1992) Klass, status, partiia [Class, status, party], in: Belanovskii, S. (ed.), *Sotsial'naia stratifikatsiia*, iss. 1, Moscow: Institut narodno-khoziaistvennogo prognozirovaniia, pp. 19—38.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2020: Statisticheskii sbornik (2020)* [Women and men of Russia, 2020: Statistical compendium], Moscow: Rosstat.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 02.10.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Смирнова Инна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovain@ivanovo.ac.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 22—32.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 22—32.

Научная статья

УДК 316.346.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.3

**НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ЖЕНЩИН И МУЖЧИН РОССИИ: АНАЛИЗ АГЕНТНОСТИ
НА БАЗЕ ВСЕМИРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ***

Софья Михайловна Ребрей

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofiarebrey@gmail.com

Аннотация. В статье впервые проводится гендерный анализ агентности на базе Всемирного исследования ценностей. Сравнивая уровень развития агентности женщин и мужчин России и других стран, автор, при помощи построения логистической регрессии, преследует цель определить, какое влияние финансовый, человеческий, социальный, психоэмоциональный капитал и другие факторы оказывают на развитие агентности российских женщин и мужчин. Выявляется, что российские женщины, несмотря на высокий уровень образования и участие в оплачиваемой занятости, обладают низким уровнем агентности, не сопоставимым с уровнем гендерного неравенства в стране. Основными факторами, снижающими агентность женщин, выступают слабое развитие социального капитала и гендерный дисбаланс в распределении домашнего труда.

Ключевые слова: агентность, гендерное неравенство, Всемирное исследование ценностей

Для цитирования: Ребрей С. М. Неравенство возможностей женщин и мужчин России: анализ агентности на базе Всемирного исследования ценностей // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 22—32.

© Ребрей С. М., 2022

* Продолжение темы, поднятой автором в статье, опубликованной в № 3.

Original article

**INEQUALITY OF OPPORTUNITIES
AMONG WOMEN AND MEN IN RUSSIA:
AN AGENCY ANALYSIS
BASED ON THE WORLD VALUES SURVEY**

Sofia M. Rebrey

Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs
of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, sofia rebrey@gmail.com

Abstract. The article is the first to conduct a gender analysis of agency based on the World Values Survey. Comparing the level of agency development of women and men in Russia in world comparisons, the study aims to determine what impact financial, human, social and psycho-emotional capital and other factors have on the development of the agency of Russian women and men by constructing logistic regression. It is revealed that Russian women, despite the high level of education and participation in paid employment, have a low level of agency, which is not comparable with the level of gender inequality in the country. The main factors that reduce the agency of women are the low level of development of social capital and gender imbalance in the distribution of household work.

Key words: agency, gender inequality, World Values Survey

For citation: Rebrey, S. M. (2022) Neravenstvo vozmozhnostei zhenshchin i muzhchin Rossii: analiz agentnosti na baze Vsemirnogo issledovaniia tsennostei [Inequality of opportunities among women and men in Russia: an agency analysis based on the World Values Survey], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 22—32.

Введение

Гендерное равенство, как известно, включено в цели устойчивого развития, однако все еще не вполне ясно, как его достичь [Gender Equality... , 2019]. Зачастую гендерная проблематика упрощается настолько, что сводится к гендерному разрыву в заработной плате. И хотя устойчивый и повсеместный гендерный разрыв в оплате труда, бесспорно, способствует гендерному неравенству и феминизации бедности, дискриминация женщин на рынках труда — это лишь верхушка айсберга. Тем не менее в классическом экономическом анализе уровень жизни приравнивается к уровню дохода индивида или домохозяйства, нивелируя таким образом множество других факторов гендерного неравенства. На фоне обостряющейся проблемы неравенства в мире разработка новых подходов к изучению проблем неравенства является насущной задачей.

Теория о равенстве возможностей, разработанная А. Сенем, предлагает не только фокусироваться на доходе, но и рассматривать другие индикаторы, которые влияют на возможности человека (уровень здоровья, образования и др.) [Sen, 1985, 2011; Alkire, 2005; Nussbaum, 2003]. Способность воспользоваться этими возможностями называется агентностью. Агентность — это способность

выбирать желаемую цель и способ ее достижения и достигать ее [Sen, 1985: 198]. Агентность включает как индивидуальный срез (личные свойства агента), так и коллективный (принадлежность тому или иному «агентству» (материнство и др.)), подразумевает определенные ожидания общества, институтов и самих агентов как членов этого общества [Kabeer, 1999, 2016]. Соответственно агентность во многом формируется на национальном или региональном уровне и зависит от институционального устройства общества, что обуславливает необходимость проведения национальных исследований [Donald et al., 2020; Ibrahim, Alkire, 2007; Kabeer, 1999].

Другой спецификой агентности выступает ее определенная автономность в различных институтах. Так, добиваясь карьерных успехов и обладая высокой агентностью на рынках труда, агент может обладать слабой агентностью в институте семьи и не распоряжаться собственным доходом. Это обуславливает необходимость изучения агентности в разных институтах [Ibrahim, Alkire, 2007; Kabeer, 1999].

Агентность измеряют с помощью специально разработанных опросов, что ограничивает возможности анализа. Поэтому экономисты используют и существующие базы данных, например Demographical Health Survey (DHS) [Hanmer, Klugman, 2016]. Однако DHS не включает сведения по России и в целом ограничивается рядом развивающихся стран. Кроме того, база содержит данные только относительно женщин, что ограничивает возможности сравнения женской и мужской агентности.

Настоящее исследование представляет собой первую попытку оценить агентность российских женщин в осевых институтах на фоне других стран на базе Всемирного исследования ценностей (ВИЦ). Осевые институты — это институт семьи и рынок труда, образование и наука, государственное и корпоративное управление. Агентность представляется как сочетание следующих видов капитала: финансовый, человеческий, социальный, психоэмоциональный.

Методология исследования

Опросник ВИЦ был разработан Р. Инглхартом для оценки обществ по шкале от светских до религиозных по оси ординат и от преобладания ценностей выживания до преобладания ценностей самовыражения по оси абсцисс. Опросник состоит из большого числа вопросов (290 — в российском опроснике 7-й волны), значительная часть которых посвящены отношению респондентов к социальным нормам, явлениям или процессам, остальные — финансовому и человеческому капиталу респондента (уровень дохода, занятость, субъективная оценка здоровья, уровень образования и др.) и его близких родственников (родители, супруги), касаются наличия детей, величины населенного пункта и др., благодаря чему прослеживается связь между экономическими, социальными и психологическими факторами.

Основным преимуществом данного опроса выступает его временная и географическая протяженность: он проводится с 1981 г. во многих странах мира, в том числе и в России (с 1990 г.), что предоставляет большую базу данных для исследования. Кроме того, ВИЦ включает опрос не только женщин, но и мужчин, что позволяет провести сравнительный анализ развития женской и мужской

агентности. Стандартизированная же форма опросов в различных регионах мира дает возможность сравнить женскую и мужскую агентность в разных странах.

Один из вопросов в анкете звучит так: «Некоторые люди полагают, что они совершенно свободны в выборе и сами определяют свою жизнь, другие же считают, что они никак реально не влияют на то, что с ними происходит. Используя эту шкалу (от 1 до 10. — С. Р.), оцените, пожалуйста, в какой степени, как Вам кажется, Вы влияете на ход своей жизни».

Представляется, что подобная формулировка весьма точно отражает смысл агентности, что позволяет принять его в качестве субъективной оценки агентом развития собственной агентности. Субъективный характер оценки скорее является достоинством, нежели недостатком, так как она весьма точно характеризует возможности агента [Nussbaum, 2011]. Объективную оценку достижений и возможностей агента позволяет дать большой набор вопросов. Например, является ли респондент главным добытчиком в семье, каковы группа доходов, характер занятости (полный/неполный рабочий день, домохозяйка, пенсионер, инвалид, студент), уровень должности (в том числе супруга и отца, когда респонденту было 14 лет), уровень образования (в том числе матери, отца, супруга), уровень здоровья (субъективная оценка) и пр. Несоответствие объективной и субъективной оценок агентности трактуется в пользу субъективной, так как агентность и есть сугубо субъективное ощущение. Скажем, агент может быть главным добытчиком в семье, но в реальности не распоряжаться своим доходом [Acharaya, Bennet, 1983].

В результате анализа вопросов опросника Инглхарта на основе тех характеристик агентности, о которых говорилось ранее, и статистического анализа наиболее значимых признаков выделены следующие группы и признаки агентности (табл. 1).

Таблица 1

Категоризация признаков агентности

Категория	Признак
Финансовый капитал	Уровень дохода, социальный класс, удовлетворенность уровнем дохода
Человеческий капитал	Уровень образования, состояние здоровья, возраст
Социальный капитал	Приоритет друзей в жизни, членство в различных организациях
Психоэмоциональный капитал	Уровень удовлетворенности жизнью в целом, уровень счастья
Семья	Количество детей, совместное проживание с родителями, брачный статус (замужем, в разводе, холост), приоритет семьи в жизни, главный добытчик в семье
Работа	Форма занятости (постоянная, временная/самозанятость, отсутствие работы), приоритет работы в жизни
Отношение к правам женщин	Отношение к женщинам — политическим лидерам, к женщинам — корпоративным лидерам, к домашнему насилию в отношении женщин, к абортам

Согласно теории эволюционной модернизации, по мере экономического развития и повышения благосостояния общества поколения, выросшие с ощущением экзистенциальной безопасности, все больше придерживаются феминистских взглядов [Инглхарт, 2018]. Поэтому опросник включает большое число вопросов, позволяющих оценить уровень развития феминизма в обществе. Феминизм здесь понимается как позитивное, недискриминационное отношение к девочкам и женщинам. Задаются, к примеру, такие вопросы: девочкам так же важно дать хорошее образование, как и мальчикам? могут ли женщины быть такими же хорошими политическими лидерами, как мужчины? проблема, если жена зарабатывает больше мужа? женщины обладают теми же правами, что и мужчины? страдает ли ребенок, если мать работает?

Рост феминизма в обществе свидетельствует о расширении прав и возможностей женщин (empowerment). В контексте агентности речь идет о ее коллективных свойствах: ощущениях общности у агентов (в данном случае женщин) и тех возможностях, которые общество и институты делают доступными для женщин. Таким образом, появляется возможность сравнить развитие индивидуальной и коллективной агентности и соотнести ее с процессом роста прав и возможностей женщин, выделив самые важные факторы, способствующие этому. Специально рассмотрено отношение к абортam, домашнему насилию, физическому наказанию детей — то, что больше всего влияет на депривацию прав женщин (и детей) и резко снижает агентность [Hanmer, Klugman, 2016].

В базе данных содержится 426 452 строки, что включает 7 волн опроса и 104 страны¹. Данные опроса обработаны на языке Python (версия 3.7) под оболочками Jupiter Notebook. Предобработка данных выполнена средствами библиотек Pandas и Numpy, построение и тестирование модели логистической регрессии — средствами библиотеки Scikit-learn, визуализация — библиотеки Seaborn.

Результаты исследования

Субъективная оценка агентности российских женщин в среднем составляет 6,3 (из 10), что существенно ниже, чем у российских мужчин (7,0) и в среднем в мире (7,1 у женщин, 7,2 у мужчин). Такой большой гендерный разрыв является российской спецификой. Низкая агентность российских женщин не кажется закономерной, если подробнее ознакомиться с результатами опроса.

¹ Аргентина, Австралия, Канада, Финляндия, Венгрия, Япония, Мексика, Южная Африка, Южная Корея, Швеция, США, Беларусь, Бразилия, Чешская Республика, Чили, Китай, Индия, Нигерия, Польша, Россия, Словакия, Испания, Швейцария, Турция, Албания, Армения, Азербайджан, Бангладеш, Босния и Герцеговина, Болгария, Колумбия, Хорватия, Доминиканская Республика, Сальвадор, Эстония, Грузия, Германия, Соединенное Королевство, Латвия, Литва, Молдова, Черногория, Новая Зеландия, Северная Македония, Норвегия, Пакистан, Перу, Филиппины, Пуэрто-Рико, Румыния, Сербия, Словения, Тайвань, Украина, Уругвай, Венесуэла, Алжир, Египет, Индонезия, Иран, Ирак, Израиль, Иордания, Кыргызстан, Марокко, Саудовская Аравия, Сингапур, Танзания, Уганда, Вьетнам, Зимбабве, Андорра, Буркина-Фасо, Кипр, Эфиопия, Франция, Гана, Гватемала, Гонконг, Италия, Малайзия, Мали, Нидерланды, Руанда, Таиланд, Тринидад и Тобаго, Замбия, Эквадор, Гаити, Казахстан, Кувейт, Ливан, Ливия, Палестина, Катар, Тунис, Узбекистан, Йемен, Боливия, Греция, Макао, Мьянма, Никарагуа, Таджикистан.

Во-первых, для российских женщин характерен один из самых высоких уровней образования в мире.

Во-вторых, российские женщины чаще, чем женщины других стран, выступают главными добытчицами в семье. В опросе таких женщин — 55 %, тогда как в среднем в мире — 26 %. Более того, их число растет: во второй волне опроса их доля в России составляла 39 %.

В-третьих, Россия занимает средние позиции в рейтингах по гендерному равенству, т. е. нельзя предположить, что российские женщины больше подвержены дискриминации, чем все остальные.

Далее признаки были сокращены и обработаны для построения моделей логистической регрессии отдельно для женской и мужской агентности и подсчета соответствующих коэффициентов признаков (табл. 2). Логистический регрессионный анализ позволяет оценить и сравнить вклад различных факторов в формирование женской и мужской агентности. В целом женская и мужская модели получились довольно разными, иногда даже зеркальными, что в очередной раз подчеркивает важность дезагрегации по полу в экономическом анализе. Уровень точности модели оценивается как удовлетворительный (75 % для мужской модели и 71,5 % для женской по метрике MAPE) [Метрика MAPE...].

Самый большой позитивный вклад в агентность делает приоритизация работы над всеми остальными сферами жизни: 48 % у женщин и 36 % у мужчин. Форма занятости играет важную роль особенно для женщин: отсутствие работы отнимает 32 % от агентности, полная занятость — 24 %, временная или самозанятость 17 %. В случае мужской агентности негативный вклад вносит только полная занятость, остальные формы — нейтральный вклад. Приоритизация работы над семьей в целом менее характерна для женщин — 54 %, чем для мужчин — 63 %. Прочная связь с агентностью логически оправдана: когда агент считает работу важной частью своей жизни, это повышает его агентность, и не только за счет повышенного дохода или человеческого капитала (образование, опыт работы), но и за счет реализации собственных талантов и амбиций. Работе можно противопоставить семью, приоритизация которой, напротив, требует от женщин самоотдачи: вместо повышения собственного человеческого капитала необходимо посвятить свое время возвращению человеческого капитала детей, а также в целом неоплачиваемому домашнему труду, заботе о детях, супруге, пожилых членах семьи. В институте семьи женщины выступают основными донорами времени и заботы, а мужчины — реципиентами [Калабихина, Шайкенова, 2019].

Поэтому приоритизация семьи, как и брака в целом, негативно влияет на женскую агентность (–8 и –12 % соответственно) и позитивно на мужскую (8 и 5 %). Кроме того, женская агентность выигрывает при работающем супруге (30 %), а мужская — проигрывает (–11 %). И женская, и мужская агентность растут, если супруг(а) не работает, причем женская — гораздо больше, чем мужская, — не вполне очевидно, почему. Это можно было бы объяснить свободным временем, которое неработающий супруг может уделять своей семье, «разгружая» женщину. Но российская статистика по бюджетам времени свидетельствует, что прирост времени, уделяемого домашнему труду, у неработающих мужчин составляет в сутки 52 мин.* Вряд ли это могло бы дать подобный эффект.

* См., напр.: Женщины и мужчины России, 2018. М.: Росстат, 2018. Разд. 5.

Таблица 2

Вес признаков агентности женщин и мужчин в России

Категория	Признак	Мужчины	Женщины
Отношение к правам женщин	Женщины не хуже мужчин справляются с ролью политического лидера	-0,11	0,11
	Насилие мужа в отношении жены может быть оправдано	0,02	0,03
	Аборт может быть оправдан	-0,02	0,02
	Женщины не хуже мужчин справляются с ролью корпоративного лидера	0,10	-0,05
Работа	Приоритет работы в жизни	0,36	0,48
	Временная или самозанятость	0,02	-0,17
	Полная занятость	-0,16	-0,24
	Отсутствие работы	-0,02	-0,32
Семья	Супруг(а) не работает	0,07	0,38
	Супруг(а) работает на полную ставку	-0,11	0,30
	Главный добытчик в доме	0,04	-0,01
	Количество детей	0,00	-0,01
	Брачный статус — в разводе	-0,06	-0,03
	Совместное проживание с родителями	-0,07	-0,06
	Приоритет семьи в жизни	0,08	-0,08
	Брачный статус — холост/не замужем	0,10	-0,09
Психоэмоциональный капитал	Брачный статус — в браке	0,05	-0,12
	Уровень счастья	0,14	0,44
Социальный капитал	Уровень удовлетворенности жизнью	0,21	0,23
	Приоритет друзей в жизни	0,08	0,36
Финансовый капитал	Членство в различных организациях	0,02	0,01
	Удовлетворенность уровнем дохода домохозяйства	0,00	0,06
	Уровень дохода	-0,17	0,03
Человеческий капитал	Социальный класс	0,07	-0,13
	Уровень образования	0,13	0,07
	Возраст	-0,01	-0,01
	Состояние здоровья	-0,20	-0,13

Далее рассмотрим вклад человеческого, финансового, социального и психоэмоционального капиталов в агентность женщин и мужчин в России. В человеческом капитале самую важную роль играет уровень образования, особенно для мужской агентности. Снижать отдачу от образования может гендерное неравенство в институтах образования и преобладание мужского взгляда (андроцентризм) в преподаваемых дисциплинах, в результате чего формируется «выученная беспомощность». Состояние здоровья вносит негативный вклад в агентность, что, вероятно, связано с субъективным характером оценки состояния здоровья. В результате проявляется обратная связь: агентность повышает осознанность агента, его внимание к собственному здоровью, он больше осведомлен о своем здоровье и имеет более высокие требования.

Разное измерение финансового капитала показывает противоположные результаты: для женской агентности важнее удовлетворенность уровнем дохода домохозяйства (6 %) и уровнем дохода (3 %), а для мужской важнее социальный класс (7 %).

Социальный капитал традиционно слабо развит у женщин, потому что после брака их социальные связи сокращаются [Addis, Joxhe, 2017]. Приоритизация дружеских связей восполняет социальный капитал и позитивно влияет на женскую агентность гораздо сильнее, чем на мужскую (36 и 8 % соответственно). Психоэмоциональный капитал в целом гораздо важнее для женской агентности, чем для мужской.

Отношение к правам женщин в общем слабо влияет на агентность. Это можно трактовать как свидетельство незавершившегося гендерного перехода в России [Калабихина, 2009]. Так, в странах с более высоким уровнем гендерного равенства (например, Австралия, Финляндия) признаки этой категории имеют больший вес.

В целом можно сделать вывод о том, что субъективная оценка развития агентности российских женщин не тождественна оценке расширения прав и возможностей женщин. Это подтверждается распространением патриархатных ценностей в институтах семьи, труда и управления среди женщин, осознающих свою агентность как высокую.

Выводы

В патриархатных обществах агентность женщин традиционно ограничена формальными и неформальными институтами, согласно которым зафиксирована желаемая классификация целей для женщин, в которой на первом месте стоит материнство. Причастность к женской агентности требует большего количества позитивных примеров постановки и достижения альтернативных целей. Их недостатком объясняется частое стремление успешных в карьере женщин «отречься» от причастности к женской агентности, не мотивируя, а, наоборот, демотивируя других женщин следовать подобному примеру. Скажем, малое количество женщин на руководящих постах, отсутствие традиций женского менторства и сестринства превращает их из позитивного примера для подражания в исключение из правил или вовсе в негативный пример.

Таким образом, патриархатные нормы выступают тормозом развития женской агентности, причем преимущественно посредством ограничения социального капитала женщин. Дефицит времени и отсутствие практик сестринства и менторства нивелируют значимость дружеских и деловых связей и ограничивают членство в разнообразных организациях. Семья также выступает ограничивающим фактором, что связано с неравномерным распределением нагрузки по уходу за детьми и домашнему хозяйству между супругами. Приоритизация семьи, характерная для женщин, негативно сказывается на агентности, а приоритизация работы, напротив, вносит самый большой позитивный вклад в агентность. Для мужчин же приоритизация семьи выступает стимулирующим фактором развития агентности.

Развитие женской агентности и расширение прав и возможностей женщин связаны посредством коллективного аспекта агентности. Главным фактором в ее формировании выступает позитивное отношение к женщинам и эгалитарным ценностям.

Исследование доказывает основополагающую роль эгалитаризма для роста агентности и женщин, и мужчин. Разделение ответственности в области заработка и заботы позитивно влияет на агентность обоих полов. Тогда как концентрация ответственности у одного супруга, в частности роль главного добытчика в семье, напротив, снижает агентность. Вопреки расхожему мнению такой признак, как неработающий супруг, повышает агентность женщин. Этот неожиданный результат требует дальнейшей апробации, в частности в других странах, что позволит оценить, является ли данная черта российской спецификой.

В целом низкий уровень развития агентности женщин выявляет высокий уровень гендерного неравенства в России и указывает на факторы, тормозящие искоренение дискриминации. Помимо общеизвестных факторов — неравенства в доходах и распределении неоплачиваемого домашнего труда, установлена роль человеческого, финансового, социального и психоэмоционального капитала, участия в институте семьи и труда.

Список источников

- Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
- Калабихина И. Е.* Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКС Пресс, 2009. 240 с.
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К.* Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 261—285.
- Метрика MAPE — Mean Absolute Percentage Error, библиотека Scikit-learn. URL: https://scikit-learn.org/stable/modules/generated/sklearn.metrics.mean_absolute_percentage_error.html (дата обращения: 10.02.2022).
- Acharya M., Bennett L.* Women and the Subsistence Sector: Economic Participation and Household Decision Making in Nepal / World Bank. Working Paper 526. Washington (DC), 1983.
- Addis E., Joxhe M.* Gender gaps in social capital: a theoretical interpretation of evidence from Italy // Feminist Economics. 2017. Vol. 23, № 2. P. 146—171.
- Alkire S.* Why the capability approach? // Journal of Human Development. 2005. Vol. 6, № 1. P. 115—135.
- Donald A. et al.* Measuring women's agency // Feminist Economics. 2020. Vol. 26, № 3. P. 200—226.
- Gender Equality and Inclusive Growth: Economic Policies to Achieve Sustainable Development / ed. by D. Elson, A. Seth. New York: UN Women, 2019. URL: <https://16dayscampaign.org/wp-content/uploads/2019/03/Gender-equality-and-inclusivegrowth-en.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).
- Hanmer L., Klugman J.* Exploring women's agency and empowerment in developing countries: where do we stand? // Feminist Economics. 2016. Vol. 22, № 1. P. 237—263.
- Ibrahim S., Alkire S.* Agency and empowerment: a proposal for internationally comparable indicators // Oxford Development Studies. 2007. Vol. 35, № 4. P. 379—403.

- Kabeer N. Gender equality, economic growth, and women's agency: the «endless variety» and «monotonous similarity» of patriarchal constraints // *Feminist Economics*. 2016. Vol. 22, № 1. P. 295—321.
- Kabeer N. Resources, agency, achievements: reflections on the measurement of women's empowerment // *Development and Change*. 1999. Vol. 30, № 3. P. 435—464.
- Nussbaum M. C. Capabilities as fundamental entitlements: Sen and social justice // *Feminist Economics*. 2003. Vol. 9, № 2—3. P. 33—59.
- Nussbaum M. C. *Creating Capabilities: the Human Development Approach*. Cambridge (MA): Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 237 p.
- Sen A. Well-Being, agency and freedom: the Dewey lectures // *The Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 82, № 4. P. 169—221.
- Sen A. *The Idea of Justice*. Cambridge (MA): Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 467 p.

References

- Acharaya, M., Bennet, L. (1983) *Women and the Subsistence Sector: Economic Participation and Household Decision Making in Nepal*, World Bank, Working Paper 526, Washington, DC.
- Addis, E., Joxhe, M. (2017) Gender gaps in social capital: a theoretical interpretation of evidence from Italy, *Feminist Economics*, vol. 23, no. 2, pp. 146—171.
- Alkire, S. (2005) Why the capability approach?, *Journal of Human Development*, vol. 6, no. 1, pp. 115—135.
- Donald, A. et al. (2020) Measuring women's agency, *Feminist Economics*, vol. 26, no. 3, pp. 200—226.
- Elson, D., Seth, A. (eds) (2019) *Gender Equality and Inclusive Growth: Economic Policies to Achieve Sustainable Development*, New York: UN Women, available from <https://16dayscampaign.org/wp-content/uploads/2019/03/Gender-equality-and-inclusivegrowth-en.pdf> (accessed 10.02.2022).
- Hanmer, L., Klugman, J. (2016) Exploring women's agency and empowerment in developing countries: where do we stand?, *Feminist Economics*, vol. 22, no. 1, pp. 237—263.
- Ibrahim, S., Alkire, S. (2007) Agency and empowerment: a proposal for internationally comparable indicators, *Oxford Development Studies*, vol. 35, no. 4, pp. 379—403.
- Inglkhart, R. (2018) *Kul'turnaia èvoliutsiia: kak izmeniaiutsia chelovecheskie motivatsii i kak èto meniaet mir* [Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world], Moscow: Mysl'.
- Kabeer, N. (1999) Resources, agency, achievements: reflections on the measurement of women's empowerment, *Development and Change*, vol. 30, no. 3, pp. 435—464.
- Kabeer, N. (2016) Gender equality, economic growth, and women's agency: the “endless variety” and “monotonous similarity” of patriarchal constraints, *Feminist Economics*, vol. 22, no. 1, pp. 295—321.
- Kalabikhina, I. E. (2009) *Gendernyi faktor v èkonomicheskom razvitii Rossii* [Gender factor in the economic development of Russia], Moscow: MAKS Press.
- Kalabikhina, I. E., Shaikenova, Z. K. (2019) *Zatraty vremeni na domashniuiu rabotu: determinanty gendernogo neravenstva* [Time spent on household work: the determinants of gender inequality], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: èkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 261—285.
- MAPE — *Mean Absolute Percentage Error*, *Scikit-learn*, available from https://scikit-learn.org/stable/modules/generated/sklearn.metrics.mean_absolute_percentage_error.html (accessed 10.02.2022).

- Nussbaum, M. C. (2003) Capabilities as fundamental entitlements: Sen and social justice, *Feminist Economics*, vol. 9, no. 2—3, pp. 33—59.
- Nussbaum, M. C. (2011) *Creating Capabilities: The Human Development Approach*, Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Sen, A. (1985) Well-being, agency and freedom: The Dewey lectures, *The Journal of Philosophy*, vol. 82, no. 4, pp. 169—221.
- Sen, A. (2011) *The Idea of Justice*, Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Ребрей Софья Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofiarebrey@gmail.com (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at the World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 33—47.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 33—47.

Научная статья

УДК 930.85

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.4

**«КУБА — ЛЮБОВЬ МОЯ»:
СИМВОЛИЗМ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО
В СОВЕТСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ОСТРОВА СВОБОДЫ**

Людмила Леонидовна Клещенко, Татьяна Борисовна Рябова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, ludmila.popova2011@yandex.ru

Аннотация. В статье, основанной на анализе произведений советской массовой культуры 1960-х гг. (художественные и документальные фильмы, популярная песня), исследуется роль символизма мужского и женского в репрезентациях Кубы в контексте холодной войны. Авторы приходят к выводу о том, что образы мужчин и женщин стали заметной составляющей советских репрезентаций кубинской революции. Женские образы привлекались для обоснования ее справедливого характера, а также для демонстрации того, что только социализм может обеспечить решение женского вопроса. Репрезентации революционной кубинской маскулинности позволяли показать способность Фиделя Кастро и его соратников защитить дело революции, а также непобедимость революционного движения в мире. Привлечение символизма мужского и женского вносило вклад в создание образа врага, способствуя наделению его такими чертами, как аморальность, бесчеловечность, жестокость, трусость, в обоснование того, что американский империализм несет угрозу человечеству. Кроме того, образы кубинской мужественности использовались в политике советской идентичности. Акцентирование молодости революционной маскулинности барбудос включалось в демонстрацию молодости СССР как страны, устремленной в будущее. Оно создавало возможность провести своеобразный ребрендинг Октябрьской революции, показать, что ее дело продолжается.

Ключевые слова: маскулинность, фемининность, Куба, холодная война, советская песня, советский кинематограф, образ врага

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305 «Образы врага в массовой культуре холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Для цитирования: Клещенко Л. Л., Рябова Т. Б. «Куба — любовь моя»: символизм мужского и женского в советских репрезентациях Острова свободы // *Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 33—47.*

Original article

**“CUBA IS MY LOVE”: THE SYMBOLISM OF MALE AND FEMALE
IN THE SOVIET REPRESENTATIONS
OF THE ISLAND OF FREEDOM**

Liudmila L. Kleshchenko, Tatiana B. Riabova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, ludmila.popova2011@yandex.ru

Abstract. The article based on an analysis of Soviet mass culture of the 1960s (feature films, documentaries, popular songs) examines the representations of Cuban masculinity and femininity in the context of the Cold war during the 1960s. The authors conclude that the images of men and women, masculinity and femininity have become a noticeable component of Soviet representations of the Cuban Revolution. Female images were used to explain the just nature of the revolution, to demonstrate that only socialism can provide a solution to women’s issues. Representations of revolutionary Cuban masculinity made it possible to show the ability of Fidel Castro and his associates to defend the cause of the revolution, as well as the invincibility of the revolutionary movement in the world. The attraction of male and female symbolism contributed to the creation of the enemy image, portraying him as immoral, inhuman, cruel, and cowardly, in demonstrating that he poses a threat to humanity. The function of the defender of Cuba as a woman was one of the main ones in the representations of Cuban masculinity. These images were also used in the politics of Soviet identity. Emphasizing the youth of revolutionary masculinity *Barbudos* was included in the demonstration of the youth of the USSR as a country aspiring to the future together with all progressive humanity. It created an opportunity to carry out a kind of rebranding of the October Revolution, to show that its work continues.

Key words: masculinity, femininity, Cuba, Cold War, Soviet song, Soviet cinema, enemy image

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-18-00305 “The images of the enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”.

For citation: Kleshchenko, L. L., Riabova, T. B. (2022) “Kuba — liubov’ moia”: simvolizm muzhskogo i zhenskogo v sovetskikh reprezentatsiiakh Ostrova svobody [“Cuba is my love”: the symbolism of male and female in the Soviet representations of the Island of Freedom], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 33—47.

Введение

Своеобразная влюбленность в кубинскую революцию — заметная составляющая советской культуры и, более того, политики советской идентичности. Советскость 1960-х гг. сложно представить не только без полета Юрия Гагарина или кинематографа «оттепели», но и без образа героического Острова свободы. Куба была не просто одной из стран социалистического содружества: кубинская революция и дальнейшая борьба далекого острова с могущественным соседом — США вызывали у советских граждан восторженный отклик. Кубинские события были в центре внимания советских СМИ, на них отзывались и те, кто создавал массовую

культуру: популярные поэты, кинорежиссеры, графики. Обострение отношений Кубы и США в начале 1960-х вызвало волну прокатившихся по стране митингов под лозунгом «Руки прочь от Кубы!».

Одним из фронтов холодной войны была «борьба за сердца и умы», и это соперничество велось прежде всего в массовой культуре СССР и США. Аргументами в данном противостоянии служили репрезентации не только двух сверхдержав, но и третьих стран, включая Кубу. Образы Кубы в риторике холодной войны уже становились объектом изучения [Soderlund et al., 1998; Adler-Nissen, 2014; Гегелова и др., 2019]. Особое значение, на наш взгляд, имеет компаративный анализ [Ярулина, 2015; Клещенко, 2021], который позволяет показать закономерности советских и американских репрезентаций кубинской революции в конструировании образов «врага номер один» в СССР и в США¹. Вклад настоящей статьи в исследование репрезентаций Кубы в контексте холодной войны мы видим в том, что впервые предметом исследования становится использование *символизма мужского и женского* в «борьбе за сердца и умы» (что было весьма значимым в риторике холодной войны в целом, как показано в работах многих отечественных и зарубежных исследователей (напр.: [May, 1988; Enloe, 1993; Dowling, 2014; Riabov, Riabova, 2021]).

Как репрезентировались мужественность и женственность кубинцев в советской массовой культуре? Какие функции эти образы выполняли? Какую роль они играли в дискурсе советского антиамериканизма? Наконец, какое место они занимали в политике советской идентичности? Ответы на эти вопросы мы попробуем дать, опираясь на такие источники, как произведения советской массовой культуры 1960-х гг., в том числе популярные песни, художественные и документальные фильмы. Если роль кинематографа в холодной войне уже исследовалась [Shaw, Youngblood, 2010] (см. об этом: [Riabov, Riabova, 2021: 123]), то изучение музыки как оружия холодной войны еще только начинается (напр.: [Schmelz, 2009; Юдин, 2021]). Особый интерес представляет здесь советская песня — и поскольку она была ориентирована на непосредственный эмоциональный отклик человека, и поскольку песня, из-за ее способности оказывать воздействие, рассматривалась как важный инструмент формирования идейных убеждений и нравственных качеств советского человека [Степанова, 2015; Иванова, Бережной, 2020].

Методология

По определению М. Эдельмана, символы представляют собой «способ организации репертуара познаваемого в смыслы» [Edelman, 1971: 34]. Символы воздействуют на содержание индивидуального и массового политического сознания и — опосредованно — на политическое поведение индивидов и групп. В качестве политических символов могут выступать различные события, предметы, образы. Политические символы полисемантичны, специфика их интерпретации обусловлена как социальными представлениями [Кобб, Элдер, 2009: 134], так и теми целями, которые преследуют использующие их политические акторы.

¹ Значимыми для понимания роли Кубы в противостоянии сверхдержав войны являются и работы, посвященные наследию периода холодной войны в современной кубинской политике [Кодзоев, 2020; Хейфец В., Хейфец Л., 2017].

Символы выполняют в политических процессах ряд функций. Прежде всего, привлечение содержащихся в символе интерпретаций позволяет обеспечивать формирование сильных социальных связей внутри группы и исключать другие группы, не разделяющие доминирующую трактовку содержания символа; тем самым создаются символические границы, помогающие отделять «своих» от «чужих». Использование политическими акторами символов помогает укреплять позитивную идентичность «своих», нередко при помощи демонизации «чужих». Кроме того, символы способствуют упрощению передачи и восприятия политической информации, помещая новую информацию в уже известный человеку культурный контекст [Phillips DeZalia, Moeschberger, 2014: 5]. Наконец, символы, связанные с базовыми ценностями сообщества, способны вызывать сильные эмоциональные реакции; это делает их эффективным средством политической мобилизации.

Символизм мужского и женского является релевантным для репрезентаций политических событий (включая репрезентации Кубы в годы холодной войны) потому, что, во-первых, пол легко идентифицируется человеком, представления о характеристиках мужчин и женщин соотносятся с его или ее личным опытом; значимо и то, что отношения полов воспринимаются едва ли как не самые очевидные, понятные, а потому легитимные. Во-вторых, в самой оппозиции «мужское — женское» заключена возможность использовать ее для продуцирования отношений неравенства и контроля.

Символизм женского

Одной из самых известных репрезентаций кубинской революции в культуре холодной войны стал советско-кубинский фильм «Я — Куба» (1964). В создании картины приняли участие видные деятели советской культуры: режиссером и оператором выступили соответственно М. Калатозов и С. Урусевский, чей фильм «Летят журавли» был высоко оценен во всем мире, а сценаристом — Е. Евтушенко. В контексте нашего исследования картина представляет особый интерес потому, что образы женщин используются в объяснении причин кубинской революции и в обосновании ее легитимности. Метафора «Куба — женщина» в ней становится одной из центральных. Фильм состоит из нескольких не связанных между собой киноновелл о судьбах людей накануне революционных событий, а действие сопровождается закадровым комментарием от имени Кубы.

Первая новелла разоблачает такие формы объективации женщин, как конкурс красоты и проституция. Создатели фильма рассказывают о жизни молодой кубинки Марии («Бетти») в предреволюционный период, которую крайняя бедность вынуждает заниматься проституцией. Привлечение образа сексуальной эксплуатации «своих» женщин со стороны врага выступает распространенным способом апелляции к идентичности «своих» мужчин и служит средством политической мобилизации. В качестве антигероев в новелле изображены американцы, которые прибыли на остров для праздного времяпрепровождения. В сцене в ресторане, где богатые гринго выбирают себе подружек на ночь, авторы фильма дают понять, что для американцев кубинские женщины являются только объектом удовлетворения первичных потребностей: выбор ими девушек сравнивается с выбором блюд из меню. Кубинки лишаются права голоса: общаться

с американцами им мешает языковой барьер, они владеют только небольшим набором фраз: «да, мистер», «я знаю, как будет “нет”, но я не говорю “нет”». Силуэты девушек в баре подобны статуям или куклам: они красивы, но почти неподвижны, молча ждут своей участи. Эти женские образы включены в киноповествование, очевидно, для того, чтобы продемонстрировать такие качества американцев, как неуважительное отношение к женщинам, безнравственность, алчность, пошлость.

По сюжету пресыщенный обычными развлечениями американец уговаривает Марию привести его к себе домой, и она не находит в себе силы отказать ему в этой просьбе. Добравшись до лачуги, американец и там чувствует себя как дома: к примеру, он съедает апельсин, подаренный Марии ее женихом. Таким образом, враг не только вторгается в ее личное пространство, но и символически уничтожает ее надежды на будущее.

Весь сюжет первой новеллы основан на аналогии между эксплуатацией Кубы колонизаторами и эксплуатацией ими кубинских женщин. Янки отнимает у Марии нательный крест, а возможно, и жениха (узнавшего о роде занятий своей подруги) — подобно тому, как американские компании вывозят с Кубы ее ресурсы: сахар и табак («Мой сахар увозили корабли, мои слезы оставляли мне»). Но Куба мстит американцу: покинув дом Марии, он вынужден скитаться по трущобам, будучи не в силах найти выход из лабиринтов лачуг, преследуемый к тому же детьми, выпрашивающими милостыню.

Еще один эпизод фильма, разоблачающий объективацию кубинок американцами, — сцена преследования военными моряками кубинской девушки в третьей новелле. Включение этой сцены в фильм соответствует практикам дегуманизации «врага номер один», отмеченным исследователями (напр.: [Riabov, 2020]). Поведение американцев уподобляется поведению животных: стая во главе с вожаком загоняет беззащитную жертву. Авторы фильма ставят под сомнение не только человеческие, но и мужские качества американских военных. Столкнувшись с кубинским студентом Энрике, не побоявшимся в одиночку встать на защиту женщины, они трусливо отступают. Здесь мы видим использование еще одной из практик пропаганды периода холодной войны — демаскулинизацию «врага номер один» (напр.: [там же; Рябова, Панкратова, 2019]). Ему отказывают в обладании так называемыми мужскими качествами (силой, отвагой), мужскими функциями (защитника и кормильца). При этом моряки изображены скорее не как реальная угроза, а как посмешище. Их обобщенный образ основан на стереотипных советских представлениях об американских военных: низкий культурный уровень, вульгарное поведение, отсутствие уважения к традициям тех народов, на территории которых они находятся².

Итак, в фильме «Я — Куба» образы претерпевающих страдания и лишения женщин используются для политической мобилизации, обоснования необходимости защищать кубинок. В целом фильм служит примером заметной, хотя и не единственной, тенденции в советских репрезентациях Кубы — феминизации, проявляющейся в уподоблении этой страны женщине [Клещенко, 2021].

² Как показали исследования фокус-групп, именно такие черты в образах «американской военщины», созданных советским кинематографом, распознает и современная российская аудитория [Рябова, Панкратова, 2019].

Ил. 1

Важной для понимания смысла картины в контексте холодной войны является киноафиша, выполненная А. Фёдоровым (ил. 1). Изображенная на переднем плане мулатка символизирует Кубу, а ее антагонистом является американец — с сигарой, коктейлем, бутылкой рома, для которого остров — место развлечений. Это именно американцы стремятся превратить Кубу в публичный дом. Угрозу человечеству несет сам американский образ жизни, который культивирует низменные, животные инстинкты в человеке и распространяется, в том числе силой оружия, по всему земному шару. Таким образом, использование женских образов стран третьего мира выступало одним из ресурсов создания образа врага в советском дискурсе холодной войны, способствуя наделению «врага номер один» такими чертами, как агрессивность, аморальность, а также трусость (янки ведут себя как хозяева лишь до тех пор, пока не получают отпор).

Схожие функции образа женской уязвимости используются в фильме «Черная чайка» (реж. Г. Колтунов, 1962), который посвящен разоблачению отряда диверсантов на послереволюционной Кубе. Беспощадность врага в фильме демонстрируется с помощью его готовности убивать женщин и детей [Спутницкая, 2021: 437].

Вместе с тем необходимо отметить, что образы женщин как объектов эксплуатации содержатся прежде всего в произведениях, посвященных дореволюционной Кубе. После смены социально-политического строя меняется как роль кубинских женщин в обществе, так и их образы в советской культуре.

Например, документальный фильм «Пылающий остров» Р. Кармена (1961) создает образ женщины — боевой подруги. Картина содержит дискурс феминизации Кубы («бело-голубая красавица Гавана»), но одновременно и дезавуирует его («Этот город всегда шумен, говорлив, улыбчив, потому иногда кажется легкомыслен и беспечен, как хорошенькая девушка... но только на первый взгляд. Это город умеет быть мужественным»). Фильм не обходит стороной и традиционные женские роли: зритель видит образы кубинок с младенцами, которые символизируют надежды на светлое будущее, а также скорбь женщин, потерявших мужей или сыновей в ходе революционной борьбы. В то же время женщины наравне с мужчинами готовят автоматы к бою, маршируют на парадах, работают на заводах. Акцентируется внимание на том, что революция дала им возможность возглавлять общественные организации и местные органы власти, трудиться наравне с мужчинами. Кубинки несут службу в батальонах народного ополчения. В подтверждение этой мысли зрителю показывают кадры, на которых

строгие женщины проходят военную подготовку, а в ящике стола красивой девушки с косметикой соседствует пистолет.

Женские образы становятся символом революционной борьбы на Кубе не только в кинематографе. На плакате В. Воликова «Народ Кубы не сломить!» (1960) изображены женщина и мужчины (ил. 2). Правда, необходимо подчеркнуть, что они символизируют различные ценности: в руках кубинки не оружие, как у окружающих ее мужчин, а колосья. Фемининность, таким образом, ассоциируется с миролюбием и созиданием, маскулинность — с оружием и войной.

Ил. 2

В целом советская культура формирует двойственное представление о роли женщин в революции. С одной стороны, женским образам уделяется большое внимание, подчеркивается активность женщин, их способность выполнять различные социальные роли. С другой — общее количество женских персонажей меньше, чем мужских, женщинам чаще отводится второстепенная роль.

Для советских репрезентаций Кубы характерно обращение к женским образам либо в контексте эксплуатации кубинков врагами (американские империалисты и поддерживаемый ими кубинский режим), либо в контексте их участия в революционной борьбе. Кроме того, образы новой кубинской женщины вносили вклад в легитимацию политики советского государства в отношении женщин. Эта политика была основана на идеях об освобождении женщин в социальной практике [Хасбулатова, Смирнова, 2022]; следовательно, только в процессе социалистического строительства можно добиться решения женского вопроса и обеспечить равенство полов.

Символизм мужского

Репрезентации Кубы как женщины, чести и жизни которой угрожает американский агрессор, предполагают создание образов кубинских революционеров как защитников.

Способность мужчины выполнять функцию защитника является одним из главных критериев его мужественности. В фильме «Я — Куба» спасителем девушки, к которой пристает толпа нетрезвых американских моряков, становится

молодой кубинец; неудивительно, что он оказывается революционером, вставшим и на защиту Кубы.

Как воплощение образцовой мужественности предстают в советской культуре Фидель Кастро и его соратники — защитники Кубы. Р. Кармен включает в фильм «Пылающий остров» слова Кастро о том, что врагов и изменников родины на Кубе «встретят не маменькины сынки, а настоящие мужчины». Композитор А. Пахмутова, рассказывая о создании своей известной песни «Куба — любовь моя» (сл. Н. Добронравова и С. Гребенникова, 1962), подчеркнула, что ее целью было «придать песне мужественный характер», поскольку произведение писалось «в дни, когда героическому народу Кубы, только что начавшему строить новую жизнь, грозила опасность новой интервенции»³.

Помимо подобной прямой маркировки, образ мужественности кубинского народа создавался при помощи наделения его атрибутами маскулинности. В стереотипный набор характеристик мужественности исследователи включают персональные черты (сила, отвага, независимость, твердость, целеустремленность, решительность, уверенность в собственных силах и др.), а также социальные роли защитника и кормильца. В советской песенной культуре атрибуты мужественности часто использовались как маркеры кубинцев («Вольная страна Куба, / Отвагою полна Куба. / Знает весь мир — на Кубе живет / Смелый, прямой народ» («Товарищ Куба», сл. Л. Ошанина, муз. А. Островского, 1963), «Мужество знает цель», «это бесстрашных клятва» («Куба — любовь моя») и др.).

Субъектность является одним из ключевых элементов стереотипной маскулинности, и стремление к свободе и независимости занимает центральное место в советских репрезентациях кубинцев. «Кубинцы — это смелый, гордый, свободный народ!», — характеризуют жителей Острова свободы авторы песен «Корабли идут на Кубу» (сл. З. Ямпольского, муз. А. Новикова, 1981) и «Товарищ Куба»⁴. Л. Ошанин так объясняет героизм кубинцев: «Тот, кто свободу видел хоть час, / Жизнь за нее отдаст. <...> Свободу задушить, / Как солнце потушить, нельзя!» («Товарищ Куба»).

Другой заметной чертой в репрезентациях кубинской маскулинности была ее военизация, что связано с ролью защитника; для советского человека кубинцы — это прежде всего воины-герои. Поэтому образ кубинцев, с оружием в руках совершивших революцию и защищающих ее завоевания перед лицом угрозы иностранной интервенции, был наиболее популярным.

Военизация кубинской маскулинности активно используется в кинематографе. Молодой крестьянин Мариано, герой одной из новелл фильма «Я — Куба», не хочет воевать («Эти руки не для того, чтобы воевать, а чтобы сеять, я хочу жить в мире»), однако присоединяется к повстанческой армии после того, как его семья попадает под артиллерийский обстрел. На руинах своей догорающей хижины Мариано находит искореженную детскую игрушку и понимает, что потерял сына. Главным мотивом его действий становится защита своей семьи, жены

³ См.: *Лойтер Е.* Чьи песни ты поешь: Александра Пахмутова. URL: <http://pakhmutova.ru/songs/loit1965.shtml> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴ О стремлении к свободе кубинцев см. также песни «За эту свободу!» (сл. Ф. Хамиса и Е. Евтушенко, муз. С. Каца), «Да здравствует Куба!» (сл. Ю. Каменецкого, муз. Б. Александрова, 1962).

и детей, а значит, будущего. «Твои руки привыкли к мотыге, но сейчас у тебя в руках винтовка. Ты стреляешь не для того, чтобы убивать... Ты стреляешь, чтобы защитить свое будущее» — так комментирует выбор героя закадровый голос.

В массовой песне военизация осуществлялась не только с помощью поэзии («Слышишь чеканный шаг — / Это идут барбудос» («Куба — любовь моя»); «В жизнь тебя ведет Кастро, / Солдат и патриот Кастро» («Товарищ Куба»)), но и через подбор музыкального ряда: песни про Кубу в 60-х гг. чаще имели маршеобразную мелодию.

В фильме Р. Кармена «Гость с Острова свободы» (1963) центральной становится тема военного героизма кубинцев, защищающих завоевания революции. Советский механизатор Никулин, работавший на Кубе, рассказывает с экрана, что каждый кубинский рабочий, крестьянин, служащий является одновременно воином.

Примечательным аспектом этого фильма становится использование исторического дискурса. Кармен считает необходимым поместить в фильм фрагмент речи Кастро в Волгограде, в которой тот сравнивает мужество кубинцев, защищающих свою страну, и мужество защитников Сталинграда. Эта аналогия была понятна и близка каждому советскому человеку, она помогала почувствовать единство с кубинцами.

В создание образа героической Кубы вовлекаются и другие аналогии; и советские люди, и кубинцы противостояли одному и тому же врагу — американскому империализму. В условиях холодной войны ресурс антиамериканизма был особенно актуален. Память кубинцев о жерлах американских орудий в бухте Гаваны сравнивается с памятью советских людей об американских интервентах в Архангельске во время Гражданской войны, а память о жертвах блокадного Ленинграда — с памятью о юных кубинцах, растерзанных палачами американского ставленника Батисты.

Таким образом, кубинцы представляли как воплощение стереотипной мужественности, соответствуя тому канону маскулинности, который был принят в СССР. Однако в репрезентациях маскулинности были и новые черты, которые можно характеризовать как составляющие революционной маскулинности.

Одной из таких черт являлась молодость. «Наш молодой товарищ по борьбе» — именно эту характеристику Кубы, данную Н. Хрущевым, цитирует Кармен в «Госте с Острова свободы». Молодость революции в этом фильме подчеркивалась и с помощью метафоры обновления («как будто заново родились эти люди после революции»). Визуальный ряд фильмов Кармена также не дает сомневаться в том, что на Кубе живут молодые и энергичные люди. «Настоящая революция всегда молода», — констатирует рассказчик в «Пылающем острове», подчеркивая, что большинству кубинских военачальников немного за двадцать, а кто-то еще и не достиг этого возраста. Акцентирование возраста кубинских революционеров объясняется вниманием к теме молодости в советской культуре 1960-х. Анализируя значимость сюжета молодости в советской песенной культуре, Е. Степанова связывает его с необходимостью формирования новой советской идентичности у молодого поколения строителей коммунизма [Степанова, 2015: 33]. Кроме того, в период холодной войны поколенческий дискурс активно привлекался в качестве ресурса конструирования образа врага. Молодые и красивые, революционеры противопоставляются американцам — стареющим плейбоям,

гоняющимся за развлечениями. Америка символизирует дряхлеющее уходящее прошлое, мир социализма — энергию строителей будущего.

Другая черта революционной маскулинности — романтизм. Революция всегда романтизируется; в данном же случае к этому добавляются беззаветная преданность кубинских революционеров идее и их антибуржуазность. Дополнительными атрибутами, романтизирующими кубинскую революцию для советского человека, выступают экзотичность Кубы, необычность ее героев и антуража (тропический остров в океане, пальмы, пляжи, сигары, небрежная одежда, фотогеничность ее лидеров).

Особое место в создании образа революционной кубинской маскулинности принадлежала бороде. Исследования семантики бороды показывают, что, хотя в истории ее значение менялось, оно нередко было связано с политическими контекстами [Oldstone-Moore, 2015]. Борода стала фирменным знаком кубинских воинов-революционеров, которых часто называли испанским словом «барбудос» (бородачи). На всех плакатах кубинских революционеров изображали бородатыми. В «Черной чайке» мальчишки, мечтающие вступить в армию Фиделя, трут подбородки, надеясь на то, что у них тоже вырастет борода и они станут настоящими революционерами. Курьезным случаем использования бороды стало выступление И. Кобзона с песней «Куба — любовь моя» на «Голубом огоньке» в 1962 г. Кроме военной формы и автомата, певца украшала борода (ил. 3)⁵.

Ил. 3

В советских детских фильмах маскулинность кубинцев становится эталоном для детей, стремящихся быть похожими на отцов-героев. Помимо «Черной чайки», тема подражания детей кубинским революционерам воспроизведена в фильме «Компаньерос» (реж. М. Терещенко, 1962). Советские ребята боготворят Кубу, мечтают увидеть ее хотя бы в кино, их идеалом мужчины становится молодой кубинец «дядя Мигель»: «13 лет и уже капитан!»

⁵ Танцевальный ансамбль, сопровождающий выступление, был также одет в военную форму кубинских революционеров. Примечательно, что не только юношей, но и девушек представили в качестве защитников революции.

Какие функции выполняли репрезентации мужественности кубинских революционеров как образцовой, сочетающей черты традиционной стереотипной маскулинности и маскулинности революционной?

Во-первых, позитивный образ Кубы, создаваемый в том числе при помощи привлекательных образов маскулинности, способствовал легитимации внешней политики СССР, которая была направлена на поддержку борьбы кубинского народа против американского империализма. Тем самым создание этого образа вносило вклад в легитимацию власти, которая эту политику проводит. Оно помогало конструированию образа врага — опасного, аморального, безжалостного, но слабого, комичного, выродившегося, которого можно победить даже маленькому народу, успешно противостоящему голиафу американского империализма.

Во-вторых, репрезентации кубинской маскулинности использовались в политике советской идентичности. Сходство двух революций, их преемственность стали значимой темой в советском дискурсе о кубинской революции. Р. Кармен цитирует фрагмент речи Кастро в Ленинграде о том, что кубинцы — прямые преемники Октябрьской революции, что им проложили путь красногвардейцы, штурмовавшие Зимний дворец. В годы, предшествующие полувековому юбилею Октябрьской революции, появляется немало произведений массовой культуры, в которых возрождается романтика революции. В связи с этим образ молодых кубинцев, подаривших надежду на дальнейшее победоносное шествие по миру идей Октябрьской революции, оказался весьма востребованным и позволил провести ее своеобразный ребрендинг. Очевидно, одной из причин восторженного отношения к кубинцам было именно возрождение романтизации Октябрьской революции и ее героев-революционеров как молодых, преданных идее, готовых отдать за нее жизнь⁶.

В контексте нашего исследования имеет значение и то, что такие репрезентации кубинской революции были также формой обновления канонов маскулинности. Репрезентации кубинской революции позволяли предложить вместо бюрократической маскулинности революционную, что оказало влияние на каноны советской маскулинности этого периода.

Таким образом, репрезентации мужественности кубинцев в советской массовой культуре, с одной стороны, закрепляли ценность традиционной мужественности, с другой — актуализировали черты революционной маскулинности, что использовалось в обосновании правильности избрания страной курса на построение коммунизма.

Заключение

Образы мужчин и женщин, маскулинности и фемининности стали заметной составляющей советских репрезентаций кубинской революции. Женские образы привлекались прежде всего для объяснения причин восстания кубинского народа. Образ Кубы как женщины, поруганной американскими империалистами и их кубинскими приспешниками, использовался в легитимации революции, в обосновании ее справедливого характера. Данный образ вносил вклад

⁶ Как отметил Н. С. Хрущев в речи на Центральном стадионе им. В. И. Ленина в Москве во время визита Ф. Кастро в 1963 г., «для нас Куба — это боевая песнь молодости нашей советской страны, песня первых побед!» («Гость с Острова свободы»).

в создание образа врага, способствуя наделению его такими чертами, как аморальность, бесчеловечность, жестокость, трусость, в демонстрацию того, что он несет угрозу человечеству. Вместе с тем советская массовая культура создавала и популяризировала образы героических кубинцев, защищающих революцию наравне с мужчинами, а также картины начинающих преобразований в кубинском обществе, которые помогут обеспечить решение женского вопроса.

Функция защитника Кубы-женщины была одной из основных в репрезентациях кубинской маскулинности. В целом Ф. Кастро и его соратники представлены как воплощение маскулинности. Акцентирование мужества кубинцев позволяло показать их способность противостоять проидам врага, защитить дело революции, а также продемонстрировать непобедимость революционного движения в мире.

Кроме того, создание привлекательных образов революционной маскулинности имело значение для политики советской идентичности, проводимой в 1960-х гг. Оно создавало возможность провести своеобразный ребрендинг Октябрьской революции, показать, что ее дело продолжается, добавить романтические черты в каноны маскулинности «своих». Акцентирование молодости революционной маскулинности барбудос включалось в демонстрацию молодости СССР как страны, устремленной в будущее вместе со всем прогрессивным человечеством. Помимо легитимации самой кубинской революции, символизм мужского и женского вносил вклад в легитимацию власти в СССР и проводимой им внешней политики.

Список иллюстраций

1. А. Фёдоров. «Я — Куба». Киноафиша. 1964 (URL: <https://www.kinopoisk.ru/picture/3857261/> (дата обращения: 20.06.2022)).
2. В. Воликов. Народ Кубы не сломить! Плакат. 1960 (URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008084616> (дата обращения: 20.06.2022)).
3. «Куба — любовь моя». Кадр из телевизионной передачи «Голубой огонек». 1962 (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6gU0VCmrFIQ> (дата обращения: 20.06.2022)).

Список источников

- Гегелова Н. С., Барселей Рамирес Я., Реброва А. Д. Влияние СМИ на восприятие имиджа разных стран: сравнительный анализ на примере Кубы и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24, № 3. С. 533—543.
- Иванова Е. Ю., Бережной Д. А. Образная сфера советской эстрадной песни середины XX века как отражение социокультурных ценностей советского общества // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2020. Т. 19, № 1. С. 122—128.
- Кобб Р., Элдер Ч. Использование символов в политике // Политическая лингвистика. 2009. № 3. С. 131—145.
- Кодзоев М. А.-М. США — Куба: эхо холодной войны. М.: Ин-т Латинской Америки РАН, 2020. 273 с.
- Клеценко Л. Л. Куба в советском и американском кинематографе холодной войны. Сравнительный анализ // Латинская Америка. 2021. Вып. 8. С. 92—101.

- Рябова Т. Б., Панкратова Е. В. «Cold warriors» глазами современных россиян: рецепция кинообразов маскулинности американских военных периода холодной войны // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 29—40.
- Спутницкая Н. Ю. Американский беби-бум и советский пионерский лагерь: враги и «скрытая угроза» в детском кино СССР и США 1930—1960-х // Художественная культура. 2021. № 3. С. 420—451.
- Степанова Е. А. «Все проходит. Остается Родина — то, что не изменит никогда»: образ Родины в советской песне // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 28—42.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900—2020) // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 3—21.
- Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Куба: переосмысление роли страны в мировом сообществе // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 2. С. 94—103.
- Юдин К. А. Аккорды «холодной войны»: музыка как ресурс для репрезентации «образа другого» в англо-американском кинематографе // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 353—358.
- Ярулина Д. П. Куба в советском/российском и американском художественном и массмедийном дискурсе второй половины XX века: компаративный анализ: дис. ... канд. культурологии. М., 2015. 212 с.
- Adler-Nissen R. Stigma management in international relations: transgressive identities, norms, and order in international society // International Organization. 2014. Vol. 68, № 1. P. 143—176.
- Dowling R. Communism, consumerism, and gender in early Cold War film: the case of Ninotchka and Russkii vopros // Aspasia: the International Yearbook of Central, Eastern, and Southeastern European Women's and Gender History. 2014. Vol. 8. P. 117—132.
- Edelman M. Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence. Chicago: Markham Publishing Company, 1971. 188 p.
- Enloe C. H. The Morning After: Sexual Politics at the End of the Cold War. Berkeley, etc.: University of California Press, 1993. 239 p.
- May E. T. Homeward Bound: American Families in the Cold War Era. New York: Basic Books, 1988. 290 p.
- Phillips DeZalia R. A., Moeschberger S. L. The function of symbols that bind and divide // Symbols That Bind, Symbols That Divide the Semiotics of Peace and Conflict / ed. by R. A. Phillips DeZalia, S. L. Moeschberger. New York: Springer, 2014. P. 1—12.
- Oldstone-Moore Ch. Of Beards and Men: the Revealing History of Facial Hair. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 345 p.
- Riabov O. The Red Machine: the dehumanization of the communist enemy in American Cold War cinema // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8, № 2. P. 536—550.
- Riabov O., Riabova T. The images of urban space in constructing the Cold War enemy: US skyscrapers in Soviet animation // Studies in Russian and Soviet Cinema. 2021. № 2. P. 122—138.
- Schmelz P. J. Introduction: music in the Cold War // Journal of Musicology. 2009. Vol. 26. P. 3—16.
- Shaw T., Youngblood D. J. Cinematic Cold War: the American and Soviet Struggle for Hearts and Minds. Lawrence: University Press of Kansas, 2010. 301 p.
- Soderlund W. C., Wagenberg R. H., Surlin S. H. The impact of the end of the Cold War on Canadian and American TV news coverage of Cuba: image consistency or image change? // Canadian Journal of Communication. 1998. Vol. 23, № 2. P. 217—231.

References

- Adler-Nissen, R. (2014) Stigma management in international relations: Transgressive identities, norms, and order in international society, *International Organization*, vol. 68, no. 1, pp. 143—176.
- Dowling, R. (2014) Communism, consumerism, and gender in early Cold War film: The case of *Ninotchka* and *Russkii vopros*, *Aspasia: The International Yearbook of Central, Eastern, and Southeastern European Women's and Gender History*, vol. 8, pp. 117—132.
- Edelman, M. (1971) *Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence*, Chicago: Markham Publishing Company.
- Enloe, C. H. (1993) *The Morning After: Sexual Politics at the End of the Cold War*, Berkeley, etc.: University of California Press.
- Gegelova, N. S., Barselaĭ Ramires, Ia., Rebrova, A. D. (2019) Vliianie SMI na vospriatie imidzha raznykh stran: sravnitel'nyĭ analiz na primere Kuby i Rossii [The influence of media on the perception of the image of different countries: a comparative analysis on the example of Cuba and Russia], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, seriia Literaturovedenie, Zhurnalistika, vol. 24, no. 3, pp. 533—543.
- Iarulina, D. R. (2015) *Kuba v sovetskom/rossiiskom i amerikanskom khudozhestvennom i massmediĭnom diskurse vtoroi poloviny XX veka: komparativnyi analiz*: Dis. ... kand. kul'turologii [Russian and American artistic and mass-media discourse of the second half of the XX century: comparative analysis: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Iudin, K. A. (2021) Akkordy “kholodnoi voĭny”: muzyka kak resurs dlia reprezentatsii “obraza drugogo” v anglo-amerikanskom kinematografe [Chords of the “Cold War”: music as a resource for representing the “image of the other” in Anglo-American cinema], *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, seriia Istoriia, Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 21, no. 3, pp. 353—358.
- Ivanova, E. Iu., Berezhnoi, D. A. (2020) Obraznaia sfera sovetskoĭ estradnoi pesni serediny XX veka kak otrazhenie sotsiokul'turnykh tsennostei sovetskogo obshchestva [The figurative sphere of the Soviet variety song of the mid-20th century as a reflection of the sociocultural values of Soviet society], *Uchĕnye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, vol. 19, no. 1, pp. 122—128.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2022) Ėvoliutsiia zhenskogo voprosa v rossiiskom obshchestve (1900—2020) [The evolution of the women's issues in Russian society], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—21.
- Kheifets, V. L., Kheifets, L. S. (2017) Kuba: pereosmyslenie roli strany v mirovom soobshchestve [Cuba: rethinking the country's role in world community], *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 61, no. 2, pp. 94—103.
- Kobb, R., Elder, Ch. (2009) Ispol'zovanie simvolov v politike [The use of symbols in politics], *Politicheskaia lingvistika*, no. 3, pp. 131—145.
- Kodzoev, M. A.-M. (2020) *SShA — Kuba: ěkho kholodnoi voĭny* [USA — Cuba: Echoes of the Cold War], Moscow: Institut Latinskoĭ Ameriki Rossiiskoi akademii nauk.
- Kleshchenko, L. L. (2021) Kuba v sovetskom i amerikanskom kinematografe kholodnoi voĭny. Sravnitel'nyĭ analiz [Cuba in Soviet and American Cold War cinema. Comparative analysis], *Latinskaia Amerika*, no. 8, pp. 92—101.
- May, E. T. (1988) *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*, New York: Basic Books.
- Phillips DeZalia, R. A., Moeschberger, S. L. (2014) The function of symbols that bind and divide, in: Phillips DeZalia, R. A., Moeschberger, S. L. (eds), *Symbols That Bind, Symbols That Divide the Semiotics of Peace and Conflict*, New York: Springer, pp. 1—12.
- Oldstone-Moore, Ch. (2015) *Of Beards and Men: The Revealing History of Facial Hair*, Chicago: University of Chicago Press.

- Riabov, O. V. (2020) *The Red Machine: the dehumanization of the communist enemy in American Cold War cinema*, *Quaestio Rossica*, vol. 8, no. 2, pp. 536—550.
- Riabova, T. B., Pankratova, E. V. (2019) «Cold warriors» glazami sovremennykh rossiiian: retseptsiia kinoobrazov maskulinnosti amerikanskikh voennykh perioda kholodnoï voïny [The “Cold warriors” in the eyes of contemporary Russians’: today’s reception of Cold War cinematic images of U.S. militaries’ masculinity], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 29—40.
- Riabov, O., Riabova, T. (2021) The images of urban space in constructing the Cold War enemy: US skyscrapers in Soviet animation, *Studies in Russian and Soviet Cinema*, no. 2, pp. 122—138.
- Schmelz, P. J. (2009) Introduction: music in the Cold War, *Journal of Musicology*, vol. 26, pp. 3—16.
- Shaw, T., Youngblood, D. J. (2010) *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Soderlund, W. C., Wagenberg, R. H., Surlin, S. H. (1998) The impact of the end of the Cold War on Canadian and American TV news coverage of Cuba: image consistency or image change?, *Canadian Journal of Communication*, vol. 23, no. 2, pp. 217—231.
- Sputnitskaia, N. Iu. (2021) Amerikanskiĭ bebi-bum i sovetskiĭ pionerskiĭ lager’: vragi i “skrytaia ugroza” v detskom kino SSSR i SShA 1930—1960kh [American baby boom and the Soviet pioneer camp: enemies and the “hidden threat” in the children’s cinema of the USSR and the USA in the 1930—1960s], *Khudozhestvennaia kul’tura*, no. 3, pp. 420—451.
- Stepanova, E. A. (2015) “Vsë prokhorit. Ostaetsia Rodina — to, chto ne izmenit nikogda”: obraz Rodiny v sovetskoĭ pesne [“Everything passes. Only Motherland remains, the one which would never be unfaithful”: image of Motherland in Soviet song], *Labirint*, no. 4, pp. 28—42.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Клещенко Людмила Леонидовна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, ludmila.porova2011@yandex.ru (Cand. Sc. (Political Sc.), Senior Lecturer at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 48—58.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 48—58.

Научная статья

УДК 32.01

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.5

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА ЖЕНЩИН-ЛИДЕРОВ
В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ
ПО ВЫБОРАМ ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ 2022 г.**

Наталья Сергеевна Григорьева, Анастасия Александровна Жохова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru

Аннотация. Проведен анализ хода и результатов избирательной кампании по выборам президента Франции 2022 г. с точки зрения политико-гендерной проблематики. На основе исследования предвыборных программ и выступлений женщин — кандидаток в президенты (М. Ле Пен, В. Пекресс, А. Идальго и Н. Арто) были выявлены характерные особенности политической риторики, присущие как в целом женскому лидерству в реалиях французской избирательной кампании 2022 г., так и в отдельности каждой кандидатке. В качестве эмпирического материала исследования использованы биографии кандидаток, политические листовки, тексты выступлений, манифесты, публикации в СМИ. Особый акцент сделан на определении места и роли избирательной кампании по выборам президента Франции 2022 г. с точки зрения истории развития женского лидерства в этой стране.

Ключевые слова: президентская избирательная кампания во Франции 2022 г., женское лидерство, президентские выборы, женщины-кандидатки, политический процесс

Для цитирования: Григорьева Н. С., Жохова А. А. Политическая риторика женщин-лидеров в избирательной кампании по выборам президента Франции 2022 г. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 48—58.

Original article

POLITICAL RHETORIC OF WOMEN LEADERS IN THE FRENCH PRESIDENTIAL ELECTION CAMPAIGN 2022

Natalia S. Grigorieva, Anastasia A. Zhokhova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation, grigorieva@spa.msu.ru

Abstract. In this paper, the authors were among the first to analyze the progress and results of the French presidential election campaign in 2022 from the point of view of political and gender issues. As a result of the study of the electoral programs and the statements of the female presidential candidates — Marine Le Pen, Valerie Pécresse, Anne Hidalgo and Nathalie Arthaud — the characteristic features of the political rhetoric were identified that were inherent both in general to women's leadership in the realities of the French election campaign of 2022, and separately for each candidate. In particular, the analysis showed that in the political sphere women are able to pay attention to the most pressing social problems in France and to propose uncompromising measures for their solutions. At the same time, insufficient justification for the proposed political decisions did not allow any candidate to win the presidential elections in France in 2022. Biographies of candidates, political leaflets, texts of speeches, manifestos and publications in the media were used as empirical data for the study. Particular emphasis is placed on the historic place of the French presidential election campaign in 2022 in terms of developing women's leadership in the country.

Key words: French presidential election campaign 2022, female leadership, presidential elections, women candidates, political process

For citation: Grigorieva, N. S., Zhokhova, A. A. (2022) Politicheskaia ritorika zhenshchin-liderov v izbiratel'noi kampanii po vyboram prezidenta Frantsii 2022 g. [Political rhetoric of women leaders in the French presidential election campaign 2022], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 48—58.

Исторический контекст продвижения женщин в политике

Особенности французского женского политического лидерства во многом обусловлены историей женского движения во Франции. Первой женщиной в стране, публично выступившей во время Великой французской революции за уравнивание женщин и мужчин в правах, была Олимпия де Гуж (Olympe de Gouges), ставшая автором первого программного документа — «Декларации прав женщины и гражданки» [Gouges, 1791], в котором требовала для женщин равного избирательного права, поскольку они наравне с мужчинами платят налоги, кроме того, утверждала она, если женщина имеет право подниматься на эшафот, она должна иметь право всходить и на политическую трибуну¹. Но прошло почти два века, прежде чем женщины во Франции получили избирательное право (1944 г.)²,

¹ Олимпия де Гуж была казнена (гильотинирована) в 1793 г. в период якобинского террора.

² В 1944 г. с предложением о предоставлении права голоса женщинам выступил депутат от коммунистов Ф. Грень (Fernand Grenier). Но оно было отклонено (51 голос

что во многом было обусловлено установлением Четвертой республики. Однако радикальные изменения в обществе и политической системе в отношении женщин связаны с Пятой республикой и принятием новой Конституции. С этого времени постепенно увеличивался уровень представительства женщин в парламенте страны и менялась картина их участия в политическом процессе современной Франции (таблица).

Представительство женщин в Национальном собрании Франции (1945—2017 гг.)
[Assemblée nationale; Helft-Malz, Lévy, 2000: 55—56]

Год	Партия с максимальным количеством женщин в парламенте	Общее число представителей	Количество женщин	
			Абс. число	%
1945	Французская коммунистическая партия (PCF)	586	33	5,6
1946, июнь	Французская коммунистическая партия	586	30	5,1
1946, ноябрь	Французская коммунистическая партия	619	42	6,8
1951	Французская коммунистическая партия	627	22	3,5
1956	Французская коммунистическая партия	627	19	3,0
1958	Национальная группа по единству Республики (EAS)	579	9	1,5
1962	Французская коммунистическая партия / Союз Новой республики (UNR-UDT)	482	9	1,8
1967	Союз демократов за V республику (UD-V)	487	11	2,6
1968	Союз демократов за V республику	487	10	2,1
1973	Союз демократов за Республику (UDR)	490	12	2,4
1978	Французская коммунистическая партия	491	21	4,3
1981	Социалистическая партия (PS)	491	36	7,3
1986	Социалистическая партия	577	34	5,9
1988	Социалистическая партия	577	33	5,7
1993	Объединение в поддержку Республики (RPR)	577	35	6,1
1997	Социалистическая партия	577	63	10,9
2002	Союз за народное движение (UMP)	577	71	12,3
2007	Социалистическая партия	577	107	18,5
2012	Социалистическая партия	577	155	26,9
2017	«Вперед, Республика!» (LREM)	577	224	38,8

против 16). В этой ситуации генерал де Голль волевым решением подписал 21 апреля 1944 г. в Алжире указ, согласно которому женщины могли избирать и быть избранными на тех же условиях, что и мужчины. Первыми выборами, в которых участвовали женщины, были муниципальные выборы 29 апреля 1945 г.

По приведенным данным видно: число женщин в парламенте Франции начало активно расти в 1990-х гг., что было связано с популяризацией принципа гендерного равенства в Европе [Godard, 2006]. Трансформация многих европейских политических институтов в тот период привела и к принятию паритетного законодательства во Франции в 1999—2000 гг., благодаря которому на региональном и муниципальном уровнях стало необходимым выдвигать одинаковое количество мужчин и женщин на выборах, а при выборах в Национальное собрание применялись финансовые санкции за несоблюдение гендерного баланса. Однако даже введение юридической практики равноправия в политической сфере не стало гарантией резкого увеличения представительства женщин на политических постах, особенно если речь шла о высших должностях, где женщинам было тяжело закрепиться в качестве равноправных акторов с мужчинами-политиками [Ледецкая, 2005: 111]. Что касается президентских выборов, то следует заметить: во Франции женщине ни разу не удавалось их выиграть, однако в современной истории есть яркие политические фигуры, которые составляли конкуренцию мужчинам в предвыборной борьбе за пост первого лица страны.

Актуальность изучаемого материала обусловлена и относительно недавними обсуждениями в ООН (2021 г.) необходимости способствовать увеличению количества женщин на руководящих постах для решения проблемы их доступа к лидерским позициям [Шведова, 2022: 41]. Для продвижения женщин на высшие посты Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш предложил принять соответствующее законодательство, проводить политику продвижения женщин, чаще назначать их на высшие должностные позиции, а также расширять доступ к финансированию женщин-кандидаток, женских организаций и движений. Эммануэль Макрон, будучи президентом Франции, в 2021 г. признавал женское лидерство решающим для трансформации современного общества [Bazán, 2021].

Тем интереснее взглянуть на ход и итоги президентской кампании 2022 г. во Франции, которую выиграл действующий глава государства (переизбран на второй срок). При этом, по данным социальных опросов компании Ipsos, только 29 % французов были удовлетворены тем обстоятельством, что на выборах Э. Макрон был способен одержать победу у любого соперника (92 % граждан были уверены, что он пройдет во второй тур)³. Поскольку в политической сфере взаимодействие субъектов во время выборных кампаний осуществляется по поводу завоевания, удержания и использования государственной власти, в качестве основания для выяснения их позиций уместно обратить внимание на политическую риторику женщин-кандидаток.

Предвыборные программы женщин-лидеров в кампании 2022 г.: сходства и различия

Среди 12 кандидатов в президенты в 2022 г. во Франции баллотировались 4 кандидатки-женщины (т. е. 1/3 от общей численности). Судя по их политическим взглядам и предвыборным программам, они выражали разные интересы,

³ Ipsos-Sopra Steria Enquête électorale française 2022. Vague 6. 2022. Mars. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2022-03/Ipsos-%20-%20Enque%CC%82te-%20Electorale-%20-%20Vague%206-%20-%205-%20mars-%202022.pdf> (дата обращения: 03.10.2022).

имели различный уровень и процент поддержки избирателей, но одной из них удалось (уже не в первый раз) пройти во второй тур.

Всего во Франции по состоянию на 10 апреля 2022 г. (первый тур президентских выборов) в списках значилось 48 752 339 избирателей, из них проголосовали 73,69 %, что демонстрирует достаточно высокий уровень гражданской активности населения.

Марин Ле Пен заняла второе место, в первом туре получив 23,15 % голосов избирателей и уступив только действующему на тот момент президенту Франции (Э. Макрон набрал 27,85 %). Лидер главной ультраправой партии Франции «Национальный фронт», преемница своего отца на этом посту, известного политического деятеля Жан-Мари Ле Пена, М. Ле Пен стала одной из самых заметных женщин на высоких политических постах во Франции за последние 30 лет. К началу второй выборной кампании в 2017 г. Ле Пен была признана в социальных сетях самым популярным политическим деятелем Франции⁴, но ей не удалось справиться с большим количеством скандалов вокруг себя, и она уступила во втором туре. В 2022 г. количество проголосовавших за нее избирателей достигло рекорда за все время ее баллотирования в президенты — 41,45 % во втором туре. По традиции Ле Пен поддержали на юго-востоке страны, где у населения всегда были сильны опасения по поводу иммиграции, а также жители более бедных сельских районов и промышленных регионов на севере и востоке Франции. Политическая риторика Ле Пен включала в себя основные тезисы по поводу неконтролируемой иммиграции, безопасности Франции, поощрения молодежи к активности, а также улучшения жизни пенсионеров, инвалидов, малообеспеченных семей⁵. В частности, политик предлагала предоставить французам право проголосовать на референдуме в отношении иммигрантов⁶. Целью, по мнению Ле Пен, должно было стать обеспечение национального приоритета в доступе к социальному жилью, местам работы, а также защита всех национальных территорий. Ле Пен предложила отменять вид на жительство для любого иностранца, который не работал в течение года во Франции, а также высылать из страны нелегальных мигрантов, правонарушителей и иностранных преступников. В приоритете у Ле Пен была безопасность страны⁷, поэтому она считала необходимым восстановить минимальные сроки наказания для преступников, установить пожизненный срок заключения, а также внести уличных stalkеров в список сексуальных преступников. В плане повышения покупательной способности среди предложений Ле Пен наиболее важными стали снижение

⁴ Marine Le Pen bat des records sur Facebook et s'en félicite // RTL.fr. 2016. 15 mars. URL: <https://www.rtl.fr/actu/politique/marine-le-pen-bat-des-records-sur-facebook-et-s-en-felicite-7782378402> (дата обращения: 03.10.2022).

⁵ Le programme. Au fil de la campagne, retrouvez les livrets thématiques de Marine Le Pen et l'intégralité de son programme pour la France. URL: <https://mlafrance.fr/programme> (дата обращения: 03.10.2022).

⁶ 22 mesures pour 2022 // Projet pour la France de Marine Le Pen. URL: <https://mlafrance.fr/pdfs/22-mesures-pour-2022.pdf> (дата обращения: 03.10.2022).

⁷ Mon projet présidentiel // Projet pour la France de Marine Le Pen. URL: <https://mlafrance.fr/pdfs/manifeste-m-la-france-programme-presidentiel.pdf> (дата обращения: 03.10.2022).

НДС с 20 до 5,5 % на энергоносители в качестве предметов первой необходимости, повышение заработной платы, поддержка французских семей. Ле Пен выступила с заявлением о необходимости поощрять молодежные проекты и инициативы, особенно в трудовой деятельности: выплачивать дополнительные пособия обучающимся работникам, освободить молодых людей до 30 лет от подоходного налога, ввести бесплатный проезд для них, построить за 5 лет 100 тыс. новых студенческих общежитий. Она предложила установить гарантии обеспечения пожилым людям достойной пенсии, для чего, по ее мнению, следует переиндексировать пенсии на уровень инфляции, повысить прожиточный минимум для граждан старших возрастов до 1000 евро в месяц и поднять размер пенсий, отказаться от увеличения возраста выхода на пенсию. В области социальных прав и гарантий Ле Пен выдвинула ряд предложений об улучшении жизни людей с ограниченными возможностями. Для нее важным приоритетом стало обеспечение энергетической независимости Франции, а также выведение сельскохозяйственного сектора Франции на новый уровень с запретом импорта некачественной сельхозпродукции и обязанностью использовать национальную продукцию в столовых Франции. Ле Пен сочла важным восстановить французскую систему образования, вернуть основополагающие дисциплины — французский язык, математику, историю — в центр образовательных программ.

Валери Пекресс — представительница крупной политической партии «Республиканцы» — заняла пятое место, в первом туре получив 4,78 % голосов избирателей. Впервые в своей истории эта правая оппозиционная партия Франции выдвинула женщину в кандидаты на выборах главы государства. В. Пекресс окончила Высшую школу администрации (ENA), имеет огромный опыт работы на различных высоких правительственных позициях: она занимала посты пресс-секретаря правительства, министра высшего образования и министра бюджета при Н. Саркози и в настоящее время является президентом регионального совета Иль-де-Франс. Репутация компетентного специалиста в экономических и социальных вопросах положительно отразилась на ее рейтингах: они выросли в конце 2021 г. на 8 % и сравнялись по уровню поддержки с рейтингами Ле Пен [Преображенская, 2022: 5]. В марте 2022 г. Пекресс определяла себя как главного оппонента Э. Макрона на предстоящих выборах. Ее политическая риторика во многом была схожа с лозунгами Ле Пен, однако имелись и существенные отличия⁸. В частности, Пекресс в качестве важнейших экономических мер предложила снизить или вовсе отменить некоторые налоги — НДС на электроэнергию снизить с 20 до 5 %, сократить налог на наследство, полностью отменить налоги на сверхурочную работу, а также на алименты для родителей-одиночек. По поводу пособий по безработице она была солидарна с Ле Пен и говорила о необходимости их сокращения в случае шести месяцев бездействия. У нее также встречались лозунги о поддержке фермеров — немедленном увеличении их доходов. Пекресс предлагала предоставлять семьям пособия на первого ребенка (900 евро в год) и на 15 % увеличить текущие пособия на второго и третьего ребенка, а для поддержки пенсионеров провести индексацию пенсий на уровень

⁸ Le programme de Valérie Pécresse (Les Républicains) // L'Est Républicain. 2022. 31 mars. Mis à jour: 06.04.2022. URL: [https://www.estrepublicain.fr/elections/2022/02/01/le-programme-de-valerie-pecresse-\(les-republicains\)](https://www.estrepublicain.fr/elections/2022/02/01/le-programme-de-valerie-pecresse-(les-republicains)) (дата обращения: 03.10.2022).

инфляции. В центре ее предвыборной кампании были вопросы окружающей среды и «зеленая» повестка — борьба с причинами изменения климата, рассмотрение возможности перераспределения стоимости электроэнергии, развитие электрического транспорта вместо топливного. Пекресс назвала конкретные меры по улучшению отношения к животным. Из вопросов безопасности ее больше волновало оснащение правоохранительных органов новейшими компьютерами и технологиями для эффективного проведения расследований, а также связанная с этим охрана данных, как следствие, защита детей от угроз цифровых технологий и т. п. Пекресс — одна из немногих женщин в предвыборной гонке, которые в своей политической повестке подчеркивали важность достижения равной оплаты труда мужчин и женщин, а также феминизации сельскохозяйственных профессий. В отношении вопросов иммиграции риторика Пекресс была схожа с политической программой М. Ле Пен: в частности, Пекресс предложила установить квоты на прием иммигрантов по определенным профессиям и странам, а также выступила за принудительное возвращение иммигрантов, незаконно въехавших на территорию ЕС, депортацию осужденных лиц иностранного гражданства после отбытия наказания и предоставление вида на жительство только после сдачи экзамена на знание французского языка и ценностей республики. Касаясь вопросов образования, Пекресс также отмечала важность увеличения в начальной школе преподавания часов французского языка и математики. Для поддержки молодых людей Пекресс предложила сделать обязательным прием стажеров в любую структуру, в которой работает не менее 10 сотрудников, получающих государственное финансирование, а также обеспечить компьютерами всех французских старшеклассников.

Анн Идальго заняла 10-е место, в первом туре получив 1,75 % голосов избирателей⁹. Хотя ее место в президентской гонке оказалось невысоким, стоит заметить, что Идальго с 2014 г. является первой женщиной на посту мэра Парижа за всю историю города. На этот пост она была переизбрана в 2020 г. с программой «Paris en Commun»¹⁰. В качестве представителя французской Социалистической партии Идальго, как и ее политические оппонентки, заявляла о важности повышения заработных плат, в частности увеличения минимальной оплаты труда на 15 % и отмены реформы страхования по безработице. Идальго, как и Пекресс, выступила за равную оплату труда женщин и мужчин, а также за введение штрафов для компаний, которые не соблюдают этот принцип. Более того, в рамках гендерной повестки Идальго предложила увеличить отпуск по уходу

⁹ *Présidentielle 2022: le programme d'Anne Hidalgo // 20 Minutes. 2022. 1 avril. Mis à jour: 04.04.2022. URL: <https://www.20minutes.fr/elections/presidentielle/3263703-20220401-presidentielle-2022-programme-anne-hidalgo> (дата обращения: 03.10.2022).*

¹⁰ Анн Идальго — активный сторонник концепции «La Ville du 1/4 d'Heure», придуманной К. Морено. Название «15-минутный город» отсылает к идее о том, что в городах жители каждого района должны иметь возможность добраться до всех необходимых удобств (школы, офиса, магазинов, парков, медицинских центров) за 15 минут пешком или на велосипеде, избавившись от транспортной зависимости. Париж стал первым мегаполисом, принявшим эту концепцию. Позднее к ее реализации присоединились Берлин, Эдинбург, Сياتл, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Милан, Мадрид, Богота, Шанхай и др.

за ребенком для отцов до 16 недель, сделав 6 из них обязательными. Говоря о вопросах покупательной способности, Идальго тоже призвала поддержать молодежь — выплачивать им капитал в 5 тыс. евро, а также создать новые единицы социального жилья. Для решения вопросов экологии, по мнению Идальго, необходимо включить в Конституцию обязательство бороться с глобальным потеплением и признать преступлением экоцид. Во втором туре она открыто призвала своих сторонников голосовать за Э. Макрона.

Натали Арто заняла 12-е место, в первом туре получив 0,56 % голосов избирателей. Она является представительницей небольшой (маргинальной) партии «Рабочая борьба» (партия придерживается философии марксизма и троцкизма) [Преображенская, 2022: 4]. Н. Арто, преподавательница экономики и менеджмента в лицее, так же как М. Ле Пен, в третий раз предприняла попытку баллотироваться в президенты Франции (2012, 2017 и 2022 гг.). Ее риторика в основном нацелена на реформу трудоустройства, занятости, заработных плат¹¹. В частности, Арто предложила перераспределить нагрузку без снижения заработной платы, увеличить базовые оклады работников, установить размер пособий, пенсий свыше 2 тыс. евро в месяц, индексировать повышение заработной платы и пенсий с учетом инфляции. Она проводила кампанию в поддержку повышения минимальной заработной платы до 1800 евро в месяц (увеличение на 647 евро), запрета увольнений и выселения из арендуемой недвижимости, внедрения широкомасштабной программы найма на государственную службу, снижения пенсионного возраста до 60 лет, национализации французских банков. Помимо участия в президентских выборах, Арто баллотировалась в качестве кандидата на парламентских выборах, состоявшихся в июне; в шестом округе Сена-Сен-Дени она получила 2,66 % голосов.

На основе представленных данных авторами был проведен SWOT-анализ, отражающий сильные и слабые стороны, возможности женского лидерства, а также угрозы для него в современном политическом процессе Франции. Данный анализ, в частности, показал, что сильной стороной женщин-кандидаток было обращение к внутренним проблемам страны, а наиболее слабой — недостаточная обоснованность предлагаемых политических решений.

Общее и особенное в политической риторике женщин-кандидаток в выборной кампании 2022 г.

Характерной особенностью риторики женщин-лидеров в избирательной кампании по выборам президента 2022 г. стало затрагивание наиболее острых социальных проблем Франции, касающихся неконтролируемой иммиграции, повышения доходов разных слоев населения (рабочих, студентов, молодежи, пенсионеров), строительства социального жилья и студенческих общежитий, а также проблемы гендерного равенства в оплате труда мужчин и женщин. Среди мирных тем француженок-депутаток интересовало не только здравоохранение и социальная политика; они обращали серьезное внимание на работу с молодежью, детьми, обосновывая это необходимостью развития человеческого капитала нации. Обеспечение национального приоритета стало актуальной повесткой в риторике женщин-политиков в последней предвыборной кампании.

¹¹ Nos positions // Nathalie Arthaud. Le camp des travailleurs. URL: <https://www.nathalie-arthaud.info/> (дата обращения: 03.10.2022).

Причем стоит отметить, что кандидатки на пост президента достаточно бескомпромиссно подходили к вопросу решения иммиграционной проблемы: предлагали отменить вид на жительство для неработающих иммигрантов (вплоть до высылки), устанавливать квоты по профессиям на въезд во Францию, а также обуславливать получение вида на жительство сдачей экзаменов на знание французского языка.

В то же время повышение заработных плат, введение дополнительных пособий работающим студентам и индексация пенсий тесно сопрягались в программах кандидаток с существенным понижением налогов либо отменой некоторых из них. Данные меры требуют колоссальных затрат и дополнительной нагрузки на государственный бюджет, однако источники получения дополнительных средств не были заявлены ни в одной программе, что является спорным моментом для принятия государственных решений и проведения соответствующего политического курса.

Характерной чертой женского лидерства во Франции можно считать высокий интерес женщин к политике гендерного равенства и продвижению прав женщин. Решение «женского вопроса» стало частью социальной политики и одной из мирных тем в их предвыборной риторике. Практически все женщины-лидеры в своем политическом дискурсе делали акцент на проблеме гендерного равенства/неравенства и сопутствующих экономических и социальных проблемах. М. Ле Пен по случаю Международного дня прав женщин обратилась с открытым письмом к французским женщинам, в котором решительно осуждала уличных стalkerов и призвала внести их в реестр сексуальных преступников, а также депортировать иностранцев, занимающихся подобной практикой, что отразила в своей программе¹². В. Пекресс ратовала за важность достижения равной оплаты труда мужчин и женщин, а также феминизацию сельскохозяйственных профессий. А. Идальго, помимо равной оплаты труда женщин и мужчин, предложила также ввести штрафы для компаний, которые не соблюдают принципы гендерного паритета. Более того, Идальго считала необходимым увеличить отпуск по уходу за ребенком для отцов, сделав часть его обязательным. Главная идея таких предложений — обезопасить положение женщин Франции на рабочих местах.

Стоит отметить, что француженок — политических лидеров интересовала не только тема защиты прав женщин, особое внимание они уделяли защите прав человека: детей, молодежи, расовых меньшинств, колонизированного народа. Данная политическая ветвь женского лидерства Франции — защиты прав — выходит за пределы проблем внутренней политики, как и гендерная проблематика, и распространяется на международную деятельность.

Важнейшие проблемы, пронизывающие политическую риторику каждой кандидатки на пост главы государства, отражены в их экологической повестке. Глобальное потепление, издевательство над животными, незаконный оборот диких животных, экоцид — данная проблематика затрагивалась М. Ле Пен, В. Пекресс, А. Идальго. Решение этих и других проблем часто сопрягалось

¹² Marine Le Pen n'exclut pas de recourir à l'immigration en cas de pénuries de main-d'œuvre // Le Figaro. 2021. 29 septembre. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/marine-le-pen-n-exclut-pas-de-recourir-a-l-immigration-en-cas-de-penuries-de-main-d-oeuvre-20210929> (дата обращения: 13.03.2022).

с вопросами ускоренной цифровизации и введения новых технологий. Не оставались без внимания и проблемы защиты данных, а также охраны детей от угроз цифровых технологий.

Женщины — политические лидеры проявляли упорство и настойчивость по многим вопросам проводимой политики и в итоге добивались именно политического признания. Важно отметить, что количество женщин — кандидаток в президенты растет с каждым последующими выборами, как и их компетентность по самому широкому кругу вопросов: они все чаще обращают внимание на важнейшие проблемы современной Франции и предлагают порой жесткие и бескомпромиссные решения, демонстрируя высокий профессионализм. Однако ни одной из них не удалось одержать победу на президентских выборах Франции. Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что женщины — участницы президентской гонки не продемонстрировали поддержку друг друга, вплоть до призыва своих избирателей к поддержке Э. Макрона во втором туре в целях противостояния М. Ле Пен.

Учитывая не самую высокую популярность нынешнего главы государства, стоит признать тот факт, что французская политическая система требует определенных трансформаций ввиду уже давно назревшего кризиса политического лидерства. Возможно, политические модификации ожидают Францию уже в ближайшее время, значит, существует вероятность того, что на последующих выборах сильная и популярная в политических кругах женщина сможет занять пост главы государства.

Список источников

- Легицкая А. Н.* Женщины в политической жизни Франции: политическое равенство и осуществление властных функций: дис. ... канд. полит. наук / Кемер. гос. ун-т. Кемерово, 2005. 190 с.
- Преображенская А.* Президентская избирательная кампания во Франции: интриги больше нет? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2022. № 64. С. 2—5.
- Шведова Н. А.* Женское лидерство в мире: «продвижение вперед» // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 32—47.
- Assemblée nationale. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/vos-deputes> (дата обращения: 07.03.2022).
- Bazán C.* World Leaders Call for More Women in Power to Get Out of the Crisis. 2021. URL: <https://www.efeminista.com/lideres-mundiales-mujeres-poder-crisis/> (дата обращения: 10.10.2022).
- Godard J.* Women in politics in France: is parity the best way to redress the balance? // Public Law. 2006. № 1 (Spring). С. 124—139.
- Gouges O.* Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne // Les Droits de la femme. Paris, 1791. P. 6—24.
- Helft-Malz V., Lévy P.-H.* Les femmes et la vie politique française. Paris: PUF, 2000. 127 p.

References

- Assemblée nationale*, available from <https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/vos-deputes> (accessed 07.03.2022).
- Bazán, C. (2021) *World Leaders Call for More Women in Power to Get Out of the Crisis*, available from <https://www.efeminista.com/lideres-mundiales-mujeres-poder-crisis/> (accessed 10.10.2022).
- Godard, J. (2006) Women in politics in France: is parité the best way to redress the balance?, *Public Law*, no. 1 (Spring).
- Gouges, O. (1791) Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne, in: *Les Droits de la femme*, Paris, pp. 6—24.
- Helft-Malz, V., Lévy, P.-H. (2000) *Les femmes et la vie politique française*, Paris: PUF.
- Legetskaia, A. N. (2005) *Zhenshchiny v politicheskoi zhizni Frantsii: politicheskoe ravenstvo i osushchestvlenie vlastnykh funktsii*: Dis. ... kand. polit. nauk [Women in French political life: political equality and the exercise of power: Diss. (Cand. Sc.)], Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, Kemerovo.
- Preobrazhenskaia, A. (2022) Prezidentskaia izbiratel'naia campaniia vo Frantsii: Intrigi bol'she net? [The presidential election campaign in France: Is there no more intrigue?], *Evropeiskaia bezopasnost': sobytia, otsenki, prognozy*, no. 64, pp. 2—5.
- Shvedova, N. A. (2022) Zhenskoe liderstvo v mire: "prodvizhenie vpered" [Women's leadership in the world: "promoting forward"], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 32—47.

Статья поступила в редакцию 12.10.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 12.10.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Григорьева Наталия Сергеевна — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor at the Department of Political Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Жохова Анастасия Александровна — аспирантка кафедры политического анализа, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, zhokhovaaa@my.msu.ru (Post-graduate student at the Department of Political Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 59—72.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 59—72.

Original article

УДК 316.334.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.6

**ALIENATION ON CHARWOMEN
CREATED BY SOCIAL EXCLUSION**

Nihan Kalkandeler

Avrasya University, Trabzon, Republic of Turkey, nihan.kalkandeler@avrasya.edu.tr

Abstract. Women imprisoned with their feminine roles within the borders of their own house, have attempted to break the taboo rules of patriarchal culture in order to be able to fight for their lives, even though they are isolated from the public order. Since the life of a woman who was exposed to both physical and psychological pressures as well as economic violence, suffered from financial difficulties and became the subject of misery, could not undergo a completely different transformation in her working life, the domestic labor of women has evolved into a profession. This profession, where she can live and practice in a socio-cultural sense and earn money in return, is “charwoman”. Women’s job choices focused on the occupations they thought were closest to them. This research supports the literature and shows that more than half of the women prefer domestic chores and house cleaning as their job. However, this situation brought along some difficulties for women both in social life and in the business life that they started to be a part of it. Charwomen have difficulty in gaining a place and identity in the society due to the work they do, and they are socially excluded. In this context, alienation will form the problem area in this research and will be interpreted with the support of research data.

Key words: feminine roles, economic violence, charwoman, alienation

For citation: Kalkandeler, N. (2022) Alienation on charwomen created by social exclusion, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 59—72.

Научная статья

СОЦИАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ДОМРАБОТНИЦ, ОБУСЛОВЛЕННОЕ СПЕЦИФИКОЙ ПРОФЕССИИ

Нихан Калканделер

Евразийский университет, г. Трабзон, Турецкая Республика,
nihan.kalkandeler@avrasya.edu.tr

Аннотация. Женщины, находящиеся в плену своих женских ролей в границах собственного дома, пытаются нарушить запретные правила патриархальной культуры, чтобы иметь возможность отстаивать свои права, даже если они изолированы от институтов общественного порядка. В течение поколений женщины подвергались физическому, психологическому давлению, а также экономическому насилию, они страдали от финансовых трудностей и нищеты. Не имея возможности получить профессиональные навыки, женщины были вынуждены трансформировать домашний труд в профессию. Так появилась профессия домработницы, с которой женщина может самореализоваться в социокультурном плане и получать заработную плату. Выбор женщин был сосредоточен на профессиях, которые они считали наиболее близкими. Данное исследование подтверждает выводы ученых и показывает, что более половины женщин предпочитают работу по дому. Однако эта ситуация повлекла за собой определенные трудности для женщин как в общественной, так и в деловой жизни, частью которой они стали. Домработницам трудно завоевать достойное место в обществе и обрести идентичность из-за низкого статуса выполняемой ими работы, что приводит к их социальной изоляции. В этом контексте социальное отчуждение становится проблемной областью данного исследования.

Ключевые слова: женские роли, экономическое насилие, домработница, отчуждение

Для цитирования: Калканделер Н. Социальное отчуждение домработниц, обусловленное спецификой профессии // *Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 59—72.*

Introduction

Work, as a social activity that ensures the continuity of life, is considered as one of the most central areas of human life, the history of which goes back to the existence of humanity [Keser, 2005: 361]. When the concept of work is examined, the relationship between the individual and the task is understood. The important thing here is that the working conditions and individual characteristics harmonize with each other and reach a point of balance. The meaning and value of the work has been determined by the economic, social and cultural development of each society in the process of social change [Tinar, 1996: 3]. In this context, different meanings have been attributed to the work by social scientists and various definitions have been made.

According to Grint, the concept of work in most sociological studies refers to gainful occupation. According to him, work is “filling time with productive activities” [Grint, 1998: 14]. According to Sabuncuoğlu and Tokol, work is defined both economically and socially. Economically, work is the physical and mental effort that

an individual undertakes in order to maintain his life or raise it to a certain level. Socially, on the other hand, work is the individual's interaction with other individuals while performing a job and the effort to live with them [Sabuncuoğlu, Tokol, 1991: 4]. Based on this definition, working is also a socialization process for the individual [Kelly, 2000: 9]. As a result of this interaction and socialization that takes place in a hierarchical order, the individual reaches a certain status and gains a place in the society. According to Özen, work is a source of identity. The role of the job is very important in creating a sense of belonging and identity of the individual [Özen, 2005: 100].

Although being able to work seems like a way to gain a place in society and have an identity, the quality of the work done has an undeniable effect [Erkan, 2000: 135]. Every profession can bring person in money, but not status and identity. In this context, the difference between being an employer and an employee draws attention. This difference makes itself felt in some occupational groups. The profession of charwoman, which is one of the situations in which being an employer and working under the employer's order are most sharply separated from each other, will set sample for this research. It will be examined why women in this occupational group who come to clean our homes choose this job and how they are affected by this job.

One of the forces that activate women to achieve certain goals is the motivation to work, and this motivation is not primary innate, but in a secondary position, it is one of the learned motives in social life [Tınar, 1996: 6]. Considering that there are some taboo value judgments and roles attributed to women in society, it is expected that women will only be at home. While this expectation is in question, it is remarkable how women learn about their motivation to work from social life. According to Dökmen, women are expected to play their roles by adhering to the scenario written by the society. These roles are called gender roles. Gender role is a gender-related role that society defines and expects individuals to fulfill [Dökmen, 2010: 29]. Dökmen states that women are emotional, more sensitive, love and understand children, know how to cook and are self-sacrificing; emphasizes the general idea that men are also independent, cold-blooded, brave, strong and work outside the home. This is actually thought of as the division of labor within the family. Since the fertility feature given to women serves the patriarchal system, women cannot be thought of outside the home, and the gender-based division of labor imprisons women in the private sphere, that is, their home [ibid.: 104]. However, Kalaycıoğlu and Tılıç state that women can break the narrow stereotypes of the gender role assigned to them and this is a remarkable development and explain how and why the view towards women's work has changed in society as follows:

"...The idea that the most suitable place for a woman is the home and the most suitable job is to take care of her children and to do the chores of her own house has a culturally significant value in Turkish society. Accordingly, it is the man who will run the house. However, it is very difficult for the man, who is the head of the family, who has migrated to the city, has no savings and does not have the qualifications to be employed in the job market, to find a job that can earn enough income to cover all the expenses of the house. In this situation, many family heads face a dilemma. They realize that if their spouses also find a job, they can improve their economic situation. In this way, women begin to carry a value in the public sphere as well as in the private sphere..." [Kalaycıoğlu, Tılıç, 2001: 32].

Women's job choices focused on the occupations they thought were closest to them. A research shows that more than half of women prefer domestic chores and

housekeeping as their job [Onat, 1993: 158]. According to Gardiner, in the literature, domestic work should also be considered as a profession, although there is no financial return in return [Gardiner, 1975: 49]. In this context, studies on determining the price of housework continue in Turkey. In the high-income areas of the cities, when it is possible to have someone else do the domestic work for a price, the demand for women's labor who has migrated to the city and cannot find employment in any other way increases. In the unjust order of the rich and the poor, the grouping between the houseowner and the housekeeper and the gap between individuals bring up the problems that the charwoman will experience spiritually.

Increasing and chronic unemployment, difficult living conditions, economic crises pushed women's labor out of the regular-permanent business sector [Kalaycıoğlu, Tılıç, 2001: 46]. Women have faced some difficulties both in social life and in the business life that they started to be a part of. One of these difficulties is alienation. In its most general framework, alienation describes the alienation of individuals from each other or from a certain environment or process [Marshall, 1999: 798]. Alienation is the name of a differentiation, a transformation in people. This transformation emerges and develops according to the quality and degree of human relations in daily life and communication with his environment [Doğan, 1998: 367]. According to Oskay, it is a fact that limitations are imposed on working women in their working life. Moreover, she has adopted the social role patterns transferred to her in the socialization process so much that her current position, which has the negative effect of patriarchal ideology in both work and family life, is perceived as what it should be, even though it is rebelled from time to time [Oskay, 1994: 124]. Stuck between the limitations drawn by the social environment on the one hand and the feelings of rebellion and acceptance she experiences on the other hand, the woman withdraws psychologically and becomes alienated from herself. Although working allows people to prove and express themselves, it can be said that this opportunity creates social and economic limitations for women under the pressure of patriarchal tendency.

In addition to the alienation of women from her environment and herself, another undeniable fact is the social exclusion and psychological loneliness of the charwoman. According to Silver, social exclusion refers to a process that shows individuals or groups who are completely or partially excluded from the social order of which they are a part. The inability of the individual to get a share of the humane living conditions and the inadequacies caused by the low quality of life cause her to always be in the background [Silver, 1994: 532]. According to Çakır, for women who cannot take their share from sustainable development at the humane level, there is an economic exclusion as well as isolation from social relations [Çakır, 2002: 86]. In terms of country conditions, it can be thought that sudden changes in the population ratio, in other words, population increases and decreases begin to pose a threat to welfare [Vasilieva et al., 2021: 263]. According to Gökbayrak, the low level of education of women migrating from rural to urban areas and therefore their inability to meet the qualifications required by the urban labor market, in an environment where there is a gendered division of labor, women work in the informal sector, with low wages, without any social security, and unsafe work conditions [Gökbayrak, 2002]. In the face of these impossibilities, women who have accepted to work as a charwoman as a profession to earn their living are not able to observe their social rights and remain in the marginalized and despised section of society.

Problem

The problem to be addressed in this research is; is about the difficulty of finding a place and identity in the society due to the work they do and the social exclusion of charwomen. This problem will be evaluated together with the alienation created by social exclusion on charwomen.

Considering the rapid migration from the village to the city and the fact of increasing urbanization, it was not enough for men to work in difficult living conditions and women sought ways to earn money [Kalaycıoğlu, Tılıç, 2001: 32]. While in this search, being a charwoman has started to settle as a new field of work. This business area has become the savior of every woman who has trouble or cannot find time to do her own housework. According to Özyeğin, the fact that women who earn money through household chore, earn tax-free income has created a serious problem. Tax-free earnings brought them social insecurity. The living conditions of charwomen, who do not have social security and organization, have become more difficult due to the fear of being fired at any moment. Charwomen who have somehow entered the business life have become the victims of the complexes of the women they work for and have become workers or even slaves. No matter how well they do their job, being humiliated, keeping the forks, spoons and plates separate and not being allowed to use the same toilet with their owners also reveals the psychological loneliness and exclusion experienced by charwomen [Özyeğin, 2005: 131].

According to Kalaycıoğlu and Tılıç, the profile of charwomen consists of the group that is mostly uneducated, unskilled in business life, who has taken up cleaning the house, which is one of the rare jobs they can find in order to contribute to the budget of the house. Although they want to work at a desk job, they have to do this job due to socio-economic differences. Since this obligation of charwomen becomes a responsibility on behalf of themselves and their families, every difficulty and trouble in their lives turns into learned helplessness and they are content with just accepting the conditions [Kalaycıoğlu, Tılıç, 2001: 122]. The conditions under which the charwomen are struggling to survive in the society, the lack of identity and exclusion they experience, the impact of the education opportunity they missed because they could not be rich and wealthy, will be examined and a different life will be tried to be interpreted from the perspective of the charwomen.

Aim and importance

In this research, which is aimed at charwomen, the issue will be tried to be clarified with some questions in order to better understand the problem to be addressed and to eliminate possible misunderstandings. The questions about the charwomen do and how they are affected by this work are as follows:

- What are the problems experienced by charwomen?
- What are the strategies of charwomen to cope with these problems and troubles?
- What is the source of these problems according to the sample?
- What is the characteristic of the sample?

It is an undeniable fact that it is necessary to work and earn money in order to be a part of society and to sustain life. The important thing is what effect a woman who has realized this necessity has in her life when she takes up a profession to earn money. It should be scrutinized what this title of “charwoman” carried by the women who aim to contribute to the livelihood of their home, adds to them in a spiritual sense. In this context,

it is important how charwomen are seen, how they are affected and how they perceive themselves. Each member of the society is a value for the society and for herself. However, this value is shaped by the role of the individual in society. Although the role of an charwoman is valuable and meaningful in her own small world, the same woman can be seen as worthless, disidentified and socially excluded in society.

Considering that the patriarchal structure and perspective are reflected in the social roles of women, the worthlessness and subordination of women undeniably imprison women in a small life within four walls. However, a woman should not be devalued because of the feminine roles imposed on her because she has the right to live as a part of society. For this reason, it will be emphasized that a woman who has chosen “being charwoman” in order to stand on her own feet and contribute to the livelihood of her home deserves to live humanely, to be treated equally with men as well as with their genders, and to exist with her identity without being excluded.

Approach and assumptions

Individuals are a product of their own ideas and the society in which they live. Based on this fact, it should be considered that objective information and conclusions cannot be reached independent of the influence of the society and time. In this case, society should be approached with a critical attitude.

According to Habermas, a critical theorist, everyone should have an equal chance to argue and question life. Thus, each individual should be able to criticize the situation she is in without blindly accepting it [Habermas, 1988: 56]. According to Horkheimer, critical theorists must get to the source of our knowledge and our shared humanity. In this context, according to Hegel, the real is rational. Frankfurt School thinkers, who adopt critical theory, argue that what is real must be rational. Accompanied by these views, it is thought that all members of a rational society exist to create and transform their environment and participate as a whole in this creation and transformation process [Horkheimer, 1975: 245].

It is predicted that the critical perspective will yield better results than other approaches, as it integrates each individual into the society and defends the integrity, and critical theory has been adopted in this research. The assumptions of critical theory, including feminist values and approaches, are discussed as follows [Habermas, 1988: 56]:

“...Some people (women) in society have remained on the strange and oppressed side and have become in need of support. However, no individual (women) should be excluded, on the contrary, each of them should be able to actively participate in public discussions and sharing in order to defend their rights and interests...”

“...Critical theorists, who argue that a rational society or a rational social existence has not yet emerged, point to the goal to be reached when making such a society the goal of critical theory. The goal is “emancipation of individuals (women)”...”

“...It is aimed to initiate a radical social change for the liberation of the individual (women). Since the existing and imposed social order from the past neglects the individual (women), their inherent capacities should be discovered and a democratic order should be established in the society...”

“... It should be possible to act in a way that does not create discrimination between individuals (women). It is thought that there is a need for art, utopian thought, fantasy and imagination, in order to bring the suppressed emotions and movements of the individual to the surface...”

Research method

During the shaping of this research, a certain way was followed. According to the way followed, it was aimed to collect data suitable for a scientific research. First, the subject selection was made, and then a methodical design approach was made by focusing on the problem of the research. After the data collection phase was completed, the data obtained were processed and analyzed. The findings were interpreted and the research was created within a certain framework in order to inform others.

In this research, the perceptions of charwomen towards the work they do and the society's perception of charwomen are examined; the fact that charwomen are excluded from the society and alienated from the society has been tried to be examined by using descriptive research method. The methodological orientation of the research was established in a quantitative and qualitative manner. It was tried to get consistent and correct answers to the questions created by one-on-one interviews with the participants. Since this research, which deals with a social problem, was created by the information obtained from the real lives of the participants, it was tried to establish a sincere communication with the open and closed-ended questions asked to them, without too much contact with their private lives and confidentiality, and without allowing the facts to be hidden.

This research required a sample of charwoman. For this, samples were selected from different areas in Ankara, including the middle class, upper class and upper-middle class. It was thought that the residential areas would show a relative homogeneity and each of them could be separated according to social class. When choosing from the middle and upper-middle class neighborhoods, it was primarily taken into account that these could represent different groups of charwoman. It is thought that the class differences of the employers (homeowners) living in these neighborhoods will be reflected in the wages and workloads of the charwomen and the attitude of the employer woman towards the charwomen. Probabilistic sampling was preferred, assuming that it would better represent the universe due to the subject, problem and purposes of the research.

Findings and discussions

Charwomen participating in the research think that the only duty of a woman is housework. In accordance with the understanding of femininity imposed on them by the social order in which they grew up from their childhood, a woman should do housework perfectly, be the woman of her house, the mother of her child and the wife of her husband. It has been proved with a high rate as 80 % that this thought is dominantly formed by the answers given to the research question.

Charwomen do not want to live on the money their husbands earn, and they think that standing on their own feet with their own earnings gives confidence. No contrary view was put forward within the scope of this research, and all the charwomen representing the sample expressed the idea that earning money gives confidence. On the otherhand charwomen do not see the best job they can do as a woman as household chore. For this reason, the idea that household chore is not a good profession has emerged for women who want to earn their own income. A high rate of 60 % shows this opinion. The total rate of those who think that being a charwoman and doing housework is a good profession has a rate of 30 %, and those who

do not have an opinion on the subject and abstain have a share of 10 %. Another result that coincides with the fact that the charwomen participating in the research do not accept their work as an ideal profession focuses on the fact that women feel excluded because of the charwomen profession. In this context, the sample's perception of exclusion stemming from the charwomen profession was found to be high. The rate showing this perception of exclusion is approximately 83,4 %, those who do not express their opinions are 3,3 % and the rate of those who do not have the perception of exclusion is 13 %.

Charwomen cannot share common areas with their landlords or in other words with their employers (houseowners) in the environments they work. According to the results of the research, there is a thought that charwomen cannot share common areas with the people whose houses they clean and are seen as inferior. This idea comes up with a high rate of 76,7 %. Those who hold the opposite view have a share of 23,3 %. Even though they do all kinds of work as required by their profession, the women who participated in the research think that they do not get paid for their efforts, and they even admit that they just work for full their bellies. This idea was reflected in the data with a high rate of 93,3 %. On the contrary, those who think that they do not work only for full their bellies have a low share of 6,7 %. Another point that the charwomen are not satisfied with the lack of social security. The vast majority of charwomen agree that they do not have social security and cannot organize out of fear. Women who agree with the lack of social security reveal their thoughts with a rate of 96,7 %. Those who do not agree with this constitute a small part of 3,3 %. All of the charwomen who participated in this research thought that they were born unlucky, and that this unfortunateness continued throughout their lives and pushed them from despair to being a charwoman. There was no contrary opinion, and the percentage of those who agreed with this opinion was reflected in the data as 100 %.

Charwomen advocate equality in the name of human life conditions. In this context, they put forward the idea that there should be equality between people and that charwomen should not be excluded because of their profession, and they did not express an opinion to the contrary, and the percentage of those who agreed with this opinion was reflected in the data as 100 %. Charwomen think that their wages should be fairer in return for their labor. At the same time, they want to discuss and regulate their working conditions with their employers. According to the results of the research, this thought is the common thought of charwomen, and there was no opposite opinion and it was reflected in the data with the answer "agree" as 100 %. All of the charwomen participating in the research have a mood that suffers from living anxious and worried about the future. For this reason, all of them want to work without fear of being fired and do not advocate a contrary opinion.

Charwomen attribute their problems arising from the household chore profession to the fact that they do not read on time. They can't create a skilled labor force today, as they can't have education due to poor living conditions and impossibilities. For this reason, they think that the problems they experience stem from their illiteracy and lack of qualifications. It is understood from the 100 % data that there is no opinion to the contrary. Charwomen participating in the research argue that the individual is first raised and brought up in the family order and is greatly influenced by her family. In this context, almost all of the women working as charwoman think that the family has a large share in personal development, education and career choice. While the rate

of those who agree with this idea is 96,7 %, those who disagree constitute the minority with a rate of 3,3 %. Most of the women participating in the research are between the ages of 20—30. The rate of this is 56,7 %. Women between the ages of 41 and 50, who represent the minority, work as a charwoman in order to provide for their households on their own, due to the inability of their husbands to work. The rate of those in this age group is 6,7 %. The majority of the women who participated in the research live in the apartment and their spouses are also the doorkeepers of the apartment they live in. The proportion of people living in slums is undeniably large. The houses of those who say they live in a house with a garden are among the old houses in the slum area. For this reason, it would not be wrong to say that charwomen gather in areas where squatting is intense. It is reflected in the data with a rate of 43,3 % living in an apartment building, 20 % living in a house with a garden, and 26,7 % living in a slum. Most of the women participating in the research are married. In fact, while most of them do their household chore, their spouses also work as janitors and earn their living in the same way. The number of woman whose marital status is married with a high rate of 83,3 % is reflected in the data.

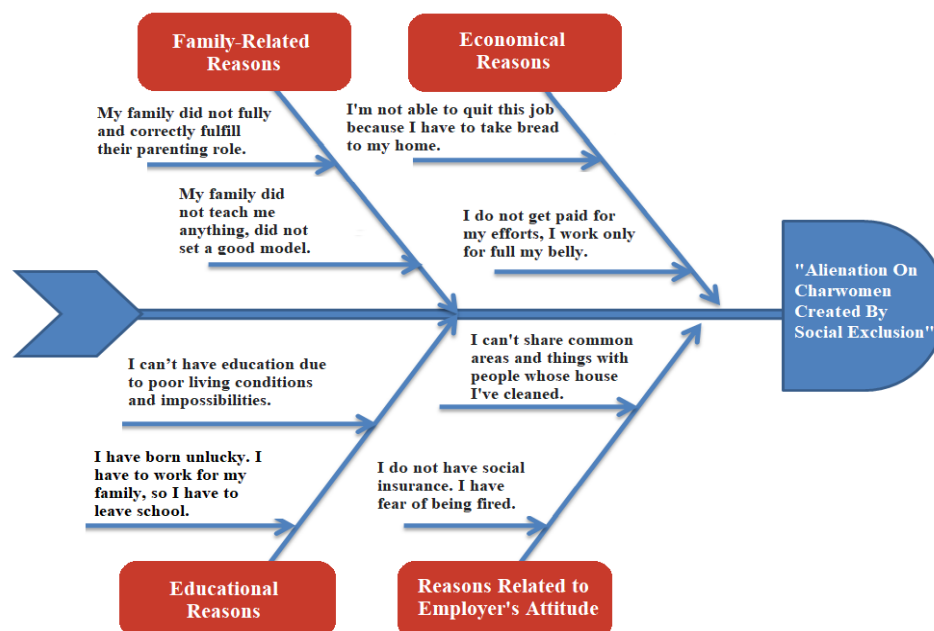
The education level of the women who participated in the research is low. The rate of primary school graduates among illiterate, literate, primary, secondary or high school graduates has the highest rate with 66,7 %. This ratio can be interpreted as a ratio that supports the legitimate complaints of many charwomen who complain about their low education levels. The socio-economic status of the women who participate in the research is at the lower-middle income level. The majority of charwomen have a lower-middle income level. While the ratio of families living at this income level is 60 %, low-income families are seen with a ratio of 40 %. But the general opinion is that the income level is lower than the fair level.

Social exclusion of charwomen and strategies for coping with this problem

The fact that charwomen feel powerless and excluded because of their work shows their perception of exclusion and is therefore considered as the dependent variable. In order to interpret the exclusion perception of charwomen, the dependent variable will be associated with the independent variables and the significance of the relationship between the dependent and independent variable will be discussed by a diagram of Ishikawa.

The social exclusion experienced by charwomen is examined in the context of 4 reasons as Family Related Reasons, Educational Reasons, Economical Reasons and the Reasons Related to Employer's Attitude. The Ishikawa Model showing the cause-effect relationship also takes us to the source of the social exclusion and alienation experienced by charwomen.

While questioning the life they live and the profession they are doing, the women participating in the research attribute the feeling of being excluded to their families. In this context, charwomen think that the family has a great influence and share in personal development, education and career choice. There is a significant relationship between the feeling of exclusion and powerlessness of charwomen and the failure of their families to fulfill their roles and responsibilities, as they think that they cannot give their life the direction they want and are satisfied with today because they do not receive the necessary attention and support from their families.

The social exclusion of charwomen by a model

Affected by the self-fulfilling prophecy cycle of the lower income group, women could not go to school to support their families living on the poverty line and had to work to contribute to the household's budget. The fact that women are uneducated has also been the most important obstacle for them to work in qualified jobs in business life. According to them, individuals who are born lucky have good education opportunities and do not even have career anxiety thanks to the job opportunities offered by their families. However, individuals born unlucky cannot develop themselves in terms of qualified job opportunities, as they miss education opportunities while struggling with poverty. A woman who cannot develop herself works in unskilled lower class jobs and earns little. Since she earns little, she cannot find the opportunity to direct her education. This cycle of poverty also becomes destiny, causing individuals to become polarized within themselves, and exclusion from society becomes inevitable for poor charwomen.

In order to cope with the exclusion problem of the women participating in the research, it is seen that they have demands primarily to provide fair wages and humane working conditions. In this context, there is a significant relationship between being able to get a fair wage, talking about working conditions with their employers, and being against being forced to work like slaves. Another problem that the charwomen participating in the research expressed in order to cope with the exclusion problem is that they do not have social security. Charwomen, who can't organize out of fear, want to organize in order to live without fear, to have social security and to defend their rights when necessary. As the charwomen whose demands are not met, they can't find a place in the society safely, their perception of exclusion is also high. In this context, there is a significant relationship between the demand for social security and the right to organize by women who do not have social security. Charwomen participating in the research

are willing to work for only full their bellies because they do not have social security and cannot be organized. Because if they tend to quit their job because they don't make much money, they will face a serious problem such as being unemployed and not being able to bring bread home. Since such a situation is more difficult to remove and compensate, charwomen submit to their fate and continue their profession with the psychology of learned helplessness. However, if they had social security and had confidence that their future would be guaranteed, they would have found a solution to the problem of exclusion. Charwomen participating in the research do not deny the difficulty of their profession, but they continue to do this job because they have to bring bread home. Considering that most of them have one or more children, they have to eliminate the difficult aspects of being charwoman in order to provide for the family and to meet the needs at a minimum level. Instead of experiencing the sadness of not being able to bring bread to the house, they are willing to continue working as a charwoman and excluded. However, charwoman demands to live under equal conditions and has the desire to exist without being excluded. However, the classification and polarization in the ongoing social order cannot prevent charwomen from being an excluded group. As long as the obligation to bring bread to the house continues, the charwomen will be condemned to continue this job despite their exclusion.

The perception of exclusion of charwomen varies according to their inability to share common areas with the people whose houses they go to clean and to be seen as inferior. Situations such as the fact that charwomen cannot share the same environment with the people whose houses they go to clean, can't sit at the same table, or use the same toilet strengthen the perception of exclusion of charwomen. The perception of exclusion of charwomen varies depending on their lack of social security and their inability to organize to seek their rights out of fear. Charwomen live in fear of losing their jobs because they do not have social security. Charwomen are left helpless, insecure and powerless because they do not have a mechanism to make their voices heard. As a result of this psychological pressure, it is an inevitable result that charwomen feel excluded.

Conclusion and recommendations

With the settlement of societies, "housework" has emerged and has always been important in terms of individuals' reproduction of themselves. According to Kalaycıoğlu and Tılıç, although the economic activities of the family were included in the definition of housework before industrialization, today it is mainly understood the total labor spent to prepare themselves for the next day, shared among family members. Housework has, in many ways, become more technical and machine-intensive with the development of industrialization and technology. Despite this, it was still a type of work that mainly required manual labor. On the other hand, it is the woman at home who bears the most burden among family members; that is, they are spouses, mothers, daughters or female relatives [Kalaycıoğlu, Tılıç, 2001: 153].

According to Dökmen, there are things that need to be done in order to maintain daily life at home. There are many jobs available, from cooking the food to washing the clothes and sewing the rips, cleaning the house, putting the garbage in front of the door. The variety and frequency of these jobs will of course vary from house to house and according to the preferences of those who do these jobs, but one thing that does not seem to change is that women and men do not take equal responsibility

at home in the execution of these jobs. Women are always held primarily responsible for the execution and follow-up of these works [Dökmen, 2010: 194].

According to Renzetti and Curran, housework includes more than eighty tasks but is not included in specialized work. Housework is constantly repeated, never completely finished; even on holidays. Housework is related to privacy and housework does not have strict work schedules and provides autonomy to the doer. For this reason, it is done by some women by being loved and satisfied. But over time, like everything else, the nature of housework and the autonomous role of women in housework have also changed. Houses have grown, furniture has increased, and meals have begun to be eaten on rich tables. As a result, the work of women who are responsible for doing all housework has increased and diversified. Women chose to do these jobs for money, with the help of other women, and unpaid, self-autonomous housework turned into paid work [Renzetti, Curran, 1992: 53].

Along with industrialization, which determines the direction of change in social life and individual roles, it is noteworthy that women will participate more in the workforce and the position of women in the division of labor at home will change. Considering the social roles of women and men, it is seen that only women are employed both at home and outside the home. On the other hand, when the constant role of women in housework and the social role imposed by their environment are considered, different femininities emerge.

According to Kalaycıoğlu and Tılıç, some women are employed in jobs with high income and status outside the home. But it is another fact that these women are women who have already inherited a high status and education from their own families. The first effort of women, who find a relatively higher place in the labor market, is to alleviate their domestic responsibilities that may adversely affect their work outside the home. The result from this; it is not that housework is no longer understood as a woman's duty; it's just another woman taking over these jobs instead of the woman in the house. In other words, middle-upper and upper-class women want to be able to get other women to do their housework, in exchange for money, in order to at least equalize their position in economic life with men. In this way, the time they will spend on jobs with higher income and status increases and they can participate more in social activities [Kalaycıoğlu, Tılıç, 2001: 154]. In areas where high income earners live in cities, when it is possible to have someone else do the domestic work for a price, the demand for women's labor who has migrated to the city and cannot find employment in any other way increases. In the unjust order of the rich and the poor, the grouping between the houseowner and housekeeper and the gap between individuals bring up the problems that the charwoman will experience spiritually. Although working allows people to prove and express themselves, it can be said that under the pressure of patriarchal tendency, this opportunity creates limitations for women at various social and economic levels. In addition to the alienation of women from her environment and herself, another undeniable fact is the social exclusion and psychological loneliness of the charwoman.

In this research titled "Alienation On Charwomen Created By Social Exclusion", the importance of their families, education inadequacies and the scarcity of alternatives to cling to life are of great importance for women to choose being a charwoman as a profession. This is also seen in similar studies. The womanhood of a woman who thinks to work in a job with a high status and income and to transfer the housework to another woman is shaped by the family and social order in which she grew up.

On the other hand, the social order who finds the education of girls unnecessary; integrates them with the roles of mother, wife and mistress of the house, women are condemned to atrophy and become worthless. In this research conducted with charwomen in Ankara, the perception of exclusion of charwomen varies depending on their inability to share common areas with the people whose house they go to clean and their humiliation. The exclusion and feeling of powerlessness of charwomen who remain in the lower strata of the social order that stratifies people alienate them from themselves and their environment. The fact that charwomen do not have any social security and do not organize out of fear has also imprisoned them in their own destiny and left them helpless. Learning about desperation, many charwomen have come to a position of unconditional submission without changing the conditions. Since some women find this job through acquaintances and relatives, they continue this job by ignoring their own unhappiness and helplessness and not embarrassing those they know.

In the profession of charwoman, which is pregnant with this unjust living conditions, which is a bleeding wound of the society, first of all, fair wages and humane working conditions should be provided in order to cope with the problem of exclusion of charwomen. A woman in the position of a host employer should be able to act equally without forgetting that the person she cleans is a woman of the same sex. Different femininities should not make us forget that a woman is a woman no matter what job and condition she is in. For charwomen, social security should be accessible and attainable, not inaccessible, and there should be no fear of tomorrow. Families have a huge share today so that future generations will not be humiliated and regretful individuals tomorrow. Families should support the education and development of girls and should not withhold sufficient and necessary incentives. When a girl becomes an adult, a sentences like “My parents did not teach me anything, no one guided me”, should not be said. Although the profession of charwoman is not enough to meet all needs, the fact that women earn and earn money gives women confidence. From this point of view, the idea that “earning money gives women confidence” dominates, and this situation is also seen in other research with the same result. In this context, the conclusion we have reached is that doing household chore has turned into a material return. Women do not deny the difficulty of their work and its moral costs, but because they have to bring bread to the house, they continue to do this work and instead of not being able to bring bread to the house, they turn their work into financial gain.

References

- Çakır, Ö. (2002) Sosyal Dışlanma [Social exclusion], *Dokuz Eylül Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, no. 4/3, pp. 83—104.
- Doğan, İ. (1998) *Sosyoloji, Kavramlar ve Sorunlar* [Sociology, Concepts and Problems], İstanbul: Sistem.
- Dökmen, Z. (2010) *Toplumsal Cinsiyet* [Gender], İstanbul: Remzi.
- Erkan, H. (2000) *Ekonomi Sosyolojisi* [Economic Sociology], İzmir: Barış Yayınları Fakülteler Kitabevi.
- Gardiner, J. (1975) Women’s domestic labour, *New Left Review*, vol. 1, no. 89, pp. 47—58.
- Gökbayrak, Ş. (2002) Varoşlarda Yaşam ve Kadınlar [Life and women in the suburbs], *Çalışma Ortamı Dergisi*, no. 65, available from <http://sosyalpolitika.fisek.org.tr/?p=41> (accessed 10.02.2022).
- Grint, K. (1998) *Çalışma Sosyolojisi* [Sociology of Work], İstanbul: Alfa.

- Habermas, J. (1988) *Theory and Practice*, Boston: Beacon.
- Horkheimer, M. (1975) *Critical Theory*, New York: Continuum Publishing.
- Kalaycıoğlu, S., Tılıç, H. R. (2001) *Evlerimizdeki Gündelikçi Kadınlar* [Everyday Women in Our Houses], Ankara: Su.
- Kelly, G. M. (2000) Employment and concepts of work in the new global economy, *International Labour Review*, no. 139, pp. 5—32.
- Keser, A. (2005) Çalışmanın Değişen Anlamı ve Çalışmaya İlişkin Trendler [The changing meaning of work and trends in work], in: *İktisat Fakültesi Sosyal Siyaset Konferansları, Prof. Dr. Turan Yazgan'a Armağan*, b. 49, İstanbul, pp. 261—379.
- Marshall, G. (1999) *Sosyoloji Sözlüğü* [Sociology Dictionary], transl. O. Akınhay, D. Kömürcü, Ankara: Bilim ve Sanat.
- Onat, Ü. (1993) *Gecekondu Kadınının Kente Özgü Düşünce ve Davranışlar Geliştirme Süreci* [The Process of Developing Urban-Specific Thoughts and Behaviors of Slum Women], Başbakanlık Kadın ve Sosyal Hizmetler Müsteşarlığı, Ankara.
- Oskay, Ü. (1994) Çalışan Kadının Türk Toplum Yaşamında Konumu [Position of working women in Turkish community life], *Sosyoloji Dergisi: Ege Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları*, no. 5, pp. 111—125.
- Özen, S. (2005) Değişim Sürecinde İşin Anlamı [The meaning of work in the change process], in: *Çalışma Yaşamında Dönüşümler*, İstanbul: Ezgi, pp. 79—105.
- Özyeğin, G. (2005) *Başkalarının Kiri* [Dirt of Others], İstanbul: İletişim.
- Renzetti, C., Curran, D. (1992) Sex-role socialization, in: *Feminist Philosophies*, New Jersey: Prentice Hall, pp. 49—59.
- Sabuncuoğlu, Z., Tokol, T. (1991) *İşletme 1-2* [Business 1-2], Bursa.
- Silver, H. (1994) Social exclusion and social solidarity: three paradigms, *International Labor Review*, vol. 133, no. 5—6, pp. 531—578.
- Tınar, M. Y. (1996) *Çalışma Psikolojisi* [Work Psychology], İzmir.
- Vasilieva, E. N., Rostovskaya, T. K., Süleymanlı, E. (2021) Demographic threats to national security in the political discourse of the Russian Federation (1992—2019), *Science Journal of VolSU. History Area Studies. International Relations*, vol. 26, no. 2, pp. 255—272.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Information about the author / Информация об авторе

Nihan Kalkandeler — Cand. Sc. (Sociology), Assistant Professor at the Department of Social Work, Avrasya University, Trabzon, Republic of Turkey, nihan.kalkandeler@avrasya.edu.tr (кандидат социологических наук, кафедра социальной работы, Евразийский университет, г. Трабзон, Турецкая Республика).

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 73—88.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 73—88.

Научная статья

УДК 314.15

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.7

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ЖЕНЩИН
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ ЕАЭС
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Марина Леонидовна Галас

Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия, lucera2008@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что важнейшими задачами государственной миграционной политики и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года являются формирование институтов и механизмов социокультурной адаптации иностранных граждан, учитывающих возрастные, профессиональные, национальные, культурные и иные особенности различных категорий иностранных граждан, региональные и этнокультурные уклады жизни населения России; выработка мер, препятствующих пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов среди мигрантов. Эффективность мер по адаптации мигрантов непосредственно зависит от их согласованности с политикой государств — участников ЕАЭС в области социального, культурного развития, здравоохранения, образования, науки, молодежной политики. Нерегулируемый приток мигрантов может привести к социально-политической дестабилизации принимающего общества, рассогласованию интересов.

Ключевые слова: женская миграция, социокультурная адаптация мигрантов, семейная миграция, молодежная миграция, инклюзия

Для цитирования: Галас М. Л. Социокультурная адаптация женщин государств — участников ЕАЭС в условиях современных миграционных процессов // *Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 73—88.*

Original article

SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF WOMEN OF THE EAEU MEMBER STATES IN THE CONTEXT OF MIGRATION

Marina L. Galas

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, lucera2008@yandex.ru

Abstract. The relevance of the topic is due to the multifaceted character of the most important tasks of the state migration policy and the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025. Among them are the formation of institutions and mechanisms for the sociocultural adaptation of foreign citizens, taking into account age, professional, national, cultural and other characteristics of various categories of foreign citizens, regional and ethno-cultural ways of life population in Russia; development of measures to prevent spatial segregation and the formation of ethnic enclaves among migrants. The effectiveness of measures to adapt migrants directly depends on their consistency with the policies of the EAEU member states in the field of social and cultural development, healthcare, education, science and youth policy. The unregulated influx of migrants can lead to sociopolitical destabilization of the host society and a mismatch of interests.

Key words: women's migration, sociocultural adaptation of migrants, family migration, youth migration, inclusion

For citation: Galas, M. L. (2022) Sotsiokul'turnaia adaptatsiia zhenshchin gosudarstv — uchastnikov EAES v usloviakh sovremennykh migratsionnykh protsessov [Sociocultural adaptation of women of the EAEU member states in the context of migration], *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 73—88.

Степень изученности проблемы и постановка задач исследования

Россия — особое связующее государство для миграционного потока стран ЕАЭС. В миграционный процесс вовлечены разные социально-демографические, культурные, профессиональные, гендерные группы населения государств — членов ЕАЭС. Миграция в Россию все более феминизируется. Феминизация в данном контексте трактуется в социологическом понимании, как рост доли непосредственного участия женщин в тех или иных политических, экономических, социальных, культурных и иных общественных процессах, сферах жизнедеятельности индивидов. Таким образом, под феминизацией понимаются различные формы участия женщин государств — членов ЕАЭС, в том числе остающихся в стране исхода женщин — членов семьи трудовых мигрантов, выезжающих в страну трудоустройства. Основной страной трудоустройства работников из стран — членов ЕАЭС является Российская Федерация.

Изменились социальные установки в государствах — участниках ЕАЭС. Женщины все чаще, как правило в силу экономических причин, вынуждены

самостоятельно обеспечивать не только себя, но и семьи. Они готовы к выезду из страны происхождения или постоянного проживания в более стабильное принимающее государство в целях трудоустройства. С мужчинами — трудовыми мигрантами приезжают жены, дети и иные члены семьи. Трудовыми мигрантами создаются неофициальные социальные, культурные и информационные сети, посредством которых они трудоустраиваются, решают жилищную и иные проблемы, адаптируются, анклавизируясь социокультурно.

Каковы же особенности и проблемы социокультурной адаптации женщин государств — участников ЕАЭС в условиях миграции? В статье поднимаются вопросы гармонизации социокультурных традиций и норм повседневного поведения женщин-мигрантов.

Проанализирована женская миграция государств — участников ЕАЭС, ее особенности по страновому, образовательному, культурному и профессиональному признакам. Выделен молодежный аспект миграции, а также поставлен вопрос о целесообразности подготовки государствами — участниками ЕАЭС образовательных и культурно-просветительных программ для мигрирующей молодежи. Обозначена связь адаптационных мероприятий с «семейной миграцией» и сопутствующими проблемами обеспечения социальных гарантий, медицинской помощи для членов семей иностранных работников. С социокультурной адаптацией женщин-мигранток коррелируются вопросы государственной миграционной политики, интеграционных задач государств — участников ЕАЭС, социальной и культурной адаптации и социальной инклюзии мигрантов, дополняющиеся анализом внутреннего рынка труда и трудовой миграции, в том числе женской предпринимательской деятельности, а также довыездной подготовки иностранных мигрантов в странах исхода.

Социокультурная адаптация мигранта рассматривается как процесс приспособления к социальным условиям жизнедеятельности в новом социуме (территориально-географическом или культурно-этническом) посредством освоения культурно-исторических традиций, культурно-этических норм поведения, бытовых правил и духовных ценностей данной среды.

В настоящее время в законодательном и регулятивном аспектах более урегулирована социальная и экономическая адаптация мигрантов. *Социальная адаптация мигрантов* определена автором статьи как процесс их включения в систему социальных отношений и социальную структуру принимающего государства посредством соответствующей деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, общественных институтов, а также самих мигрантов.

Культурная адаптация мигрантов — система действий органов государственной и местной власти в партнерстве со структурами гражданского общества, мигрантов, регулирующих процесс включения данных лиц в культурные отношения принимающего государства в соответствии с принципами и нормами государственной культурной политики.

Объединяет все виды адаптации инклюзия — процесс вовлечения в социальную, экономическую и социокультурную системы общества и повышения уровня защищенности и качества жизни социально уязвимых групп при равном доступе их к материальным и нематериальным благам на принципах социальной справедливости, защиты прав человека и гражданина и недопустимости социальной дискриминации.

Какова степень изученности вопросов адаптации мигрантов в целом и женщин в частности?

Ряд исследователей рассматривают вопросы, связанные с организацией педагогической и образовательной, психологической поддержки процесса социальной адаптации детей-иммигрантов в Российской Федерации. В этой связи изучаются механизмы интеграции и адаптации иммигрантов и членов их семей, методики их языковой подготовки в общеобразовательных учреждениях и социальных, просветительских учреждениях, общественных структурах [Старовойтова, Дирксен, 2021; Carrión-Martínez et al., 2021]. Интерес вызывают вопросы социально-правовой поддержки женщин-мигранток [Степанова, 2020; Иванова, 2020]. С этим направлением исследования корреспондирует тема рабства женщин-мигранток [Павловская, Антимоник, 2020].

В контексте проблемы трансформации социальной мобильности населения приграничья России выделяются особенности миграции женщин-мусульманок [Черепанова, Максимова, 2019].

Часть мигрантологов специализируются на изучении женской трудовой миграции [Флоринская, 2022; Shamurzaeva, 2021]. Проводятся выборочные наблюдения трудовой деятельности мигрантов, социологические опросы трудовых мигрантов, в рамках которых анализируются отдельные аспекты женской трудовой миграции в Россию (доля в миграционном потоке, страны-доноры трудовой миграции женщин, численность женщин-мигранток на рынке труда, сферы их занятости, гендерная специфика денежных переводов трудовых мигрантов и др.).

Интерес вызывает и проблематика феминизации женщин-мигранток [Рязанцев и др., 2021], проявляющейся в их участии в семейном малом и среднем предпринимательстве. Как в мусульманских странах (например, Турции), так и в европейских немусульманских (например, Нидерландах) зарубежными исследователями отмечаются неравные возможности для предпринимательской деятельности женщин. Нормативно-правовая среда пропитана идеологией мужского пола и отводит мигранткам-предпринимательницам второстепенную позицию. Они не обеспечены необходимой поддержкой государственных и общественных структур в создании сетей, финансирования, нормативной базы [Ozasir-Kacar, Essers, 2021].

Анализ работ по вопросам миграции показал, что в настоящее время нет методики анализа и оценки социокультурной и иных форм адаптации мигрантов, нормативно урегулированных единых дефиниций, раскрывающих сущность этих процессов, критериев оценки их результатов. Фрагментарно рассмотрены проблемы женской миграции и недостаточно исследованы вопросы социокультурной адаптации женщин-мигранток государств — участников ЕАЭС.

В статье, наряду с решением вышеназванных исследовательских задач, систематизированы законодательная, институциональная, регуляторная основы и механизмы социальной, культурной и социокультурной адаптации женщин-мигранток. Проведена корреляция вопроса социокультурной адаптации женщин-мигранток государств ЕАЭС с проблемами регулирования и упорядочения внешней и внутренней миграции, баланса на рынке труда национальных ресурсов и мигрантов, предпринимательской деятельности иностранных граждан, актуализации финансовых механизмов социальных гарантий и медицинской помощи трудящимся гражданам государств — участников ЕАЭС и членам их семей.

Осуществлен анализ статистических данных и результатов социологических опросов, характеризующих оценку гражданами России миграционных рисков и их отношение к иммигрантам, к межкультурному диалогу с иностранными гражданами; внутреннюю миграционную мобильность и целеполагание миграции граждан; гендерную структуру внешней и внутренней миграции; особенности адаптации и социальной инклюзии трудовых иммигрантов государств — участников ЕАЭС в России.

Методы исследования

Автором использованы такие методы научного познания, как описание, сравнение, обобщение, структурно-функциональный анализ.

Социокультурная адаптация исследуется во взаимосвязи с законодательной, институциональной и регуляторной базами, с привязкой к конкретным видам деятельности и механизмам реализации адаптационных задач.

Применены разработанные автором методы исследования: социально-политическое прогнозирование миграционных рисков, типизация иммигрантов, изучение миграционных процессов как динамически изменяющейся системы, стратификация мигрантов как структурного элемента российской общественной формации [Галас и др., 2020: 10—200].

Результаты исследования

На основе результатов социологического опроса иностранных работников «Перспективы инклюзии иностранных граждан в социальные и экономические отношения в регионах Российской Федерации», организованного автором в июне — сентябре 2021 г., изучена социальная адаптация иностранных трудящихся и членов их семей в российских регионах. Результаты были верифицированы интервью экспертов, статистическими данными ведомственной отчетности. Собранные сведения могут быть использованы для анализа с целью описания профиля мигранта в России, оценки причин и стратегий миграции, характеристики экономической адаптации и уровня конфликтности. База дает возможность сравнить трудовой опыт мигрантов у себя на родине и в России, сопоставить полученное образование и текущую занятость, оценить степень знания нормативно-правовой базы и адаптации иностранных граждан и др. С помощью социологического опроса раскрыты такие показатели, как личностно-демографический профиль мигрантов в России, их трудовой опыт, составляющие прибытия в Россию, связь с семьей, предпринимательская и инвестиционная деятельность, уровень адаптации, уровень конфликтности, процесс трудоустройства и планы на будущее. Были опрошены в том числе соискатели трудоустройства из стран — участников и наблюдателей ЕАЭС (Кыргызстан, Казахстан, Армения, Узбекистан). Среди иностранцев — получатели услуг в государственном бюджетном учреждении г. Москвы «Многофункциональный миграционный центр», Департаменте трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии, АНО «Многофункциональный миграционный центр по Пермскому краю». Контрольное время проведения (продолжительность опроса) — 20 минут. Объем выборки — 353 респондента. База состоит из 144 переменных. Для статистической обработки

количественных данных, полученных в ходе исследования, использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics 22. Выборочная совокупность — 353 респондента, доверительная вероятность — 95 %, доверительный интервал — 5.

Проведен вторичный анализ результатов социологических опросов ВЦИОМ по проблемам миграционной мобильности российских граждан, оценки гражданами миграционных рисков, перспектив межкультурного сотрудничества с иммигрантами, целесообразности привлечения иностранных трудовых ресурсов.

Социокультурными факторами, воздействующими на миграционные процессы, являются правовые и регуляторные механизмы, уровень жизни, рынок труда и сфера занятости, мировоззрение, образование, общественное мнение, социальные настроения и поведенческие стереотипы, исторические и культурные традиции, демографические, экологические, природно-климатические факторы и др.

По данным Росстата, с 2018 г. в гендерном соотношении общее число прибывших на территорию России международных мигрантов из стран СНГ говорит о преобладании мужчин с разницей в среднем 10 % ежегодно: мужчин прибывает около 55—56 %, женщин соответственно 45—44 %. Выбытие аналогично по численности прибытию. При распределении мигрантов по гражданству из стран СНГ картина существенно не отличается: мужчин прибывает 58—59 %, женщин 42—41 %. Однако в целях трудоустройства в РФ прибывают в основном мужчины (91,5 % от количества опрошенных). Такая статистика может говорить о миграции женщин как членов семьи мужчин — трудовых мигрантов [Внутрироссийская миграция... , 2022]. Как показал социологический опрос, возрастной состав опрошенных иностранных соискателей трудоустройства (ИСТ) в РФ в целом также представлен главным образом молодыми группами от 18 до 29 лет — 41,1 %, от 30 до 39 — 33,1 %, а группа от 40 до 49 составила лишь 18,7 %.

На момент опроса у 65,4 % респондентов семья находилась в стране исхода. Возрастное распределение ответов на вопрос о месте проживания семьи ИСТ показало, что молодежь предпочитает оставлять семью на родине: только 13,1 % респондентов возрастной группы 18—29 лет стремятся перевезти семью в Россию, аналогично ответили 21,2 % опрошенных в группе от 40 до 49 лет, 36,4 % в группе от 50 до 59 лет.

Высокий показатель общей миграции женщин можно коррелировать со значительным (до 60 %) нерегулируемым в правовом поле трудоустройством. Женщины заняты главным образом в клининговой сфере, в сфере домашних услуг, что зачастую не сопровождается договорными отношениями и трудно поддается формальному статистическому учету.

Женщины-мигрантки государств — участников ЕАЭС защищены благодаря дополнительной государственной поддержке, обусловленной рисками, сопровождающими материнство и воспитание детей, а также нормами Договора о ЕАЭС от 29.05.2014 г. Ряд экспертов в сфере миграции рекомендуют стимулировать семейную миграцию вследствие максимальной законопослушности ее участников. Но в таком случае встает вопрос об обеспечении социальных гарантий и медицинского обслуживания для членов семей иностранных работников и их адаптации. Детям, например, нужно обеспечить образовательные места. Эксперты указывают, что если дети социально и культурно адаптируются через образовательные и воспитательные учреждения, то женщины в основном не задействованы

в трудовой деятельности и оказываются вне адаптационного поля, им нет необходимости осваивать русский язык и культуру.

По данным ВЦИОМ [Иммиграция... , 2020; Охота к перемене мест... , 2020], для граждан РФ важно знание иммигрантами основ культуры, истории России, а особенно русского языка. Симптоматично, что 50 % респондентов предпочитают отдалиться переселению проживающих за рубежом соотечественников. Перспективным гражданам считают привлечение к социально-экономической деятельности иностранной молодежи и квалифицированных ИСТ.

Более трети наших респондентов (37 %) положительно оценили межкультурное взаимодействие с иммигрантами, находя его важным для обогащения российских культурных и бытовых традиций, культурной жизни. Интерес к инокультурным обычаям и традициям проявили 30 % респондентов, а 57 % опрошенных не сочли их интересными. 61 % респондентов нашли возможным общение своих детей с детьми иммигрантов. Важно, что россияне против социальной и культурной анклавизации иммигрантов (50 % респондентов).

Если говорить об уровне образования, то 63,3 % составили женщины со средним общим образованием, 16,7 % — с высшим образованием, по 10,0 % — с неоконченным высшим и средним специальным образованием. Низкий уровень образования, с одной стороны, не позволяет женщинам-мигранткам быть конкурентоспособными на рынке труда, с другой — препятствует социокультурной адаптации в принимающем государстве, каким является Российская Федерация. Им, как преимущественно домохозяйкам, сложно подготовить своих детей к обучению в российских школах, к успешному освоению ими языка, сформировать у них необходимые навыки адаптации к повседневным условиям жизнедеятельности принимающего общества, к его ценностным ориентациям, культурным и историческим традициям.

В целом 96,0 % опрошенных заявили о владении русским языком, из них 65,2 % ответили, что «свободно говорят, пишут и читают», 12,2 % «хорошо говорят, пишут и читают со словарем», а 14,5 % владеют разговорной речью, но затрудняются писать и читать. Помимо русского языка на том или ином уровне, 23,8 % опрошенных, с их слов, владеют еще одним или двумя иностранными языками. По мнению большинства респондентов, у них нет необходимости в прохождении дополнительных языковых курсов даже на безвозмездной основе (25,4 % согласились бы пройти бесплатные курсы, 71,4 % — скорее бы отказались). Вместе с тем хороший уровень знания русского языка показали преимущественно трудовые мигранты Кыргызстана и Армении.

Относительно уровня подготовленности ИСТ в области культуры, истории России опрос выявил, что 47,6 % респондентов интересовались российской историей, из них 25,8 % — самостоятельно, 20,4 % — в учебных учреждениях. Не изучали и не хотели бы начать изучение истории России 34,8 % респондентов, а 15,0 % были бы не против восполнить знания об этом предмете. Опрос показал правовую малограмотность ИСТ: 55,5 % опрошенных не изучали нормативно-правовые акты РФ, 33,7 % из них были бы не против ознакомиться с основами права страны въезда. С правовыми основами знакомы 39,4 %: предварительно ознакомились с некоторыми правилами Федерального закона № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»

24,2 %, российского Трудового кодекса — 13,5 %. Не менее 70 % респондентов положительно оценили законодательную базу, регламентирующую трудовую деятельность и правовой статус иностранных граждан, но ответили, что она требует проработки. Несмотря на положительную картину, около 20 % отметили свою невключенность в российское сообщество. Однако учитывая, что респонденты в редких случаях были ознакомлены с нормативными актами в довыездной период, можно сделать вывод, что данный ответ основывается на опыте обыденного правосознания и передаче правовых основ методом сарафанного радио через посредство знакомых, ранее проживавших в РФ.

Для всех опрошенных женщин основными сферами трудоустройства являются не требующие высокой квалификации клининг и торговля. Распределение численности занятых иностранцев по полу и группам занятий корреспондирует с аналогичным показателем Росстата [Российский статистический ежегодник, 2021: 124].

По уровню трудоустроенности в различных сегментах рынка занятости преобладает группа соискателей трудоустройства в возрасте 30—39 лет. Ответ «не работаю» более распространен в группах респондентов от 18 до 29 лет (64,7 %) и от 50 лет и старше.

Единственной страной ЕАЭС, из которой с целью работы въехало больше женщин, как показал опрос, является Кыргызстан (представленность женщин — 53,8 %, мужчин — 46,2 %). В целом среди опрошенных женщин ИСТ 40 % составили респондентки в возрасте 18—29 лет, 30 % — 30—39 лет, 23 % — 40—49 лет. Соответственно из Кыргызской Республики мигрируют с целью трудоустройства преимущественно женщины репродуктивного и трудоспособного возраста. В отличие от женщин-мигранток из других государств Центральной Азии трудящиеся женщины из Кыргызстана, опрошенные в ходе исследования, по уровню образования паритетны — по 30 % респонденток с высшим и неоконченным образованием, общим средним, средним специальным. Но сферы занятости их не отличаются от сфер трудовой деятельности женщин-мигранток из других центральноазиатских стран — миграционных доноров.

Гендерный аспект внешней трудовой миграции из стран Средней Азии (в том числе Узбекистана), по мнению экспертов, объясняется доминирующей целью въезжающих для работы мужчин — глав семей обеспечить свою семью. По сведениям руководителя общественной организации «Кыргызстан-Урал» Г. Доланбаевой, около 35—45 % женщин-мигранток из Кыргызской Республики состоят в браке и уезжают из страны вместе с супругом и детьми, 30—40 % женщин-мигранток — не замужем (преимущественно девушки в возрасте 18—25 лет, ищущие после окончания средней школы возможность трудоустроиться за рубежом. В стране невозможно устроиться на работу: на 100 рабочих мест приходится 4700 заявок [Женская миграция... , 2021]. Также распространена миграция из сельских районов женщин, мужья которых занимаются земледелием. Дети в таком случае миграции женщин остаются с отцами на родине. Земледельческий труд тяжел для женщин, а также, по мнению мигранток, существует явление неравных возможностей для женщин в получении высокодоходных участков земли.

В женской миграции из Республики Беларусь преобладают трудовая и брачная. В 2010—2011 гг. распространенным направлением трудовой миграции белорусок была Италия: мужчин выехало в 3 раза меньше по сравнению с женщинами (соответственно 24 и 76 %). Такая диспропорция была обусловлена спросом на труд в сфере социального обслуживания, домашней работы в семьях среднего класса (клининг). По возрастному составу преобладали женщины-мигрантки в возрасте старше 40 лет (49 %). Аналогичная трудовая миграция женщин Беларуси также была востребована в Польше и Литве.

Брачная миграция белорусок была направлена в Германию. Выезжали «высокообразованные невесты», преимущественно минчанки. В 2011 г. международные браки в Беларуси, в которых мужьями были иностранцы, в Минске составили около 25 % [Сивцова, 2015]. К 2021 г. брачные приоритеты белорусок под влиянием политических, экономических и пандемических процессов изменились в страновом направлении [Брачность... , 2021]: Россия (2 % от общего числа заключенных в Беларуси браков и 66 % от числа браков с иностранным женихом), Украина (0,5 и 17 %), Германия (0,2 и 5,5 %), Литва (0,1 и 4,5 %), Израиль (0,1 и 4,2 %).

В потоке трудовых мигрантов из Беларуси, как и в центральноазиатских странах — миграционных донорах, большинство составляют мужчины. В возрастном диапазоне белорусских мигрантов превалирует молодежь 20—24 лет, причем с преобладанием молодых женщин — 60 %. В целеполагании значительное место занимает брачность и учеба. В возрастной категории 25—29 лет число мигрирующих женщин снижается и составляет около 30 %.

В сфере профессиональной занятости преобладают квалифицированные работники — 46 %. По сравнению с 2011 г. наблюдается снижение трудовой миграции руководителей, квалифицированных рабочих и специалистов. Сохраняется долгосрочная миграция на основании трудового договора сроком на 1 год [Василевская, 2019]. После президентских выборов 2020 г. имела место тенденция к оттоку политически оппозиционных групп населения Беларуси в Польшу, Украину, Латвию, Литву.

Женская миграция из Армении незначительна и нерепрезентативна для исследования. Для страны характерна главным образом трудовая мужская миграция — краткосрочная (до полугода) и долгосрочная (до года). Доля Армении в потоке потенциальных ИСТ в России составляла в 2021 г. около 0,8 %. Но наблюдается тенденция к росту притока трудовых мигрантов. В связи с долгосрочной трудовой миграцией, по мнению армянских женщин, возникает риск разрушения семей.

Женская миграция на пространстве ЕАЭС дифференцирована при страновом сравнении по ментальным, целеполагательным характеристикам, уровню образования, социальному профилю [Женщины и мужчины... , 2020: 36—39]. Эти различия необходимо учитывать при разработке мероприятий по социокультурной адаптации женщин государств — участников ЕАЭС в условиях миграции.

Для занятия более высоких устойчивых профессиональных позиций женщины не владеют в достаточной степени русским языком, что также коррелирует с результатами опроса трудовых мигрантов. Работодатель готов брать на себя пул издержек при условии, что данные риски окупятся квалификацией

и эффективностью деятельности иностранного сотрудника. В борьбу за место с конкурентной заработной платой вступают местные жители, при трудоустройстве которых работодатель не должен нести специфических издержек и обходить законодательные запреты.

По целеполаганию молодежь в возрасте до 29 лет объяснила свою миграцию невозможностью самореализации и отсутствием среднесрочных перспектив в стране исхода (соответственно 64,0 и 43,1 %). Корреляция с гендерным показателем в этом вопросе не выявлена.

Респонденты старше 30 лет приоритетной целью миграции назвали достойное содержание семьи в связи с тяжелой экономической ситуацией — 51,0 % ответов, респонденты от 40 до 49 лет — 49,4 %. 67,4 % опрошенных ответили, что регулярно направляют денежный перевод семье, проживающей в стране исхода, а 13,3 % переводят деньги семье по мере необходимости.

Состояние конфликтности с российским населением 64,3 % респондентов оценили как положительное, 26,1 % — скорее как положительное, чем отрицательное. Однако 72,6 % опрошенных ответили, что сталкивались с проблемными ситуациями. При оценке доступности среды для ИСТ проблемным остается доступ к услугам медицинским — 20,7 %, образовательным — 15,3 % и визовым — 14,2 %.

Социально, экономически и биологически адаптированными сочли себя 72,5 % респондентов: 83,6 % имеют работу, жилье и финансовую обеспеченность (экономическая среда), 71,1 % считают, что принимают нормы и правила поведения местного населения (социокультурная), 66,0 % положительно оценивают свою способность преодолевать проблемные ситуации (социальная), а 69,7 % отмечают свою приспособленность к климатическим условиям и экологии (биологическая). При рассмотрении вопроса о заинтересованности иностранных работников в постоянном проживании в России или получении российского гражданства выявлено, что 68,3 % опрошенных планируют остаться в России, 76,8 % заинтересованы в получении российского гражданства, а 63,2 % стремятся обеспечить своим детям получение образования в России. О нежелании остаться в РФ на постоянное жительство высказались 15,9 % респондентов, 8,5 % склонны к возвращению в страну исхода (в основном представители старших возрастных групп).

Более 60 % респондентов поддерживают идею довыездной подготовки к миграции. В России разрабатывается механизм организованного набора на основе соглашения, которым работодатель определяет количество и качество иностранных работников. Довыездная подготовка и организованный набор — важные компоненты урегулированной миграции. Институт довыездной подготовки предполагает, что уже на этапе въезда мигранты будут больше соответствовать требованиям, предъявляемым страной трудоустройства: владеть русским языком, иметь требуемый уровень образования и квалификации. Благодаря довыездным образовательным программам ИСТ ознакомятся с основами культуры, права, традиций принимающего общества, что содействует снижению конфликтности. Довыездная подготовка должна содействовать адаптации членов семьи трудового мигранта, учитывать гендерную специфику миграции.

Главная проблема состоит в источнике финансирования довыездной подготовки. Один из рассматриваемых экспертами источников финансирования — это бюджет государства трудоустройства. Доходы легально трудоустроенных иностранных работников облагаются налогом, который целевым порядком

можно направлять на формирование фондов развития квалификаций, образования приезжающих в Россию ИСТ. Финансировать довыездную подготовку должны также работодатели, заинтересованные в квалифицированных быстро адаптирующихся трудовых кадрах. Наконец, финансировать такие проекты должны и страны — миграционные доноры, поскольку они не могут обеспечить своих граждан работой, современным уровнем образования, но получают значительные финансовые вливания за счет денежных переводов трудовых эмигрантов. Ярким примером тому служит Республика Узбекистан, социальная стабильность которой во многом зависит от постоянного притока денежных средств, заработанных гражданами этой страны в России.

Компромиссный подход к вопросу финансирования довыездной подготовки — предложение развивать государственно-частное партнерство путем создания целевых межгосударственных фондов. Может быть рассмотрен зарубежный опыт, предусматривающий языковые, образовательные адаптационные курсы, программы повышения квалификации, переподготовки либо на добровольных началах, либо в обязательном порядке в рамках процедуры получения патента, за счет самого ИСТ. Такие программы чрезвычайно важны для социокультурной адаптации неработающих женщин — членов семей трудовых мигрантов.

Следует отметить, что российские граждане в числе внешних миграционных рисков видят увеличение финансовой нагрузки на сферу социальных гарантий — 47 % респондентов. Например, в РФ взносы в соответствующий Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (ФФОМС) производятся работодателями исключительно из доходов работающего иммигранта. В случае возмещения расходов на оказание услуг ОМС неработающих членов семьи иностранного работника — гражданина государства — участника ЕАЭС из ФФОМС, согласно действующему порядку формирования этого фонда, сократится список медицинских услуг, оказываемых как российским гражданам, так и иностранцам, или снизится качество таких услуг по причине дисбаланса между ростом числа получающих услуги ОМС неработающих членов семей иностранных работников, с одной стороны, и источниками восполнения — с другой.

71 % респондентов высказались отрицательно по отношению к упрощению правил предоставления российского гражданства гражданам государств — участников ЕАЭС и СНГ. Также 36 % опрошенных россиян сочли необходимым ужесточить требования для предоставления гражданства РФ. Ограничение иммиграционного потока в Россию считают необходимым 78 % респондентов.

В настоящее время в России социальная, культурная адаптация иностранных граждан осуществляется за счет бюджетных средств РФ и предполагает широкий спектр мероприятий. Так, социальная адаптация иностранных граждан включает образовательные услуги, медицинскую помощь и медицинское обслуживание, социальные гарантии, специальные социальные услуги (беженцам, вынужденным переселенцам, проживающим за рубежом соотечественникам), помощь семье, программы материнства и детства.

К мероприятиям по культурной адаптации относят открытие центров русской культуры за рубежом и проведение культурных обменов; правовое, институциональное, инфраструктурное обеспечение информационных продуктов открытого доступа для культурно-просветительных и образовательных мероприятий; реализацию проектов культурного и творческого развития народов

и национальных групп; обеспечение культурных благ и сохранение культурного достояния и наследия; развитие образовательных международных программ и академической мобильности; проведение массовых мероприятий по межкультурному и межнациональному диалогу.

В рамках утвержденной Правительством РФ в декабре 2016 г. программы «Реализация государственной национальной политики» разработана подпрограмма «Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов». Подпрограмма предусматривает комплекс мероприятий, направленных на сокращение социальной и культурной дистанции между иностранными гражданами и гражданами РФ посредством специализированных информационных ресурсов и организации курсов изучения русского языка, российской истории и культуры иностранцами; мер, повышающих заинтересованность иностранных граждан в получении образования в учебных учреждениях РФ.

Социокультурная адаптация иностранных граждан выстроена по принципу межведомственного участия в соответствии с задачами и функциям включенных в систему регулирования внешней миграции органов исполнительной власти при ключевой роли специально уполномоченной структуры — Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) России.

Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом содействует использованию русского языка для межнационального общения граждан государств — участников ЕАЭС. Связующим звеном между органами власти и институтами гражданского общества в области адаптации иностранных граждан являются Общественная палата РФ и общественные палаты субъектов РФ.

Сформирована система преференций для социально, культурно и экономически перспективных категорий иностранных граждан: право безвизового въезда на основании патента; разрешение очной деятельности в период каникул и в свободное от учебной деятельности время в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования России; приглашение в страну научных, педагогических, медицинских работников, специалистов для деловой и гуманитарной деятельности; др. Специалисты высокой квалификации и члены их семей освобождены законодательством от подтверждения владения русским языком, знания истории и основ законодательства РФ. Социальные преференции предусмотрены для проживающих за рубежом соотечественников и членов их семей, для граждан государств — участников интеграционных объединений: ЕАЭС и Союзного государства Беларуси и России.

Выводы

Проблемы социокультурной адаптации женщин государств — участников ЕАЭС коррелируют с общими тенденциями и вопросами современных миграционных процессов. Тем не менее выявлены специфические стороны в сфере занятости, целеполагания выезда из страны исхода, роли в адаптации членов семьи (в первую очередь детей) к нормам повседневной жизнедеятельности принимающего общества.

Для социокультурной адаптации женщин и детей в России как основном принимающем государстве ЕАЭС целесообразно введение института социального наставничества с участием институтов гражданского общества. Ответственные структуры могут быть привлечены к организации и обслуживанию автоматизированной консалтинговой и образовательной сети для обучения иммигрантов русскому языку, истории, основам права по универсальным образовательным стандартам, для ознакомления с общими сведениями о культурных и бытовых традициях российских регионов.

Странам исхода и России важно обеспечить мигрантам доступ к электронным коммуникационным средствам и приложениям в целях широкого, оперативного, достоверного и актуального информирования о различных аспектах пребывания и проживания в принимающем государстве.

Имеется потребность в организованном привлечении мигрантов к довыездной подготовке: и трудовых мигрантов (мужчин и женщин), и членов их семей.

Для гибкого реагирования на проблемы социокультурной адаптации не требуется законодательной фиксации правоотношений. Целесообразно законодательно закреплять лишь базовые аспекты миграционных процессов в целях оперативного решения возникающих миграционных проблем.

Система социокультурной адаптации мигрантов и членов их семей государств — участников и наблюдателей ЕАЭС должна строиться на основе межгосударственной интеграции путем формирования общих механизмов и институтов, финансовых инструментов для реализации целевых социокультурных адаптационных программ и мероприятий. Законодательная база для этого на уровне стран и интеграционного объединения достаточна. В финансовый механизм по адаптации мигрантов на пространстве ЕАЭС могут быть включены члены Финансово-банковской ассоциации евроазиатского сотрудничества, в состав которой входит 40 банковских структур, в том числе Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Армении, России, Делового клуба ШОС. Немаловажную роль в финансировании адаптационных программ мог бы сыграть Евразийский банк развития.

Список источников

- Брачность и разводимость в Республике Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2021. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/official_statistika/2021/marriage-2021.pdf (дата обращения: 01.07.2022).
- Василевская И. В.* Трудовая миграция из Беларуси в Россию в условиях развития межгосударственных интеграционных отношений // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 1. С. 143—152.
- Внутрироссийская миграция по территориям прибытия и выбытия // Российский статистический ежегодник, 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.08.2022).
- Галас М. Л., Силласте Г. Г., Шевченко К. Д.* Миграция в условиях кризисного развития мирового сообщества и ее риски в России. М.: Прометей, 2020. 406 с.
- Женская миграция в Россию — набирающий силу тренд: необходимо признание гендерных различий в контексте миграционных процессов и соответствующая дифференциация данных // MEDIA-MIG. 2021. 12 окт. URL: <https://media-mig.ru/problems/>

- zhenskaja-migracija-v-rossiju-nabirajushhij-silu-trend-neobhodimo-priznanie-gendernyh-razlichij-v-kontekste-migracionnyh-processov-i-sootvetstvujushhaja-differenciacija-dannyh/ (дата обращения: 03.07.2022).
- Женщины и мужчины России, 2020: статистический сборник. М.: Федер. служба гос. статистики, 2020. 239 с.
- Иванова М. М. Социальное положение женщин-мигрантов в России // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2020. № 19. С. 88—98.
- Иммиграция в Россию: благо или вред? // ВЦИОМ. 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9487> (дата обращения: 17.06.2022).
- Охота к перемене мест: зачем и почему? // ВЦИОМ. 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9976> (дата обращения: 12.06.2022).
- Павловская Ю. Ю., Антимоник В. В. Социальная работа с женщинами, пострадавшими от торговли людьми // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2020. № 19. С. 99—112.
- Российский статистический ежегодник, 2021. М.: Федер. служба гос. статистики, 2021. 692 с.
- Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Сивоплясова С. Ю. Феминизация миграции из стран Центральной Азии в Турецкую Республику // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 7—20.
- Сивцова В. А. Проблемы внешней миграции женщин // Социальная защита и здоровье личности в контексте реализации прав человека: наука, образование, практика: материалы Международной научно-практической конференции, Республика Беларусь, Минск, 26—27 ноября 2015 г. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2016. С. 304—307.
- Старовойтова Л. И., Дирксен Н. В. Социально-педагогическое сопровождение процесса социальной адаптации детей-мигрантов в российских школах // ЦИТИСЭ. 2021. № 1. С. 99—110.
- Степанова Н. А. Опыт социальной работы с женщинами-мигрантами: правовая помощь женщинам-мигрантам // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2020. № 19. С. 113—121.
- Флоринская Ю. Ф. Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1. С. 78—90.
- Черепанова М. И., Максимова С. Г. Мусульмане в российском приграничье: адаптация женщин-мигрантов // Society and Security Insights. 2019. Т. 2, № 2. С. 52—64.
- Carrión-Martínez J., Ciaccio S., Fernández-Martínez M. et al. The socio-educational adaptation of secondary school migrant students in Sicily: migrant generation, school linguistic mediation and teacher proactivity factors // Social Sciences. 2021. Vol. 10, № 7.
- Ozasir-Kacar S., Essers C. The regulatory environment for migrant and women entrepreneurs // International Migration. 2021. 28 Dec. P. 1—16.
- Shamurzaeva A. S. Gender-specific patterns of remittance behavior of labor migrants from the Kyrgyz Republic // Alatoo Academic Studies. 2021. № 2. С. 318—332.

References

- Brachnost' i razvodimost' v Respublike Belarus' (2021) [Marriage and divorce in the Republic of Belarus], in: *Natsional'nyĭ statisticheskiĭ komitet Respubliki Belarus'*, available from https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2021/marriage-2021.pdf (accessed 01.07.2022).
- Carrión-Martínez, J., Ciaccio, S., Fernández-Martínez, M. et al. (2021) The socio-educational adaptation of secondary school migrant students in Sicily: migrant generation, school linguistic mediation and teacher proactivity factors, *Social Sciences*, vol. 10, no. 7.

- Cherepanova, M. I., Maksimova, S. G. (2019) Musul'mane v rossiiskom prigranich'e: adaptatsiia zhenshchin-migrantov [Muslims in the Russian border area: adaptation of migrant women], *Society and Security Insights*, vol. 2, no. 2, pp. 52—64.
- Florinskaia, Iu. F. (2022) Zhenskaia trudovaia migratsiia v Rossii: chislennost', strany-donory, nishi na rynke truda [Female labor migration to Russia: number, donor countries, niches in the labor market], *Problemy prognozirovaniia*, no. 1, pp. 78—90.
- Galas, M. L., Sillaste, G. G., Shevchenko, K. D. (2020) *Migratsiia v usloviakh krizisnogo razvitiia mirovogo soobshchestva i ee riski v Rossii* [Migration in the conditions of crisis development of the world community and its risks in Russia], Moscow: Prometei.
- Immigratsiia v Rossiiu: blago ili vred?* (2020) [Immigration to Russia: good or harm?], *VTsIOM*, available from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9487> (accessed 17.06.2022).
- Ivanova, M. M. (2020) Sotsial'noe polozhenie zhenshchin-migrantov v Rossii [The social status of migrant women in Russia], *Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei*: Nauchno-metodicheskii sbornik, no. 19, pp. 88—98.
- Okhota k peremene mest: zachem i pochemu?* (2020) [Hunting for a change of places: what for and why?], *VTsIOM*, available from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9976> (accessed 12.06.2022).
- Ozair-Kacar, S., Essers, C. (2021) The regulatory environment for migrant and women entrepreneurs, *International Migration*, 28 December, pp. 1—16.
- Pavlovskaiia, Iu. Iu., Antimonik, V. V. (2020) Sotsial'naia rabota s zhenshchinami, postradavshimi ot trgovli liud'mi [Social work with women affected by human trafficking], *Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei*: Nauchno-metodicheskii sbornik, no. 19, pp. 99—112.
- Riazantsev, S. V., Vazirov, Z. K., Sivopliasova, S. Iu. (2021) Feminizatsiia migratsii iz stran Tsentral'noi Azii v Turetskuiu Respubliku [Feminization of migration from Central Asian countries to the Republic of Turkey], *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, seriia Sotsial'no-ekonomicheskie nauki, vol. 14, no. 6, pp. 7—20.
- Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik, 2021* (2021) [Russian statistical yearbook, 2021], Moscow: Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki.
- Shamurzaeva, A. S. (2021) Gender-specific patterns of remittance behavior of labor migrants from the Kyrgyz Republic, *Alatoo Academic Studies*, no. 2, pp. 318—332.
- Sivtsova, V. A. (2016) Problemy vneshnei migratsii zhenshchin [Problems of external migration of women], *Sotsial'naia zashchita i zdorov'e lichnosti v kontekste realizatsii prav cheloveka: nauka, obrazovanie, praktika*: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet.
- Starovoitova, L. I., Dirksen, N. V. (2021) Sotsial'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie protsessa sotsial'noi adaptatsii detei-migrantov v rossiiskikh shkolakh [Socio-pedagogical support of the process of social adaptation of migrant children in Russian schools], *TSITISE*, no. 1, pp. 99—110.
- Stepanova, N. A. (2020) Opyt sotsial'noi raboty s zhenshchinami-migrantami: pravovaia pomoshch' zhenshchinam-migrantam [Experience of social work with migrant women: legal assistance to migrant women], *Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei*: Nauchno-metodicheskii sbornik, no. 19, pp. 113—121.
- Vasilevskaia, I. V. (2019) Trudovaia migratsiia iz Belarusi v Rossiiu v usloviakh razvitiia mezhgosudarstvennykh integratsionnykh otnoshenii [Labor migration from Belarus to Russia in the context of the development of interstate integration relations], *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, seriia Filosofii, Sotsiologii, Iskusstvovedenie, no. 1, pp. 143—152.

Vnutrirossiiskaia migratsiia po territoriiam pribytiia i vybytiia (2022) [Intra-Russian migration by arrival and departure territories], *Rossiiskii statisticheskiĭ ezhegodnik, 2022*, available from <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed 11.08.2022).

Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2020: Statisticheskiĭ sbornik (2020) [Women and men of Russia, 2020: Statistical collection], Moscow: Federal'naia sluzhba gosudarstvennoĭ statistiki.

Zhenskaia migratsiia v Rossiiu — nabiraiushchiĭ silu trend: neobkhodimo priznanie gendernykh razlichii v kontekste migratsionnykh protsessov i sootvetstvuiushchaia differentsiatsiia dannykh (2021) [Recognizing gender differences in the context of migration processes and corresponding differentiation of data], *MEDIA-MIG*, October 12, available from <https://media-mig.ru/problems/zhenskaja-migraciya-v-rossiju-nabirajushhij-silu-trend-neobhodimo-priznanie-gendernyh-razlichij-v-kontekste-migracionnyh-processov-i-sootvetstvujushhaja-differenciacija-dannyh/> (accessed 03.07.2022).

Статья поступила в редакцию 31.08.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 31.08.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Галас Марина Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, lucera2008@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 89—101.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 89—101.

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.8

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЬИ В РОССИЙСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ В XX — НАЧАЛЕ XXI в.**

*Владимир Алексеевич Смирнов, Владислав Владимирович Груздев,
Владимир Николаевич Ершов*

Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, va_smirnov@ksu.edu.ru

Аннотация. На основе контент-анализа российских книг, опубликованных за период с 1900 по 2019 г. и оцифрованных компанией Google, изучены отдельные аспекты трансформации семьи как социального института. Рассматривается обобщенный образ семьи, выделяются четыре этапа в динамике его представления, тесно связанных с этапами государственной семейной политики. В результате анализа встречаемости терминов, репрезентирующих ключевые семейные роли, делается вывод о воспроизводстве в российском корпусе оцифрованных книг ригидных гендерных моделей семейности. Значимым результатом исследования является обоснование тезиса о рассогласованности обобщенного образа семьи, представленного в литературе в виде концепта «счастливая семья», и дискурсивных моделей семейности, в которых не проявлены ресурсы ее устойчивости. Интериоризация акторами подобных дискурсивных моделей становится значимым фактором разрушения института моногамного брака и появления широкого спектра экспериментов с форматами семейности и близких отношений.

Ключевые слова: семья, модели семьи, литературный дискурс, трансформации семейности

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ по теме «Близкие отношения и семья в жизненном пространстве вызовов современности: совладание, ресурсы, развитие», проект FZEW-2020-0005.

Для цитирования: Смирнов В. А., Груздев В. В., Ершов В. Н. Трансформация семьи в российском литературном дискурсе в XX — начале XXI в. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 89—101.

Original article

SOME ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF FAMILY IN RUSSIAN LITERARY DISCOURSE IN THE XX AND EARLY XXI c.

Vladimir A. Smirnov, Vladislav V. Gruzdev, Vladimir N. Ershov

Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, va_smirnov@ksu.edu.ru

Abstract. Based on the content analysis of Russian books for the period from 1900 to 2019, digitized by Google, the article analyzes certain aspects of the transformation of the family as a social institution. The authors consider the generalized image of the family, highlighting four stages of its presentation, closely related to the state family policy. Based on the analysis of the occurrence of terms representing key family roles, the conclusion is made about the reproduction of rigid gender models of family in the Russian corpus of digitized books. A significant result of the study is the substantiation of the thesis about the mismatch of the generalized image of the family, presented in the literature in the form of the concept of “happy family” and discursive models of family life, in which the resources of its stability are not manifested. The internalization of such discursive models by actors becomes a significant factor in the destruction of the institution of monogamous marriage and the emergence of a wide range of experiments with the formats of family life and close relationships. An important result of the study was also the identification in recent decades of the contradiction between the state discourse, which serves as the justification of family policy and the conceptualizations of the family in the text corpus under study.

Key words: family, family models, literary discourse, transformations of family

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEW-2020-0005 “Close relationships and family in the living space of the challenges of our time: coping, resources, development”.

For citation: Smirnov, V. A., Gruzdev, V. V., Ershov, V. N. (2022) Transformatsiia sem'i v rossiiskom literaturnom diskurse v XX — nachale XXI v. [Some aspects of the transformation of family in Russian literary discourse in the XX and early XXI c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 89—101.

Введение

Институт семьи переживает сегодня целый ряд трансформаций. Это и снижение деторождения, и расширение эмоциональных связей между супругами, и появление новых форматов существования пар (чайлдфри, гостевые семьи и т. д.), и различного рода эксперименты с гендером и телесностью (пары трансгендеров, гомосексуальные пары).

Указанные трансформации находятся в фокусе внимания как западных, так и российских исследователей. В то же время, по нашему мнению, сегодня не хватает исследований семейности, которые основаны на данных, полученных с помощью нереактивных методов [Webb et al., 1966], и в которых она рассматривается через призму конкуренции различных дискурсов, формирующих аттитюды

актеров и их модели социального действия. В последние годы в российской социологии семьи все чаще стали появляться работы, основанные на изучении дискурса массмедиа [Ким, 2017; Радина, 2018; Мищенко, 2014] и нарративов [Павлюткин, 2021; Егорова, Шорыгин, 2020], тем не менее их число пока незначительно. Кроме этого, развитие цифровых технологий и больших данных позволяет сегодня анализировать значительные по объему текстовые корпуса самой разной направленности.

Целью статьи является анализ отдельных элементов семейности, представленных в российских книгах за последние более чем сто лет.

Методология исследования

Статья основана на контент-анализе русскоязычного корпуса книг, оцифрованных компанией Google. В выборку вошли издания, официально опубликованные за период с 1900 по 2019 г. Выборка оцифрованных книг включает как художественные, так и публицистические произведения. Сервис не позволяет дать им глубокую оценку, но мы полагаем, что значительный объем текстовых данных предоставляет возможность сделать обоснованные и надежные выводы в рамках настоящего исследования.

Для проведения эмпирического анализа использовался общедоступный интерфейс Google Ngram Viewer (<https://books.google.com/ngrams/info>), позволяющий находить релевантные исследовательским задачам термины и визуализировать их посредством линейных диаграмм. Учитывая значительный объем корпуса¹, важно указать, что встречаемость исследуемых концептов в большинстве случаев не превышает 1 %. Однако наши выводы, сделанные в настоящей статье, основываются не на анализе встречаемости. Нас интересует, какова ее динамика в разные годы и как коррелируют между собой частоты употребления терминов, включенных в анализ.

Методологической основой статьи является теория структуризации [Гидденс, 2005]. В нашем понимании, трансформационные процессы во многом обусловлены дискурсивными конструкциями и моделями, которые циркулируют в том или ином обществе, интериоризируются акторами и используются ими (осознанно или неосознанно) для воспроизводства и изменения социальных норм. При этом литература остается тем полем, в котором данные дискурсивные модели проявлены наиболее отчетливо. Модели семейности, представленные в книгах, интериоризируются людьми и становятся своеобразными эвристиками, определяющими их поведение в ситуациях создания пары [Канеман, 2020]. Именно это обстоятельство обусловило выбор информационной базы для настоящей статьи.

Анализировались три смысловых поля.

Во-первых, обобщенный образ семьи. Нас интересовало, каким образом в общественном дискурсе происходило становление и развитие таких концептов, как «традиционная семья», «современная семья», «многодетная семья» и «счастливая семья». Это обусловлено, с одной стороны, дискуссиями о традиционных

¹ Общий объем оцифрованных книг в используемом сервисе на основных мировых языках составляет более 25 млн изданий (<https://books.google.com/ngrams/info>).

семейных ценностях [Муравьёва, 2014], с другой — пронаталистским характером семейной политики [Радина, 2018].

Во-вторых, динамика ролевых функций основных членов семьи. Семья как устойчивая социальная группа может существовать только в ситуации, когда в ней эффективно реализуются функции родительства и супружества. Доминирование одной из них приводит к росту дисфункциональности в семье и снижению ее жизнестойкости.

В-третьих, эмоциональная составляющая семейности. Возникновение в середине XIX в. романтического дискурса и практик [Пушкарева и др., 2021], осмысление этого опыта в литературе стало на многие десятилетия определяющим фактором создания пары и семьи.

Выбор данных смысловых полей обусловлен тем, что именно они репрезентируют основные направления трансформации семьи. В частности, в последние десятилетия происходит размывание единой модели семейности (обобщенного образа), что позволяет говорить социологам о появлении «постсемьи» [Beck, Beck-Gernsheim, 2002], возникновении новых форматов партнерств [Шадрина, 2017] и близких отношений [Егорова, Шорыгин, 2020]. Появление новых форм семейности существенным образом влияет на изменение ролевых функций членов партнерства. Происходит трансформация традиционных гендерных ролей, причем даже в достаточно консервативных культурных сообществах [Стародубовская, 2019], развитие новых моделей семейных финансов и управления ими [Clarke, 2002], расширение однополых союзов, требующих нового перераспределения ролей [Кон, 2003]. Что касается эмоциональной составляющей семейности, следует отметить: в последние годы также наметилось увеличение числа исследований, ориентированных на анализ «чувственного» компонента партнерства [Иллуз, 2020].

Операционализация обобщенного образа посредством терминов «традиционная семья», «современная семья», «многодетная семья» и «счастливая семья» обусловлена следующим. Указанные концепты рассматриваются нами как полярные точки двух континуумов: «традиционность — современность» и «многодетность — счастье», что позволяет проанализировать динамику изменения общественного дискурса внутри каждого из них. Такая логика связана с постоянной конкуренцией на уровне дискурсивного и практического сознания указанных пар терминов (и соответственно моделей семейности) и с продолжающейся научной дискуссией по их поводу.

В частности, целый ряд исследований российских социологов демонстрируют амбивалентность сознания россиян. С одной стороны, Россия является страной с высоким уровнем традиционности, с другой — ее жители более толерантно, чем европейцы, относятся к абортам и матерям-одиночкам, при все растающем традиционалистском дискурсе увеличивается количество граждан, лояльно относящихся ко всем формам брака (включая однополые союзы) [Муравьёва, 2014]. Кроме этого, на протяжении нескольких последних десятилетий остается актуальной и научная дискуссия по поводу традиционности/современности семьи как социального института [Beck, Beck-Gernsheim, 2002; Гидденс, 2004], выделения различных ее типов в рамках указанного континуума

(например, традиционная, эгалитарная, смешанная модель семейности [Панкратова, Хасбулатова, 2018]).

Что касается второй пары концептов, то, как справедливо отмечается в целом ряде исследований, семья — это важный источник удовольствия, качества жизни при условии, что в ней удовлетворяются потребности всех ее членов [там же]. Увеличение же числа детей в семье приводит к сокращению ее ресурсов, снижению удовлетворенности жизнью и субъективного переживания счастья, росту домашней нагрузки матери, разрыву супружеских отношений [Павлюткин, 2021]. «Напряженность» между двумя указанными концептами сохраняется и на уровне повседневных практик, когда пара, состоящая в близких отношениях, определяет в качестве приоритетной модели семейности либо супружество (ориентация на личные интересы, самореализацию партнеров и, возможно, одного ребенка), либо родительство (ориентация на многодетность).

Обобщенный образ семьи в литературном дискурсе

На основе проведенного анализа встречаемости терминов, репрезентирующих обобщенный образ семейности, мы выделили четыре этапа, определяющих динамику их использования в литературном дискурсе (табл. 1). Указанные этапы выделены нами эмпирически, при этом стоит отметить, что они в значительной мере совпадают с этапами реализации государственной семейной политики в нашей стране, представленными в работах российских исследователей [Хасбулатова, Смирнова, 2008].

Таблица 1

Средний процент встречаемости анализируемых терминов
в разные периоды (1900—2019 гг.)

Термин	1900—1930 гг.	1931—1975 гг.	1976—2003 гг.	2004—2019 гг.
Традиционная семья	0,001	0,006	0,09	0,2
Современная семья	0,4	0,08	0,3	0,2
Многодетная семья	0,01	0,06	0,4	0,6
Счастливая семья	0,1	0,2	0,6	1,1

В рамках *первого этапа* литературный дискурс сфокусирован вокруг современного характера семьи, который проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, современная семья рассматривается скорее в дисфункциональном ключе, в контексте ее неспособности стать опорой государственности, осуществлять свою воспитательную и социализирующую функцию. Во-вторых, более радикально настроенные авторы определяют современную семью как институт порабощения ее членов, как наиболее консервативную социальную структуру, которая требует своего разрушения. В-третьих, дискурс современности в отношении семьи после революции 1917 г. вплоть до начала 30-х гг.

прошлого века становится основой для реальных социальных экспериментов, ориентированных на изменение традиционных гендерных ролей и апробацию новых моделей семейности.

К началу 1930-х гг. частота употребления термина «современная семья» начинает снижаться. Так, если в 1912 г. он встречается в 0,5 % случаев, то в 1929 г. только в 0,1 %. Важная черта первого этапа — достаточно высокая проявленность термина «счастливая семья». Даже в сложные военные годы он используется в литературе достаточно часто (например, в 1915 г. его встречаемость — 0,1 %), к 30-м гг. прошлого века его встречаемость возрастает значительно (0,2 %) и сохраняется в последующие периоды.

Второй этап — это время доминирования концепта «счастливая семья», встречаемость которого значительно превышает встречаемость других терминов. При этом частота его употребления сохраняет устойчивое положение на протяжении всего этапа.

Примерно с 1948 г. начинает расти встречаемость термина «многодетная семья». Это связано с государственной политикой СССР и демографическим кризисом, вызванным Великой Отечественной войной. Именно в данный период Советское государство постепенно переходит к актуализации тематики многодетности, издав несколько взаимосвязанных указов [там же], что не могло не отразиться в литературе того времени. Со второго этапа тема многодетности становится одной из самых значимых в общественном и политическом дискурсе. Это проявляется на уровне государственной семейной политики до сегодняшнего дня.

Третий этап — время усиленного внимания к семье со стороны государства, общественных институтов, что находит свое отражение на уровне дискурсивного сознания, репрезентированного в литературе. Важной тенденцией данного периода является увеличение встречаемости всех указанных терминов. Динамика роста частоты употребления каждого термина разная, но общая тенденция повышения этой частоты не вызывает сомнений.

Четвертый этап — это период новейшей истории семьи и ее трансформаций, вызванных глобализацией, эскалацией различного рода угроз и больших вызовов. Он характеризуется тремя выраженными тенденциями. Во-первых, ростом встречаемости в литературе термина «счастливая семья». Этот концепт становится доминирующим и отражает особенности трансформации института семьи, который все меньше рассматривается через призму родительства. Основной акцент переносится на психологическое благополучие членов семьи, на получение удовольствия и достижение счастья. Во-вторых, происходит снижение встречаемости термина «многодетная семья». Несмотря на устойчивый интерес государства к теме многодетности, ее актуализация в литературе снижается, на уровне дискурсивного и практического сознания она все более вытесняется идеями гедонизма и комфортных отношений между партнерами. В данном случае мы сталкиваемся с противоречием между направленностью государственной семейной политики и повседневными практиками людей, о чем неоднократно писали российские социологи [Кашина, Клецина, 2021]. В-третьих, начиная с 2003 г. наблюдается тенденция к сближению частот использования таких терминов, как «традиционная семья» и «современная семья». Это связано с актуализацией государственного дискурса традиционности. В данном контексте

«современность» теряет какой-либо содержательный смысл, обозначая лишь конкретный исторический этап, в то время как основной моделью близких отношений становится традиционная семья. При этом отметим, что с точки зрения встречаемости термины «современная семья» и «традиционная семья» существенно уступают концепту «счастливая семья». Дискурс государственной семейной политики с его ориентацией на традиционность, многодетность и пронатализм занимает сегодня в отечественной литературе значительно меньший объем, чем дискурс счастья, психологического благополучия, гедонизма, самореализации.

Концепт «счастливая семья», вошедший в литературу еще в XIX в. и усиленный Советским государством, сегодня репрезентирует процесс деинституционализации семьи в ее классическом виде. Счастливая пара в индивидуализированном обществе все чаще ассоциируется с взаимовыгодным партнерством, которое позволяет достигать самореализации и эмоционального благополучия. Такое партнерство — это всегда комплекс взаимодействий, требующий переговоров и работы над собой [Гидденс, 2004]. В то же время, как мы увидим ниже, внутреннее устройство современной российской семьи не претерпело в литературе каких-либо изменений и по-прежнему базируется на жестких гендерных структурах.

Литературный дискурс на протяжении практически всего XX в. (с 1917 по 1991 г.) определялся и контролировался Советским государством, использующим литературу, кинематограф, искусство как важные инструменты конструирования поведенческих паттернов. Именно поэтому этапы динамики обобщенного образа семьи во многом совпадают с основными этапами семейной политики Советского государства.

Дискурсивные структуры семьи: ролевые функции и дисфункции

Важным аспектом изучения дискурса семейности является анализ стереотипизаций функциональных ролей членов семьи, репрезентированных в литературе. Для решения этой задачи мы проанализировали взаимную встречаемость терминов «жена», «муж», «мать», «отец», «дети (ребенок)», «семья», «любовь» (табл. 2). Термин «любовь» используется нами как концепт для стратификации семейных ролей и обоснования доминирования родительства в противовес супружеству.

Таблица 2

Средние частоты встречаемости терминов, репрезентирующих основные семейные роли (1900—2019 гг.), %

Термин	Средняя частота
Мать	0,006
Отец	0,006
Дети	0,005
Любовь	0,006
Муж	0,002
Жена	0,004
Семья	0,002

Семья в отечественной литературе предстает как институт деторождения и сопровождения детского транзита. Наиболее часто из анализируемых терминов в литературном дискурсе встречаются «мать», «отец» и «дети», что явно указывает на приоритет функции родительства. При этом тема супружества не просто реже актуализируется, но и носит асимметричный характер. Встречаемость термина «жена» в два раза выше, чем терминов «муж» и «семья», и он чаще употребляется в паре с термином «дети». С точки зрения функции супружества семья предстает как ригидная гендерная структура, где основная обязанность жены — забота о детях, а муж выступает в символической роли главы семьи.

Латентной дисфункцией такой модели является ее неустойчивость. Низкая взаимная встречаемость концептов «муж» и «жена», с одной стороны, и наличие корреляции между терминами «муж» и «семья» — с другой, выступают предикторами распада семьи после реализации ею функции родительства. Что может удерживать мужчину в семье в момент, когда он объективно или субъективно (по его личным ощущениям) перестал идентифицировать себя с отцовством? Скорее всего, ничего. Интерес же к созданию новой пары, а затем и семьи может стать мотивацией для развода с текущим партнером.

Вывод о слабой проявленности тематики супружества подтверждается еще одним обстоятельством. Если к списку анализируемых слов добавить термин «любовь», то можно увидеть, что он коррелирует с тематикой родительства и слабо связан с супружеством. В исследуемом корпусе текстов семья — это пространство детско-родительской любви, в то время как любовь между супругами если и актуализируется, то только в период ухаживаний и до момента появления ребенка. При этом отметим, что именно любовь является одним из важнейших ресурсов для поддержания качества семейной жизни [Панкратова, Хасбулатова, 2018].

Если проанализировать расстояние между точками, репрезентирующими термины «жена», «муж», «дети»², то можно увидеть, что слово «жена» находится на одинаковом расстоянии от каждого из указанных терминов (при этом, например, расстояние между терминами «муж» и «дети» в 6 раз больше). Именно жена выступает ключевым узлом, структурирующим семью. Думается, что здесь мы сталкиваемся со стереотипизацией женской роли в семье, в основе которой лежит идея заботы и о детях, и о муже, и о домашнем хозяйстве. В последние годы выросло число российских исследований, раскрывающих асимметрию при распределении обязанностей между мужем и женой [Малкова, Рощина, 2012; Задворнова, 2014], значительное число социологов констатируют сохранение феномена двойной занятости женщины [Berk, 1985]. Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что на уровне дискурсивных моделей, транслируемых в книгах, этот феномен сохраняется и активно воспроизводится.

Отметим еще один аспект, характеризующий низкую жизнестойкость современной семьи. Ее возникновение предстает как процесс амбивалентный. С одной стороны, женщина по-прежнему представлена в книгах как романтическая героиня, ориентированная на поиск любви (средняя встречаемость терминов «женщина» и «любовь» составляет 0,005 и 0,006 % соответственно),

² В качестве меры оценки расстояния между точками нами использовалось евклидово расстояние.

с другой — мужчине отводится более утилитарная роль принимающего решения, главы семьи, хозяина в доме (средняя встречаемость терминов «мужчина» и «семья» равняется 0,002 %). Налицо противоречие в мотивах создания пары, на чем, собственно, и построено значительное число литературных сюжетов (конфликтов), посвященных семье. В действующем социальном порядке именно женщина играет главную роль в построении романтических отношений, в то время как мужчины оттеснены от чувственной сферы [Гидденс, 2004].

Непреднамеренным последствием циркуляции подобных дискурсивных моделей становится возникновение в современных обществах следующего социального феномена: в создании классической, традиционной семьи основную заинтересованность высказывает мужчина, извлекающий из брака больше пользы, чем женщина. Данный феномен продемонстрирован и обоснован в целом ряде исследований. В одном из них, например, на вопрос «Можно ли жить полноценной и достойной жизнью, не состоя в браке» утвердительно ответили 37 % мужчин и 59 % женщин [Kaufman, Goldscheider, 2007]. Действительно, мужчина, не обремененный домашними делами, имеющий больше возможностей и психологических склонностей для измены партнеру [Buss, Schmitt, 1993] и получающий в семье необходимый уровень комфорта, нередко более заинтересован в браке, нежели женщина. Думается, что немалую роль в расширении спектра экспериментов с близкими отношениями и семейностью, которые мы наблюдаем в современном мире, играют проанализированные концептуализации семьи, циркулирующие в литературном, публицистическом, нормативном, повседневном дискурсах.

Таким образом, сегодня литературный дискурс поставляет российскому обществу зачастую неадекватные модели семейности, фактически обосновывающие практики обретения личностного счастья за пределами моногамного брака.

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить противоречие между обобщенным образом семьи, с одной стороны, и содержанием, функциями ключевых семейных акторов, форматом отношений между ними — с другой. Доминирование концепта «счастливая семья» в литературном дискурсе конгруэнтно жизненным стилям человека, при этом в исследованных книгах отсутствуют релевантные современности модели такой семьи. Она по-прежнему концептуализируется как ригидная структура, воспроизводящая гендерное неравенство, асимметричность и пронатализм. Естественным выходом из такого положения является поиск счастья либо за пределами семьи, либо в новых форматах партнерских отношений. Неудивительно, что частота употребления терминов «любовник» и «любовница» в исследуемом корпусе совокупно выросла начиная с 1980 г. почти в 10 раз.

Литературный дискурс практически не содержит моделей развития супружества, сохранения устойчивых эмоциональных связей между партнерами в разных жизненных ситуациях и достижения субъективного счастья в моногамном браке.

Можно констатировать наличие еще одного противоречия — между государственным и литературным дискурсами. Первый базируется на воспроизводстве концептов «традиционная семья», «многодетная семья», второй ориентирован на концепт «счастливая семья», основу которого составляют идеи

удовольствия, гедонизма, равноправия. Мы полагаем, что многие современные эксперименты с форматами семейности связаны с восприятием семьи как пространства счастья в первую очередь для участников пары. Отсюда позднее деторождение, частая смена партнеров, поиск новых чувственных ощущений в гомосексуальных, трансгендерных и других парах. Несомненно, взаимное переплетение различных дискурсов приводит к стратификации российского общества, возникновению в нем полей с разными форматами семейности.

Проведенный анализ позволяет увидеть особенности трансформации института семьи в новом ракурсе, через иную оптику, тем самым давая возможность переосмысления государственной и общественной семейной политики в нашей стране.

Список источников

- Гидденс Э.* Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М.; СПб.: Питер, 2004. 208 с.
- Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Акад. проект, 2005. 528 с.
- Егорова Н. Ю., Шорыгин Е. А.* Партнерство, семья и родительство в нарративах незарегистрированных пар // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 2. С. 239—254.
- Задворнова Ю. С.* Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 51—58.
- Иллуз Е.* Почему любовь ранит?: социологическое объяснение. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. 400 с.
- Канеман Д.* Думай медленно... Решай быстро. М.: АСТ, 2020. 704 с.
- Кашина М. А., Клецина И. С.* Модели семьи и семейных отношений в государственных документах по семейной политике и в представлениях студенческой молодежи: точки соприкосновения и расхождения // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 47—64.
- Ким Н. В.* Женщина в семье: репрезентация семейной политики в российских СМИ до и после 2006 г. // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 64—74.
- Кон И. С.* Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. М.: Олимп: АСТ, 2003. 574 с.
- Малкова М. А., Рощина Я. М.* Типологический анализ домашнего труда в современной российской семье // Мир России. 2012. Т. 20, № 1. 147—166.
- Мищенко В. А.* Образ семьи в средствах массовой информации // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 137—141.
- Муравьёва М. Г.* Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 4. С. 625—638.
- Павлюткин И. В.* Как возникает общность в браке: логика взаимности в нарративах жен из многодетных семей // Экономическая социология. 2021. Т. 22, № 4. С. 11—34.
- Панкратова Е. В., Хасбулатова О. А.* Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 43—52.
- Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI—XX веков. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 504 с. (Гендерные исследования).

- Радина Н. К. Независимые медиа и инициативы государственной семейной политики на этапе «пронаталистского поворота» // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 2. С. 295—310.
- Стародубровская И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 1. С. 39—56.
- Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX — начале XXI века: (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 3—14.
- Шадрина А. Не замужем: секс, любовь и семья за пределами брака. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 234 с.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. London: Sage, 2002. 221 p.
- Berk S. F. *The Gender Factory*. New York: Plenum Press, 1985. 262 p.
- Buss D. M., Schmitt D. P. Sexual strategies theory: an evolutionary perspective on human mating // *Psychological Review*. 1993. Vol. 100, № 2. P. 204—232.
- Clarke S. Budgetary management in Russian households // *Sociology*. 2002. Vol. 36, № 3. P. 539—557.
- Kaufman G., Goldscheider F. Do men «need» a spouse more than women? // *Sociological Quarterly*. 2007. Vol. 48, № 1. P. 29—46.
- Webb E., Campbell D., Schwartz R. *Unobtrusive Measures: Non Reactive Research in the Social Sciences*. Chicago (IL): Rand McNally, 1966. 237 p.

References

- Beck, U., Beck-Gernsheim, E. (2002) *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*, London: Sage.
- Berk, S. F. (1985) *The Gender Factory*, New York: Plenum Press.
- Buss, D. M., Schmitt, D. P. (1993) Sexual strategies theory: an evolutionary perspective on human mating, *Psychological Review*, vol. 100, no. 2, pp. 204—232.
- Clarke, S. (2002) Budgetary Management in Russian Households, *Sociology*, vol. 36, no. 3, pp. 539—557.
- Egorova, N. Iu., Shorygin, E. A. (2020) Partnĕrstvo, sem'ia i roditel'stvo v narrativakh nezaregistrirrovannykh par [Partnership, family and parenthood in the narratives of unregistered persons], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 18, no. 2, pp. 239—254.
- Giddens, Ė. (2004) *Transformatsiia intimnosti: Seksual'nost', liubov' i ěrotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies], Moscow, St. Petersburg: Piter.
- Giddens, Ė. (2005) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [Organization of society: An essay on the theory of structuration], Moscow: Akademicheskii proekt.
- Illuz, E. (2020) *Pochemu liubov' ranit?: Sotsiologicheskoe ob'iasnenie* [Why love hurts: A sociological explanation], Moscow, Berlin: Direktmedia Publishing.
- Kaneman, D. (2020) *Dumaĭ medlenno... Reshaĭ bystro* [Think slowly... Decide quickly], Moscow: AST.
- Kashina, M. A., Kletsina, I. S. (2021) Modeli sem'i i semeĭnykh otnosheniĭ v gosudarstvennykh dokumentakh po semeĭnoi politike i v predstavleniakh studencheskoĭ molodĕzhi: tochki soprikosnoveniia i raskhozhdeniia [Models of family and family relations in state documents on family policy and in the views of student

- youth: points of contact and divergence], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 47—64.
- Kaufman, G., Goldscheider, F. (2007) Do men “need” a spouse more than women?, *Sociological Quarterly*, vol. 48, no. 1, pp. 29—46.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, A. V. (2008) Ėvoliutsiia gosudarstvennoĭ politiki v otnoshenii sem’i v Rossii v XX — nachale XXI veka: (Istoriko-sotsiologicheskii analiz) [The evolution of state policy towards the family in Russia in the XX — early XXI centuries: (Historical and sociological analysis)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—14.
- Kim, N. V. (2017) Zhenshchina v sem’e: reprezentatsiia semeĭnoĭ politiki v rossiiskikh SMI do i posle 2006 g. [Woman in the family: representation of family policy in Russian media before and after 2006], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 64—74.
- Kon, I. S. (2003) *Liki i maski odnopoloi liubvi. Lunnyi svet na zare* [Faces and masks of same-sex love. Moonlight at dawn], Moscow: AST.
- Malkova, M. A., Roshchina, Ia. M. (2012) Tipologicheskii analiz domashnego truda v sovremennoi rossiikoĭ sem’e [Typological analysis of domestic work in the modern Russian family], *Mir Rossii*, vol. 20, no. 1, pp. 147—166.
- Mishchenko, V. A. (2014) Obraz sem’i v sredstvakh massovoĭ informatsii [The image of the family in the media], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 137—141.
- Murav’eva, M. G. (2014) Traditsionnye tsennosti i sovremennye sem’i: pravovye podkhody k traditsii i modernu v sovremennoi Rossii [Traditional values and modern families: legal approaches to tradition and modernity in modern Russia], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial’noi politiki*, vol. 12, no. 4, pp. 625—638.
- Pankratova, E. V., Khasbulatova, O. A. (2018) Kontseptsii kachestva semeĭnoĭ zhizni v sotsiologii: gendernyi aspekt [The concept of the quality of family life in sociology: gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 43—52.
- Pavliutkin, I. V. (2021) Kak vznikhaet obshchnost’ v brake: logika vzaimnosti v narrativakh zhĕn iz mnogodetnykh semeĭ [How community arises in marriage: the logic of reciprocity in the narratives of wives from large families], *Ėkonomicheskaiia sotsiologiia*, vol. 22, no. 4, pp. 11—34.
- Pushkareva, N., Belova, A., Mitsiuk, N. (2021) *Smetaia zaprety: Ocherki russkoĭ seksual’noi kul’tury XI—XX vekov* [Sweeping prohibitions: Essays on Russian sexual culture of the XI—XX centuries], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Radina, N. K. (2018) Nezavisimye media i initsiativy gosudarstvennoĭ semeĭnoĭ politiki na etape “pronatalistskogo povorota” [Independent media and state family policy initiatives at the stage of the “pro-natalist turn”], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial’noi politiki*, vol. 16, no. 2, pp. 295—310.
- Shadrina, A. (2017) *Ne zamuzhem: Seks, liubov’ i sem’ia za predelami braka* [Not married: Sex, love and family out of marriage], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Starodubrovskaiia, I. V. (2019) Krizis traditsionnoi severokavkazskoĭ sem’i v postsovetskiĭ period i ego sotsial’nye posledstviia [The crisis of the traditional North Caucasian family in the Post-Soviet period and its consequences], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial’noi politiki*, vol. 17, no. 1, pp. 39—56.
- Webb, E., Campbell, D., Schwartz, R. (1966) *Unobtrusive Measures: Non Reactive Research in the Social Sciences*, Chicago, IL: Rand McNally.
- Zadvornova, Iu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda v rossiiskoĭ sem’e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic work in the Russian family: gender stereotypes and current trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, va_smirnov@ksu.edu.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation).

Груздев Владислав Владимирович — доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, vgruzdev@ksu.edu.ru (Dr. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor, Vice-Rector for Research, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation).

Ершов Владимир Николаевич — кандидат технических наук, доцент, первый проректор, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, yvn@ksu.edu.ru (Cand. Sc. (Technical Sc.), Associate Professor, First Vice-Rector, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 102—118.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 102—118.

Научная статья

УДК 930.85(470+571)

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.9

РОЛЬ ЖЕНЩИН В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ПОЗИЦИИ МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX в.

Ольга Александровна Воронина

Институт философии, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, olga-voronina777@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются и выделяются наиболее значимые идеи мыслителей XIX в. о роли женщин в России. Первыми активно поддержали права женщин на образование и изменение правового статуса публицисты демократического направления. Они также критиковали домостроевские семейные нормы. Консервативные мыслители оценивали эмансипацию как моральную угрозу семье, обществу и самим женщинам и настаивали на сохранении традиций. В русской философии пола мужское и женское начала трактовались как космические и метафизические принципы, но с сохранением традиционной бинарной иерархии. Эмансипация, как правило, осуждалась, хотя В. В. Розанов активно выступал за реформу брачно-семейного законодательства. В классической литературе наряду с сохранением традиционных семейно-материнских героинь нашли отражение и новые образы («тургеневских девушек», нигилисток, женщин, бросающих вызов старым семейным нормам). Несмотря на противоречивость идей и позиций, к концу XIX в. идея и практика эмансипации стали реальностью в России.

Ключевые слова: женщины, эмансипация, права, консерватизм, революционные демократы, русская философия пола, образы женщин в литературе

Для цитирования: Воронина О. А. Роль женщин в русской культуре: позиции мыслителей XIX в. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 102—118.

Original article

**THE ROLE OF WOMEN IN RUSSIAN CULTURE:
THE POSITIONS OF THINKERS OF THE XIX c.***Olga A. Voronina*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, olga-voronina777@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is, firstly, to describe the ideas about the role of women in Russia in the XIX c., and, secondly, to highlight the most significant positions presented in the journalistic, political, philosophical and fictional works of Russian thinkers of that time. Democratic publicists actively advocated the expansion of women's education, criticized reactionary church dogmas about the second-rate status of women, demanded changes in traditional (barbaric) family norms. Conservative thinkers viewed the inequality of men and women in Russia as natural and appropriate to the proper social order. They argued that emancipation contradicts divine laws, it is alien to Russian culture and poses a threat to the stability of society. However, some of them supported the expansion of women's education. The so-called Russian philosophy of sex is characterized by significant contradictions. On the one hand, masculine and feminine as cosmic and metaphysical principles were included together in theosophical concepts. On the other hand, these ideas went hand in hand with the traditional assertion of the secondary nature of women in relation to the men. Both "metaphysical" and biodeterministic arguments are given to substantiate this thesis. The emancipation of women was as a rule sharply condemned, although one of the philosophers of this direction — V. V. Rozanov — actively advocated the reform of marriage and family legislation. In the classical Russian literature of the second half of the XIX c., along with the preservation of traditional family and maternal characters, new images were reflected. Thus, the European-oriented I. S. Turgenev created a new female image. The "Turgenev girls" are characterized by sincerity, nobility, high moral demands, moral duty and the desire to serve people. This image carries a request for renewal and the search for social justice, but it preserves both traditional femininity and beauty, which were very important for Turgenev. The playwright A. N. Ostrovsky devoted the main attention in his works to the description of patriarchal family norms. As in life, the fate of his heroines is determined by traditions. The protest against them does not go beyond the marriage sphere, his heroines decide only to protest for the sake of free love. Throughout his work, Leo Tolstoy preached the idea of the family destiny of women and the preservation of patriarchal traditions. However, in the "Kreutzer Sonata" he angrily denounces sexuality and women, whom are responsible for it and calls them "the devil's tool". Tolstoy proclaims his final ethical manifesto on the need for complete sexual abstinence of all mankind in the name of morality. The promotion of such a pan-moralist ideal of universal sexual abstinence is perceived at best as utopianism, and at worst as an extreme expression of the misanthropy of the great Russian writer. It is concluded that despite all the contradictions in the perception of the idea of emancipation, it firmly entered the minds of women by the end of the XIX c.

Key words: women, emancipation, rights, conservatism, revolutionary democrats, Russian philosophy of sex, women's images in literature

For citation: Voronina, O. A. (2022) Rol' zhenshchin v russkoĭ kul'ture: pozitsii mysliteĭ XIX v. [The role of women in Russian culture: the positions of thinkers of the XIX c.], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 102—118.

В последнее время все чаще встречается мнение, что социальное равенство мужчин и женщин, более активное участие женщин в социальной и политической жизни общества исторически нехарактерны для нашей страны. Однако стоит напомнить, что в России уже со времен Петра I начался процесс модернизации общества, который в числе прочего предполагает эмансипацию женщин от традиционных социальных норм и ограничений.

Цель данной статьи — показать, как в XIX в. развивались идеи о роли женщин в России, и выделить наиболее значимые позиции, представленные в публицистических, политических, философских и беллетристических произведениях отечественных мыслителей того времени.

Ю. М. Лотман писал, что в XVIII — начале XIX в. роль женщины в культуре становилась все более значимой. Он отмечал, что вхождение женщин в мир, ранее считавшийся «мужским», началось с чтения художественной литературы: «...женский характер в те годы, как никогда, формировался литературой. <...> Особенно важно... что... женщина постоянно и активно усваивала роли, которые отводили ей поэмы и романы» [Лотман, 1994: 64]. В эту эпоху возникли три стереотипа женских образов, которые из поэзии вошли в девичьи идеалы и реальные женские биографии, а затем — в эпоху Некрасова — из жизни вернулись в поэзию. Первый — образ ангела, нежно любящей женщины, жизнь и чувства которой разбиты при столкновении с жестокостью общества. Второй тип — демоническая женщина, презирающая общественные нормы. Третий — женщина-героиня [там же: 65—67]. Как видим, эти женские образы существенно отличаются от образов женщин с предписываемой им ранее ролью замкнутой в домашнем пространстве матери семейства.

Еще более значимые изменения в общественных взглядах на роль женщины произошли под влиянием Отечественной войны 1812 г. Знакомство участвовавших в ней людей с бытом и культурой Европы оказало сильное влияние на русское общество. Постепенно сформировались идеи о необходимости значительных политических и культурных изменений. Г. А. Тишкин, изучивший публицистику 50—60-х гг. XIX в., отмечает, что основными темами в ней были отмена крепостного права, ограничение и даже уничтожение самодержавия, отмена цензуры, ликвидация телесных наказаний. В журналах и альманахах того времени активно обсуждался и женский вопрос, который И. А. Гончаров назвал одним из «вопиющих по своей несправедливости вопросов» (цит. по: [Тишкин, 1984: 59]).

В то время основной для женщин была семейная роль. Их права на получение высшего и профессионального образования, на труд вне дома были существенно ограничены. Женщины не имели своих паспортов (они были вписаны в паспорт отца или мужа) и не могли свободно путешествовать без их разрешения. Тем временем в обществе развивались идеи о необходимости предоставления женщинам больших прав и свобод и в общественной, и в личной жизни. Эти идеи, как правило, не были оформлены как единая концепция ни одним из их сторонников (по крайней мере до распространения марксизма), каждый участник дискуссии акцентировал внимание на каком-либо одном, наиболее важном, с его точки зрения, аспекте. Противники эмансипации женщин настаивали на необходимости сохранения патриархальных традиций, но при этом также не стояли на одной позиции.

Женский вопрос в революционно-демократической публицистике

Первая дискуссия о женском вопросе была инициирована публицистом М. Л. Михайловым, апологетом женской эмансипации. Благодаря статьям, написанным им в 1859—1865 гг., эта тема стала неотъемлемой частью российской интеллектуальной жизни. Работы Михайлова были ответом на антифеминистские идеи двух западных интеллектуалов. Либеральный националист Ж. Мишле считал женщину биологически несовершенным существом, которое исключено из образования «самой природой». Он утверждал, что ее предназначение — любить и служить своему мужу, растить его детей. Социалист П.-Ж. Прудон полагал природно-обусловленной интеллектуальную неполноценность женщины и необходимость ее подчинения мужчине как господину. В Европе взгляды Мишле и Прудона вызвали бурные возражения, особенно со стороны последователей Сен-Симона. Подробное рассмотрение и аргументированная критика взглядов Мишле и Прудона в статьях Михайлова дали импульс к обсуждению проблем женского образования, труда и положения в семье. «Эмансипация женщины началась, и остановить ее невозможно... Пока мы будем считать женщину существом больным и жалким, как Мишле, самкой, как Прудон, рабой, как средневековые учителя, куклой, как современные романисты, невозможны ни нравственная твердая семья, ни нравственное и здоровое воспитание новых поколений, стало быть, невозможны и успехи общества. Только в признании за женщиной человеческих и гражданских прав — охрана от страшного разврата, разъедающего современное общество...» — писал Михайлов [Михайлов, 1859: 164—165]. Важно подчеркнуть, что его творчество опровергает расхожий миф о том, что идеи эмансипации женщин навязываются России Западом. В данном случае мы видим, что западные интеллектуалы стояли на традиционных биодетерминистских позициях, а отечественный мыслитель продемонстрировал более прогрессивные взгляды.

В середине XIX в. в России складывается демократическое направление общественной мысли, наиболее видными представителями которого являлись В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарёв, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, Н. П. Суслова. Идейным центром социальных преобразований в России в 1850—1860 гг. были журналы «Отечественные записки» и «Современник», в которых печаталось много публицистических статей по женскому вопросу. В. Г. Белинский выступал за расширение женского образования, критиковал традиционные семейные устои, но с уважением относился к материнству. Как показывает исследовательница его творчества Л. П. Костюкевич, Белинский резко критиковал взгляды на «природу» женщины и утверждал, что причиной подчиненного и второстепенного положения женщины является не ее природа, а злоупотребления грубой материальной силой мужчины, полуварварского, немного восточного устройства общества (см.: [Костюкевич, 2003]). Публицист был убежден, что освобождение женщины от семейного и общественного гнета — составная часть программы переустройства общества на новых социальных началах. Он верил, что настанет время, когда женщина не будет рабой общества и мужчины [там же].

Н. А. Добролюбов также написал ряд статей, направленных на защиту женщин от домашней тирании, против их зависимости от мужчин. Он поддерживал идею предоставления женщинам возможности получать более широкое

и глубокое образование, хотя и настаивал на необходимости специальной методики преподавания для женщин в связи с «преобладанием у учениц чувства над рассудком». Идею глубокого женского образования, в том числе естественно-научного, поддерживал публицист-демократ Д. И. Писарев. Помимо этого, он резко критиковал реакционные церковные догмы о predeterminedности зависимо-го, второсортного положения женщин в семье и обществе (см.: [Тишкин, 1984: 89—97]).

Программный роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» был новым словом в литературе*. Герои романа строят свою жизнь вопреки традициям. Главная героиня Вера Павловна отказывается подчиниться воле матери, которая принуждает ее к выгодному браку с нелюбимым человеком. Она заключает фиктивный брак с «прогрессивно мыслящим студентом», который не претендует на супружеские права, но обеспечивает жену материально. Впоследствии Вера Павловна организует швейную коммуну для девушек-работниц, попутно просвещая их и предлагая равноправное распределение доходов. Позже у Веры Павловны случается роман с другом своего мужа, и они счастливо живут втроем в семейном доме. По свидетельствам современников, роман произвел чрезвычайно сильное впечатление на молодежь, несмотря на его довольно скромные литературные достоинства. В этом романе впервые, пусть и в утопической форме, был предложен новый тип отношений мужчины и женщины и новый образ самой женщины.

Женский вопрос в политической философии консерватизма

Не считая женский вопрос важным, консерваторы не могли избежать его обсуждения. Для некоторых издание на русском языке работы английского философа-протофеминиста Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» (1870 г.) послужило толчком к написанию критических статей. Главный критический удар консерваторы направили против идеи права как такового и прав женщин в частности. Так, Н. Н. Страхов был убежден, что русское общество не ценит политические права, что даже мужская часть населения не обладает ими и что для России этот вопрос не имеет существенного значения. Другие мыслители, вопреки очевидному, утверждали, что русские женщины обладают значительным объемом гражданских прав, что нормальные женщины не хотят иметь больше свобод, а так называемые эмансипе — это извращение женской природы. Эмансипацию консерваторы считали признаком нравственной деградации общества и причиной разрушения авторитета религиозной и родительской власти. Женщин, которые сознательно отвергают предписанную обществом семейно-материнскую деятельность, Страхов называет бесполоыми и развратными. По его мнению, решение женского вопроса по Миллю (т. е. предоставление женщинам равных гражданских и политических прав) приведет к «нравственной анархии», к краху представлений о женской красоте, достоинстве и «чисто женских интересах» (подробнее см.: [Козлова, 2014]). В статье «Женский вопрос» он заявил,

* Я рассматриваю его в данном разделе, а не в литературном, поскольку он скорее является манифестом нового человека, чем собственно романом.

что та, кто отказывается от идеала жены и матери, доведет себя до нравственно-го уродства (см.: [Башмакова, 2018]).

Вызывает удивление тот факт, что рациональным рассуждениям Милля умные и образованные отечественные консерваторы противопоставляли биологичестские, теологические и просто бытовые аргументы. Так, К. П. Победоносцев апеллировал к тому, что поскольку Богу присвоено имя Отца, ему (и мужчине) должна подчиняться женщина. П. А. Вяземский полагал, что нельзя установить равноправие между прекрасным и «вообще некрасивым полом», что настоящее, природоу указанное, святое место женщины есть дом, семейный очаг. К. П. Победоносцев утверждал, что женщинам не место ни на кафедре, ни в народном собрании, ни в церковном учительстве, потому что они от природы обладают качествами, несовместимыми с теми, которые требуются в публичной сфере (см.: [Козлова, 2014: 203—205]). По общему мнению консерваторов, физическая слабость женщин влечет за собой недостаток в них моральных добродетелей и интеллектуальных способностей. При этом, определяя семью как основное место жизнедеятельности женщины, консерваторы, тем не менее, считали главой семьи мужа по аналогии с тем, что Христос — глава церкви [Шевырёв, 2010: 259].

В целом оценивая позицию консерваторов по женскому вопросу, следует отметить, что они рассматривали неравенство мужчин и женщин в России как естественное и соответствующее должному социальному порядку. Идеи и процессы эмансипации они, наоборот, считали противоречащими божественным законам, чуждыми российской культуре и представляющими угрозу стабильности российского общества. Иными словами, консерваторы поддерживали традиционный гендерный порядок.

Философия пола

Это название включает несколько своеобразных направлений в русской религиозной философии, которые по-новому трактовали платоновские идеи об андрогине как соединении мужского и женского начал, о созидательно-творческой энергии Эроса (в античном, символическом смысле) и о роли и значении половых различий в системе мироздания. Философия/теология/метафизика пола была довольно влиятельным течением в России в конце XIX в., а некоторые ее представители вновь стали популярны в нашей стране и в конце XX в. Для философов этого направления характерны попытки осмыслить и включить в теософию мужское и женское начала, телесность человека в целом. В этой статье я остановлюсь на идеях только двух мыслителей — Н. А. Бердяева и В. В. Розанова, поскольку они активно участвовали в обсуждении женского вопроса.

В трудах Н. А. Бердяева причудливо переплелись софиология В. С. Соловьёва, православие с его языческими мотивами поклонения матушке-земле и античные представления об Эросе. Утверждая, что «половая полярность есть основной закон жизни и, может быть, основа мира» [Бердяев, 1989b: 15—16], он, тем не менее, считал, что истинная сущность человека андрогинна. Причиной «раскола» на мужской и женский пол (т. е. половины) стало, полагал Бердяев, грехопадение Адама и Евы. С этого момента человек стремится к воссозданию своей андрогинной природы разными способами: через сексуальность,

которая, по мнению Бердяева, лишь имитирует соединение, но в действительности онтологически разъединяет, поскольку отравлена грехопадением; через семью, пытаясь искупить первородный грех посредством деторождения. Но это ложные пути, утверждал Бердяев. По его убеждению, подлинная целостность человека обретается с помощью отказа (преодоление) от тленной половой природы и мистического превращения в божественного андрогина. Это достигается посредством божественной брачной мистерии Логоса (мужское начало) и души мира (женское начало): «Душа мира — земля — женственна по отношению к Логосу — светоносному Мужу и жаждет соединиться с Логосом, принять его внутрь себя» [Бердяев, 1989а: 308]. В божественном андрогине в духовном смысле сольются две противоположности — мужское (рациональное) и женское (душевное) начала. Очевидно, что категории пола, т. е. мужское и женское, Бердяев считал космическими, а не антропологическими понятиями. Именно поэтому он делает вывод, что призвание женщины — это не деторождение, но явление Вечной женственности, которая вдохновляет мужчину на высокое творчество. Достижение божественного андрогинного состояния возможно не через физическое, но через мистическое и «оргиастическое» слияние в творческом акте. В преодолении физиологии пола рождается новый человек, восстанавливающий в себе андрогинный образ Бога [Бердяев, 1991: 253].

Как видим, Бердяев предложил очередную теософскую утопию, посредством которой природный человек должен отрешиться от своей «грязной» сущности и возвыситься до божественного. Очевидно, что, несмотря на рассуждения о Вечной женственности и Софии, сами «природные» женщины воспринимаются Бердяевым как нечто изначально негодное, что может и должно стать чем-то полезным для мужского творчества только через отказ от «пола».

Обращаясь к современным ему социальным процессам, в частности к эмансипации, Бердяев оценивает ее неоднозначно. С одной стороны, он поддерживает освобождение женщин от семейного рабства. С другой — утверждает, что уравнивание статуса женщин означает отрицание Вечной женственности. По его мнению, оно заключается в том, чтобы воплощать женское метафизическое начало как *дополнительное* к мужскому.

В. В. Розанов резко выступал против разделения духа и тела и отвержения телесных радостей в христианстве. Он утверждал, что аскетизм христианства сделал его бесчувственным к теплу жизни, в то время как «связь пола с Богом большая, чем связь ума с Богом, чем даже совести с Богом...» [Розанов, 1912: 119]. Розанов полагал, что человек через пол включен в порядок природы. Деторождение, писал Розанов, вовсе не загоняет человечество в дурную бесконечность смертей и рождений, а помогает преодолеть смерть. Пол (посредством деторождения) физиологически соединяет человека с родом, а метафизически — с Богом. В статье «Брак и христианство» Розанов провозгласил, что семья является наивысшей религиозной ценностью, поэтому религия содержит в себе «половой» смысл. Описывая души мужчин и женщин, которые, по Розанову, дополняют друг друга, он придерживался традиционного полового символизма: «мужская душа в идеале — твердая, прямая, крепкая, наступающая, движущаяся вперед, напорающая, одолевающая», а женская — мягкая, податливая, уступчивая. Основным таинством супружества являются мистические, сакральные

и одновременно связанные с полом зачатие и рождение детей, их взросление и созревание для будущего воспроизводства [Розанов, 1995: 107]. В отличие от Бердяева, для которого путь к совершенству человека лежал через сублимацию энергии пола в творчество, Розанов, по мнению В. Б. Шкловского, искал духовности «здешней», принадлежащей посюстороннему миру и пронизывающей земную, домашнюю, теплую и уютную жизнь [Шкловский, 2015:10].

Помимо создания своей версии метафизики пола, Розанов много внимания уделял изучению конкретных социальных проблем, возникающих в сфере брачно-семейных отношений. По многим вопросам он занимал прогрессивные позиции: критиковал практику отсутствия у женщин собственных паспортов; выступал за облегчение процедуры развода, признание прав незаконнорожденных детей, предоставление женщинам больших прав в сфере труда и образования. Наиболее предпочтительными сферами труда для женщин он называл учительство (особенно в сельских школах) и врачевание (в женских заведениях). Он полагал, что «природные качества» женщин (трудолюбие, практичность, честность, склонность к заботе о ближнем) помогут им эффективно исполнять «промежуточные административные обязанности» в лечебницах, госпиталях, аптеках, в родовспомогательных заведениях» [Розанов, 2004: 621]. При этом Розанов не считал зазорным труд женщин, вынужденных вместо заботы о семье зарабатывать себе на жизнь, и выступал за равную оплату мужского и женского труда. Более того, он высказал мысль о полезности использования женских талантов для общества: государство «нужный талант должно брать там, где он лежит» [там же: 622, 623].

Однако в целом роль женщин в жизни общества Розанов описывал с традиционно-консервативных позиций. Так, он заявлял, что их основное занятие — рождение и воспитание детей: «Девушки... Вы посланы в мир животом, а не головою: вы — охранительницы Древа Жизни...» [Розанов, 1990: 103]. Он считал, что стремление мужчин доминировать, а женщин — подчиняться заложено в них природой; что разделение сфер деятельности на мужские и женские носит постоянный характер и не должно нарушаться. Характерными качествами женщины, по его мнению, являются скромность (вплоть до робости), мягкость, кротость, молчаливость, уступчивость, чуткость к чужому мнению и проблемам мужчины. Для него одним из ключевых качеств женщин выступает выжидательная пассивность, которая провоцирует активность мужчины, создает притяжение пола и призывает «заполнить полость» (см.: [Желтикова, 2019: 305]). Более того, в одной из своих статей Розанов заявляет: «Мне не нужна “русская женщина” (Некрасов и общественная шумиха), а нужна русская баба, которая бы хорошо рожала детей, была верна мужу и талантлива» (цит. по: [там же: 303]).

Взгляды Розанова на роль женщин противоречивы и включают крайне консервативные относительно их предназначения, умеренно либеральные в области получения женщинами образования для «подходящих» им профессий и радикальные для того времени в таких вопросах, как упрощение процедуры развода и повышение оплаты женского труда.

Важно подчеркнуть двойственность и противоречивость взглядов русских философов. Включение женского/материнского начала как метафизического и космического принципа в их теософские концепции сочеталось с традиционным

утверждением вторичности женщин по отношению к мужчинам. Вслед за Платоном мужское начало трактовалось как «содержание», которое оплодотворяет и одухотворяет женскую «форму» (В. Соловьёв, Н. Бердяев, С. Булгаков, Д. Мережковский, П. Флоренский). Так, если в теологии пола В. С. Соловьёв прославлял женское начало Софии — Премудрости Божьей, то в «Смысле любви» он писал иное: «...человек должен творить и созидать *свое женское дополнение* (курсив мой. — О. В.). Что мужчина представляет активное, а женщина — пассивное начало, что первый должен образовательно влиять на ум и характер второй — это положения азбучные...» [Соловьёв, 1991: 58]. «Женщина существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа», — утверждал Н. А. Бердяев [Бердяев, 1989а: 432]. «Обладание полом» (в биологическом смысле) и приверженность «половой» (сексуальной) стихии приписывается только женщинам: «Женщина вся пол, ее половая жизнь — вся ее жизнь, захватывающая ее целиком, поскольку она женщина, а не человек» [там же]. В. В. Розанов писал: «Мужчина — Я. Женщина — твоя» [Розанов, 1995: 161]; «Я мужчины — с гору величиной, Я женское... да оно просто прислонено к мужскому» [там же: 163]. Нормативность маскулинности, утверждает другой русский философ, «полнота человеческих сил и способностей раскрыта была в истории преимущественно мужчиною, и все, раскрывшееся в мужчине и им утвержденное вне сферы непосредственных влияний пола, мы условились считать нормативно-человеческим» [Иванов, 1908]. При этом утверждаемое философами отсутствие индивидуально-личностного начала в женщине отнюдь не оценивается ими негативно. По их мнению, именно оно позволяет фемининному началу быть посредником, медиатором и цементирующим началом между другими «Я», т. е. мужчинами.

Иными словами, в космическом и метафизическом смыслах мужское трактуется философами пола как аполлоновское начало формы, идеи, логоса, культуры, личности, разума, права и закона. Женское — это прежде всего материнское начало материи, природы, пола, рода, семьи, бессознательного, эмоционального, смиренного, милосердного. Такая вот гендерная метафизика.

Женский вопрос в литературе: Тургенев, Островский, Толстой

Общепризнано, что русская классическая литература сыграла чрезвычайно важную роль в формировании национального самосознания. С середины XIX в. писатели не могли обходить вниманием обсуждение важных социальных вопросов, в том числе и женского. Литераторы разных направлений показывают крушение традиционных моральных устоев на примере своих героинь. В данной статье я подчеркну основные позиции по женскому вопросу трех писателей. Мой выбор обусловлен тем, что в их творчестве имманентно представлено сознание трех слоев тогдашнего российского общества: дворянства, купечества, так называемых разночинцев — и зарождающейся интеллигенции.

И. С. Тургенев в своих романах и повестях описывал как «старую», патриархальную Русь, так и происходящие изменения, появление новых идей и новых людей. Относительно изменения роли женщин в обществе позиция писателя была довольно противоречивой. С одной стороны, он поддерживал романы Жорж Санд, в которых она проповедовала идеи эмансипации женщин. С другой —

в повести «Два приятеля» он создал ироничный образ женщины-эмансипе. Позже на этой основе в романе «Отцы и дети» он нарисовал еще более карикатурный типаж псевдонигилистки Кукшиной.

При этом Тургенев не мог обойти вниманием изменение женского самосознания, и потому он предлагает свой вариант ответа на вопрос. Писатель создал новый женский образ, который впоследствии получил наименование «тургеневской девушки». Таковы Наталья Ласунская («Рудин»), Лиза Калитина («Дворянское гнездо»), Елена Стахова («Накануне») и другие. Для «тургеневской девушки» характерны «кротость, преданность, искренность, благородство, для нее самый важный критерий счастья — это чистота совести, она обладает мощным потенциалом внутренней силы, основанным на чувстве нравственного долга» [Сосина, 2018: 77]. Эти девушки наделены милой красотой, склонны к романтизму в поисках чистой любви, умны, образованны, для них характерны вера в Бога и желание помогать другим вплоть до принесения себя в жертву. Мне кажется, этот образ является попыткой Тургенева предложить свой вариант новой женской роли. Образ «тургеневской девушки» несет в себе запрос на обновление и поиск социальной справедливости, но в нем сохранена и традиционная женственность, и красота, что было очень важным для Тургенева.

Второй тип тургеневской героини — «демоническая женщина» — безнравственная и жестокая соблазнительница, подчиняющая мужчин своей власти. Таковы, например, Варвара Павловна («Дворянское гнездо»), Анна Сергеевна Одинцова («Отцы и дети»), Ирина («Дым»). Третий типаж — мать семейства — вполне традиционен. Он предстает в двух вариантах. Один из них — богатая барыня, хозяйка усадьбы, которая чувствует себя королевой в своей гостиной (как, например, Дарья Михайловна Ласунская или Марья Дмитриевна Калитина). Таким женщинам нравится успех в свете, они жаждут обожания и не замечают фальши окружающей их обстановки. Другой вариант — недалекая, хлебосольная, патриархальная матушка Евгения Базарова Арина Власьевна; мать Елены Стаховой Анна Васильевна, «маленькая худенькая женщина с тонкими чертами лица, склонная к волнению и грусти».

Как видим, И. С. Тургенев в описании женских образов следовал вполне традиционной схеме: ангел («тургеневская девушка»), блудница и мать. Он полагал, что идеал женственности требует вознесения его на пьедестал и поклонения, но он никогда не считал женщину ровней мужчине. Тургенев с презрением осмивал все, что выходит за рамки традиционно понимаемой женственности: «...свободно мыслят между женщинами только уроды...», «...хорошеньким женщинам вовсе не нужно понимать нашу беседу» (цит. по: [Грескунов, 1976: 236]).

Ранним произведениям А. Н. Островского свойственна идеализация патриархальности и обеспокоенность разрушением традиционных семейных устоев. Однако после резкой критики со стороны Н. Г. Чернышевского и более тесного сотрудничества с журналом «Современник» позиция А. Н. Островского меняется. В частности, в знаменитой пьесе «Гроза» он скорее выступает критиком косного и отсталого патриархального мира — такова, например, оценка этой пьесы Н. А. Добролюбовым в статье «Луч света в темном царстве». Эту характеристику поддержал А. И. Герцен, отметивший, что Островский показал душу

русской женщины, которая «задыхается в тисках неумолимой и полудикой жизни патриархальной семьи» (цит. по: [Ужанков, 2017: 180]).

Как и многие писатели того времени, драматург не мог избежать рассмотрения в своих произведениях темы женской судьбы в традиционном обществе и попыток женщин обрести свободу выбора на основе своих чувств. Так, центральная тема в пьесе «Гроза» — это протест молодой купеческой жены Катерины против «темного царства» домостроевской семьи, против тирании и самодурства Дикого и Кабанихи. Главную героиню Катерину, которая впервые испытала любовь и изменила мужу, оценивают по-разному. Одни исследователи (и такая точка зрения поддерживалась в советской школе) считают ее борцом против социальных предрассудков. Другие полагают, что поскольку в этой пьесе писатель еще сохранил некоторую приверженность патриархальным основам и моральным догмам «Домостроя», то Катерину Островский скорее осуждает. Как справедливо отмечает А. А. Ревякина, в этой ранней пьесе драматург не сумел разрешить свои внутренние противоречия между патриархально-славянофильской и прогрессистски-западнической позицией и не сумел до конца обнаружить собственную позицию, фактически смешав обличительную комедию о «темном царстве» самодуров с драмой незрелой женской души, пытающейся противостоять тирании [Ревякина, 2015: 135].

Именно эта двойственность дает основания некоторым современным исследователям утверждать, что для Островского домостроевская семья не была синонимом косности. Например, А. Н. Ужанков предлагает новую интерпретацию пьесы «Гроза». Он считает, что Островский возлагает вину за крах патриархальной семьи на персонажей вроде Кабанихи и Дикого. Согласно идеалам «Домостроя», семья — это «малая церковь», в ней главенствует мужчина, подчиняющийся лишь Богу. Такая семья рушилась в России в XIX в. А. Н. Ужанков полагает, что Островский описывал эту проблему и видел причину в безвольности молодых мужчин, неспособных быть главой семьи и управлять женщинами. Смысл драмы, считает ученый, в том, что Кабаниха и Дикой разрушили мужскую власть в семье, а Катерина «вне умного управления мужчиной» согрешила [Ужанков, 2017: 187]. Интерпретация непривычная, но, на мой взгляд, вполне обоснованная. В ее пользу говорит и тот факт, что Островский «наказывает» Катерину ее собственными руками.

В пьесе «Поздняя любовь» он вновь обращается к теме противоречий между традиционными нравственными ценностями и новыми веяниями, когда жизнь «по обычаю» уступала место жизни «по своей воле». Главная героиня Людмила преступает моральные нормы — ради любви обворовывает отца. Она поступает так по своей воле и в борьбе за свое счастье. «Любовь для меня все, любовь мое право» — под этим девизом происходит «бунт» тихой девушки из московского захолустья. Непосредственное чувство опирается уже на сознание своего права на любовь — вот что ново [Москвина, 2009: 86—89]. Пьеса кончается благополучно, т. е. драматург не осуждает Людмилу за преступление. Островский касается женского вопроса в его узком варианте: судьба всех его героинь, как и в жизни того времени, определяется браком и семьей. Их протест не носит широко социального характера, его героини решаются противостоять

тирании только ради свободной любви; это Юлия Тугина («Последняя жертва»), Аннушка («На бойком месте»), Лариса («Бесприданница»).

Взгляды Л. Н. Толстого на женщин значительно трансформировались на протяжении его жизни. В романах Толстого много разнообразных женских образов, выписанных в целом доброжелательно, героини его романов, как правило, красавицы. Даже тех из своих героинь, кто совершил моральный проступок, автор осуждает не напрямую, персонально, а показывает социальные причины, которые привели женщин к моральному падению. В этической концепции писателя основная причина грехопадения — отказ от семейного пути или неправильное поведение в семье. Вообще тема семьи, дома, брака, «мысль семейная» занимали в творчестве писателя значительное место. Так, «Анна Каренина» начинается с известного рассуждения о счастливых и несчастных семьях; в «Войне и мире» описанию семейной жизни уделяется огромное внимание; даже в романе «Воскресенье» и Маслова, и Нехлюдов много размышляют о семье. Писатель проводит своих героинь через разнообразные испытания «светской жизнью», внебрачными романами, любовной страстью. Тех, кто не выдержал испытаний, он «карает»: Элен — ранней смертью; невинную поначалу Катюшу Маслову превращает в проститутку; Анну Каренину делает в конце романа почти наркоманкой и «бросает» под поезд. А вот Наташа Ростова, которая преодолела «искушение страстью», вознаграждена счастливым браком. Толстой довольно однозначно показывает, что истинное счастье женщины заключается в заботе о семье и служении мужу. Именно этой цели подчинено описание идиллии в семье графа Ростова, а позже в семье Наташи и Пьера. Эта же тема продолжается в «Анне Карениной», где отсутствию интереса к «домостроительству» у Анны противопоставляются усилия Левина и Кити. При этом идеальная семья у Толстого выглядит патриархально: жизнь и труд на своей земле, устроенный по-русски (а не на западный манер) быт, рождение большого числа детей и подчинение жены мужу. «...Хорошая семейная жизнь возможна только при сознании, воспитанном в женщинах убеждении в необходимости всегдашнего подчинения мужу», — писал он (цит. по: [Андреева, 2021:195]).

В «Крейцеровой сонате», одном из последних произведений писателя, фактически представлен его итоговый этический манифест, суть которого заключается в полном половом воздержании человечества во имя нравственности. Оправданием плотских отношений, по мнению главного героя Позднышева (этого альтер эго Толстого), не может служить даже рождение детей, от которого необходимо воздерживаться во имя нравственности. Чадолубие своей жены он ставит ей в вину на том основании, что она постоянно была занята детьми и их болезнями (!), и потому «правильной семейной жизни не было из-за детей» [Толстой, 1928: 19]. Толстой со свойственной ему безапелляционностью пишет: «Женщина... орудие дьявола. Она вообще глупа... не может понять самой простой вещи, не соображает дальше настоящей минуты, и нет ни выдержки, ни терпения, кроме деторождения и детоухаживания» [там же: 208].

Женщины означают для героя рассказа зло как таковое, поскольку они «устроили из себя такое орудие воздействия на чувственность, что мужчина не может спокойно обращаться с женщиной»: «Как только мужчина подошел к женщине, так и подпал под ее дурман... мне... хочется крикнуть полицейского,

звать защиту против опасности, потребовать того, чтобы убрали, *устранили опасный предмет*» (курсив мой. — О. В.) [там же: 69—70]. Позднышев боится женской чувственности, поскольку она — и это совершенно очевидно — будит его непомерные телесные желания, которые он (по воле автора) должен обуздать. Вину за собственную сексуальную одержимость (по известным механизмам работы психики) Позднышев переносит на образ страстно желаемой женщины, которая фактически символизирует вселенское зло чувственности. Так возникает необходимость радикально уничтожить этот «опасный предмет» как причину, не позволяющую преодолеть собственный грех влечения.

«Крейцера соната» произвела значительное, хотя и далеко не однозначное впечатление на современников Толстого, и даже до выхода в свет (а первоначально ее публикация была запрещена) стала предметом широкой дискуссии. Жена писателя Софья Андреевна написала в своем дневнике: «...я... почувствовала, что эта повесть направлена в меня, что она сразу нанесла мне рану, унизила меня в глазах всего мира и разрушила последнюю любовь между нами» (цит. по: [Шорэ, 2003]). Ей было неприятно это произведение, она увидела в женском образе гротескное изображение себя.

Л. Н. Толстой был поражен тем, что большинство читателей не разделяют идей, высказанных Позднышевым. Именно поэтому позже он написал послесловие, в котором попытался еще раз дать обоснование идеалу всеобщего полового воздержания во имя нравственности и достижения всеобщего единения. Эти идеи Толстого лежат в русле русской духовной традиции метафизического всеобщего единения. Стремление так или иначе «объединять народ» отличало многих русских мыслителей — А. С. Хомякова, В. С. Соловьёва, Н. Ф. Фёдорова. Во многом это направление философской мысли проистекает из свойственного русскому самосознанию стремления к коллективизму как противоположности «западному индивидуализму». И Толстого вовсе не смущает, что ценой проповедуемого им единения выступает физическое выживание человечества. В одном из писем от 6 ноября 1888 г. он писал: «Род человеческий прекратится? Прекратится животное-человек. Экая беда какая. Выродились допотопные животные, выродится и человеческое животное... Пускай его прекращается. Мне так же мало жалко этого двуногого животного, как и ихтиозавров... только бы не прекратилась жизнь истинная... А это не только не прекратится, если род человеческий прекратится от того, что люди отрекутся от наслаждений похоти, но увеличится в бесчисленное число раз, и существа, испытывающие (духовную) любовь, сделаются такими, что продолжения рода человеческого для них не нужно будет» [Мужские ответы... , 2005: 28]. Выдвижение такого панморалистского идеала всеобщей половой абстиненции воспринимается в лучшем случае как утопизм, а в худшем — как крайнее выражение мизантропии великого русского писателя.

Заключение

С середины XIX в. среди интеллектуалов России начинают формироваться новые идеи о будущем цивилизационном развитии страны. Они включают отмену крепостного права, правовые реформы и многое другое, в том числе изменение роли и статуса женщин. Как видим, далеко не все одобряли предоставление прав и свобод женщинам. Да и те, кто поддерживал эмансипацию, нередко были несвободны от традиционных предубеждений и стереотипов.

И все же XIX в. заканчивался значительными изменениями как в реальной ситуации, так и в самосознании женщин. В немалой степени этому способствовали и экономические изменения, такие как развитие капитализма в России. На заработки вне дома потянулись освобожденные после отмены крепостного права крестьяне и крестьянки, а также дочери разорявшегося мелкопоместного дворянства. Это с неизбежностью приводило их к необходимости добиваться права на образование, на равную оплату труда.

Практическим выражением возросшей социальной активности женщин стало их участие в просветительской кампании «хождение в народ», а также в разных видах политической деятельности. К концу XIX в. женщины создают либерально-феминистские организации, примыкают к кружкам так называемых нигилистов и бомбистов, вовлекаются в рабочее революционное движение. Они по-разному понимали свой путь в борьбе за права и более справедливое общество, однако рост политической активности женщин и их поддержка со стороны прогрессивных кругов России давали надежду на успех. В XX в. значительная часть этих надежд оправдалась.

Список источников

- Андреева В. Г. Героини романов Л. Н. Толстого и «одуряющее свойство» светского существования // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 160—209.
- Башмакова М. Классики русского феминизма: как писатели поднимали женский вопрос // Коммерсантъ. 2018. 26 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3635025> (дата обращения: 01.08.2022).
- Бердяев Н. А. Философия свободы; Смысл творчества. М.: Правда, 1989а. 608 с.
- Бердяев Н. А. Эрос и личность: философия пола и любви. М.: Прометей, 1989b. 156 с.
- Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья / сост. М. А. Маслин. М.: Наука, 1990. С. 43—271.
- Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / сост. В. П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 232—265.
- Желтикова И. В. В. Розанов и вопросы феминизма // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 293—305.
- Иванов В. И. О достоинстве женщин. 1908. URL: <http://ivanov.lit-info.ru> (дата обращения: 06.03.2022).
- Козлова Н. Н. Политическая философия российского консерватизма XIX — первой половины XX века: гендерные аспекты: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2014. 374 с.
- Костюкевич Л. П. Женский вопрос в русской философии и общественной мысли (первая половина XIX века): дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2003. 163 с.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
- Михайлов М. Л. Парижские письма // Современник. 1859. № 1. С. 164—165.
- Москвина Т. А. В спорах о России: А. Н. Островский: статьи, исследования. СПб.: Лимбус Пресс, 2009. 139 с.
- Мужские ответы на женский вопрос в России, вторая половина XIX в. — первая треть XX в.: антология / отв. ред. и сост. В. И. Успенская. Тверь: Феминист-Пресс, 2005. Т. 2. 351 с.

- Ревакина А. А. Интерпретация стержневых проблем творчества А. Н. Островского: (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение. 2015. № 3. С. 126—143.
- Розанов В. Уединенное. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. 300 с.
- Розанов В. В. Женское образовательное движение 60-х годов // Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 17—327.
- Розанов В. В. Семейный вопрос в России. М.: Республика, 2004. 828 с. (Собрание сочинений: [в 30 т.]; т. 18).
- Розанов В. В. В мире неясного и нерешенного. М.: Республика, 1995. 464 с. (Собрание сочинений; т. 6).
- Соловьёв В. С. Оправдание добра. М.: Ин-т рус. цивилизации: Алгоритм, 2012. 656 с.
- Соловьёв В. С. Смысл любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / сост. В. П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 19—76.
- Сосина Г. А. Типология женских образов в романах И. С. Тургенева // Интерактивная наука. 2018. № 6. С. 76—79.
- Тишкин Г. А. Женский вопрос в России в 50—60 гг. XX в. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 239 с.
- Толстой Л. Крейцерова соната // Полное собрание художественных произведений. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. Т. 12. С. 51—126.
- Трескунов М. Жорж Санд: критико-биографический очерк. Л.: Худож. лит., 1976. 248 с.
- Ужанков А. Н. Еще раз о «Луче света в темном царстве»: (о драме А. Н. Островского «Гроза») // Новый филологический вестник. 2017. № 4. С. 179—190.
- Шевырёв С. П. Об отношении семейного воспитания к государственному // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 223—287.
- Шкловский В. Б. Розанов: из книги «Сюжет как явление стиля». [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2015. 32 с.
- Шорэ Э. По поводу «Крейцеровой сонаты»...: гендерный дискурс и конструкты женственности у Л. Н. Толстого и С. А. Толстой. 2003. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/pol_gender_cultura (дата обращения: 07.02.2018).

References

- Andreeva, V. G. (2021) Geroini romanov L. N. Tolstogo i “oduriaiushchee svoïstvo” svetskogo sushchestvovaniia [The heroines of L. N. Tolstoy’s novels and the “stupefying property” of secular existence], *Dva veka russkoï klassiki*, vol. 3, no. 1, pp. 160—209.
- Bashmakova, M. (2018) *Klassiki russkogo feminizma: Kak pisateli podnimali zhenskii vopros* [Classics of Russian feminism: How writers raised the women’s issue], *Kommersant*, 26 maia, available from <https://www.kommersant.ru/doc/3635025> (accessed 01.08.2022).
- Berdiaev, N. A. (1989a) *Filosofia svobody, Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom, The meaning of creativity], Moscow: Pravda.
- Berdiaev, N. A. (1989b) *Ėros i lichnost’: Filosofii pola i liubvi* [Eros and personality: The philosophy of sex and love], Moscow: Prometeï.
- Berdiaev, N. A. (1990) Russkaia ideia [The Russian idea], in: *O Rossii i russkoï filosofskoï kul’ture: Filosofii russkogo posleoktiabr’skogo zarubezh’ia*, Moscow: Nauka, pp. 43—271.
- Berdiaev, N. (1991) Metafizika pola i liubvi [Metaphysics of sex and love], in: *Russkii Ėros, ili Filosofii liubvi v Rossii*, Moscow: Progress, pp. 232—265.
- Ivanov V. I. (1908) *O dostoinstve zhenshchin* [On the dignity of women], available from <http://ivanov.lit-info.ru> (accessed 06.03.2022).

- Kostiukevich, L. P. (2003) *Zhenskiĭ vopros v russkoĭ filosofii i obshchestvennoĭ mysli (pervaia polovina XIX veka)*: Dis. ... kand. filos. nauk [The women's question in Russian philosophy and social thought (the first half of the XIX century): Diss. (Cand. Sc.)], Murmansk.
- Kozlova, N. N. (2014) *Politicheskaia filosofia rossiĭskogo konservatizma XIX — pervoi poloviny XX veka: gendernye aspekty*: Dis. d-ra polit. nauk [Political philosophy of Russian conservatism of the XIX — first half of the XX century: gender aspects: Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.
- Lotman, Iu. M. (1994) *Besedy o russkoĭ kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: The life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX centuries)], St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
- Mikhailov, M. L. (1859) Parizhskie pis'ma [Paris letters], *Sovremennik*, no. 1, pp. 164—165.
- Moskvina, T. A. (2009) *V sporakh o Rossii: A. N. Ostrovskii*: Stat'i, issledovaniia [In disputes about Russia: A. N. Ostrovsky: Articles, research], St. Petersburg: Limbus Press.
- Reviakina, A. A. (2015) Interpretatsiia sterzhnevnykh problem tvorchestva A. N. Ostrovskogo: (Svodnyiĭ referat) [Interpretation of the core problems of A. N. Ostrovsky's creativity: (Summary abstract)], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura*, seriia 7, Literaturovedenie, no. 3, pp. 126—143.
- Rozanov, V. (1912) *Uedinĭnoe* [Solitary], St. Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina.
- Rozanov, V. V. (1990) Zhenskoe obrazovatel'noe dvizhenie [Women's educational movement], in: *Sochineniia*: in 2 vols, vol. 1, Moscow: Pravda.
- Rozanov, V. V. (1995) V mire neiasnogo i nereshĕnnogo [In the world of the unclear and unresolved], in: *Sobranie sochineniĭ*, vol. 6: Moscow: Respublika.
- Rozanov, V. V. (2004) Semeĭnyiĭ vopros v Rossii [The family question in Russia], in: *Sobranie sochineniĭ*, vol. 18, Moscow: Respublika.
- Shevyrev, S. P. (2010) Ob otnoshenii semeĭnogo vospitaniia k gosudarstvennomu [On the relation of family education to state education], in: *Izbrannye trudy*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 223—287.
- Shklovskii, V. B. (2015) *Rozanov: Iz knigi "Siuzhet kak iavlenie stilia"* [Rozanov: From the book "Plot as a phenomenon of style"], [S. I.]: Salamandra P.V.V.
- Shorĕ, E. (2003) *Po povodu "Kreĭtserovoi sonaty"....: Gendernyiĭ diskurs i konstrukty zhenstvennosti u L. N. Tolstogo i S. A. Tolstoi* [About the "Kreutzer Sonata"....: Gender discourse and constructs of femininity in L. N. Tolstoy and S. A. Tolstoy], available from http://www.a-z.ru/women_cd1/html/pol_gender_cultura (accessed 07.02.2018).
- Solov'ev, V. S. (1991) Smysl liubvi [The meaning of love], in: *Russkii Ėros, ili Filosofiiia liubvi v Rossii*, Moscow: Progress, pp. 19—76.
- Solov'ev, V. S. (2012) *Opravdanie dobra* [Justification of good], Moscow: Institut russkoĭ tsivilizatsii, Algoritm.
- Sosina, G. A. (2018) Tipologiiia zhenskikh obrazov v romanakh I. S. Turgeneva [Typology of female images in the novels of I. S. Turgenev], *Interaktivnaia nauka*, no. 6, pp. 76—79.
- Tishkin, G. A. (1984) *Zhenskiĭ vopros v Rossii v 50—60 gg. XIX v.* [The women's question in Russia in the 50—60's. XX c.], Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Tolstoi, L. (1928) Kreĭtserova sonata [Kreutzer sonata], in: *Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedeniĭ*, vol. 12, Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 51—126.
- Treskunov, M. (1976) *Zhorzh Sand: Kritiko-biograficheskiĭ ocherk* [George Sand: Critical and biographical essay], Leningrad: Khudozhestvennaia literatura.
- Uspenskaia, V. I. (ed.) (2005) *Muzhskie otvety na zhenskiiĭ vopros v Rossii, vtoraiia polovina XIX v. — pervaiia tret' XX v.*: Antologiiia [Men's answers to a woman's question in Russia, the second half of the XIX c. — the first third of the XX c.: Anthology], vol. 2, Tver: Feminist-Press.

- Uzhankov, A. N. (2017) Eshchë raz o “Luche sveta v tëmnom tsarstve”: (O drame A. N. Ostrovskogo “Groza”) [Once again about “A ray of light in the dark kingdom”: (About the drama of A. N. Ostrovsky “Thunderstorm”)], *Novyi filologicheskiĭ vestnik*, no. 4, pp. 179—190.
- Zheltikova, I. (2019) V. V. Rozanov i voprosy feminizma [Rozanov and issues of feminism], *Tetradĭ po konservatizmu*, no. 4, pp. 293—305.

Статья поступила в редакцию 03.09.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 03.09.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Воронина Ольга Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, olga-voronina777@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 119—133.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 119—133.

Научная статья

УДК 613.99(091)“1950/1960”

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.10

«ЛУЧШЕЕ УКРАШЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ – ЧИСТОТА»
(Нормы и практики ухода за телом в памяти жительниц
нестолничного советского города
1950—1960-х гг.)

Наталья Львовна Пушкарева, Ирина Владимировна Богдашина

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

Аннотация. Использование нескольких исследовательских стратегий (сравнительно-исторического метода, методов гендерной антропологии, призывающей уделять большее внимание женщинам-информанткам и проявлять эмпатию, выявляя социальные демпферы, обеспечивавшие смягчение противоречий и диспропорций), нескольких видов и типов источников (журнальных публикаций, медицинских брошюр, женских эго-документов и устных женских историй, собранных авторами в Нижнем Поволжье в 2019—2021 гг.) позволило в рамках данной статьи сопоставить ожидаемое (основанное на нормах и регламентациях) и реальное телесное поведение женщин во второе послевоенное десятилетие в СССР (1950—1960-е гг.). Изучены женские повседневные практики, связанные с гигиеной тела, уходом за собой, индустрией красоты; они вписаны в контекст непростой обыденности нестолничного советского города (полной нехватки, трудностей и лишений в локусе, практически разрушенном войной и очень медленно возвращавшем жителей к довоенному уровню жизни). Авторы дополняют картину советской женской истории материалами, которые никогда не вводились в научный оборот, и размышлениями над темами, долго считавшимися в отечественной историографии неглавными, маргинальными. В процессе поиска ответа на вопрос о том, почему именно в годы хрущевской оттепели стало возможным обратить внимание на запросы женской части городского населения, характеризуются способы присутствия переживаемого (феноменологического) в усредненной женской городской среде (на примере желаемого и имеющегося в области парфюмерии), обосновывается связь общей тенденции медиализации сферы ухода за женским телом и индустрии красоты, способов сохранения телесной чистоты и ухоженного внешнего вида.

Ключевые слова: антропология телесности, женщины, гендер, гигиена тела, Сталинград/Волгоград, женские эго-документы, хрущевская оттепель, СССР в 1950—1960-х гг.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестолничная городская повседневность середины XX века)».

Для цитирования: Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В. «Лучшее украшение женщины — чистота»: (нормы и практики ухода за телом в памяти жительниц нестоличного советского города 1950—1960-х гг.) // *Женщина в российском обществе. 2022. № 4.* С. 119—133.

Original article

**“THE BEST ADORNMENT OF A WOMAN IS CLEANLINESS”
(Norms and practices of body care in the memory of residents
of a non-capital Soviet city in the 1950s — 1960s)**

Natalia L. Pushkareva, Irina V. Bogdashina

N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

Abstract. The use of several research strategies (comparative historical method, methods of gender anthropology, calling for more attention to female informants and empathy, identifying social dampeners that ensured the mitigation of contradictions and disproportions), several kinds and types of sources (journal publications, medical brochures, women’s ego documents and oral female histories collected by the authors in the Lower Volga region in 2019—2021) made it possible, within the framework of this article, to compare the expected (based on norms and regulations) and real bodily behavior of women in the second post-war decade in the USSR, in the 1950s — 1960s. Studied in the article are women’s daily practices related to body hygiene, self-care, situation in the beauty industry. All these aspects are inscribed in the context of the difficult everyday life of a non-capital Soviet city (full of shortages, difficulties and hardships in a locus that was practically destroyed by the war and was very slowly returning to the pre-war standard of living). The authors supplement the picture of Soviet women’s history with materials that have never been introduced into scientific circulation, and reflections on topics that have long been considered minor and marginal in Russian historiography. Looking for an answer to the question of why it became possible to pay attention to the demands of the female part of the urban population during the years of Khrushchev’s thaw, the ways of the presence of the things experienced (phenomenological) in the average female urban environment are characterized (using the example of the desired and available in the field of perfumery), substantiates connection of the general trend of medicalization of the sphere of care for the female body and the beauty industry, ways of maintaining bodily cleanliness and well-groomed appearance.

Key words: anthropology of corporality, women, gender, body hygiene, Stalin-grad/Volgograd, female ego-documents, Khrushchev thaw, USSR in 1950s — 1960s

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-28-01428 “Women’s history as the basis of Russian social optimism (non-capital urban everyday life of the middle of the 20th century)”.

For citation: Pushkareva, N. L., Bogdashina, I. V. (2022) “Luchshee ukrashenie zhenshchiny — chistota”: (Normy i praktiki ukhoda za telom v pamiati zhitel’nit nestolichnogo sovetskogo goroda 1950—1960-kh gg.) [“The best adornment of a woman is cleanliness”: (Norms and practices of body care in the memory of residents of a non-capital Soviet city in the 1950s — 1960s)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 119—133.

Насколько эвристически полезна гендерная антропология тела и телесного для российской женской истории, если история средств женской гигиены была десятилетиями обесценена насмешками и невозможностью говорить о ней вслух? Каков был путь от табу к бережным и безопасным средствам ухода и когда общество сочло возможным помочь женщинам в их заботе о себе? Обращение к этим темам стало возможным в рамках нынешнего антропологического поворота в исторической науке [Гавришина, 2004].

Вопросы женской гигиены были в России темой, столетиями закрытой для обсуждения: в отличие от плодоизгнания она не фиксировалась ни в нарративах, ни в нормативах. В древнерусских сборниках епитимий X—XVII вв. никаких наказаний, касающихся нечистоплотности женщин, не найти [Пушкарева и др., 2021]; в древних лечебниках, генерализовавших знания о способах укрепления фертильности, защиты от инфицирования женской половой сферы, подобного рода информации не содержалось, хотя банные традиции упоминались [Агапкина, 1996]. Первые попытки снять запрет с ранее табуированной темы в отношении женской гигиены отмечены на рубеже XIX—XX вв. [Гильденбрандт, 1909], когда тема женской физиологии немного приоткрылась в публичном дискурсе [Кон, 2010]. Вторым прорывом стали 1920-е гг.; революционный вихрь сломал многие черты старого быта, хотя как раз женские гигиенические стандарты и были укоренены в представлениях, бытовавших на протяжении многих веков, и казались вечными. Общая тенденция медиализации тех сторон женской жизни, которые были связаны с деторождением, как и идея чистоты, сыграла не меньшую роль в изменении отношения к женскому телу, чем понятие «новый быт» [Пушкарева, Пушкарев, 2007]. Дисциплинирующее значение гигиенической нормы, сформулированной в различного рода медицинских рекомендациях, оказалось теснейшим образом связанным с системой властных отношений государства, строящего социализм. Формирование и поддержание гигиенического стандарта было возможным благодаря медицинскому контролю — и он стал ведущей тенденцией, определявшей отношение к женской гигиене и женскому телу на десятилетия [Дуглас, 2000].

Обращаясь ко второму послевоенному десятилетию, мы ставим целью выяснить, как менялось отношение общества и власти к интимным сторонам женского быта — уходу за своим телом, кожей, волосами, ведь это был период создания новых условий городской жизни (с медленным появлением отдельных квартир, оборудованных ванными комнатами), период усиления секулярных и индивидуалистических ценностей, больших возможностей для ухода за собой и заметной унификации быта (по крайней мере в городах), более внимательного отношения к частной сфере жизни людей [Гусарова, 2011]. Поскольку же именно женщины всегда были восприимчивее к социальным требованиям и их положение сильнее зависело от соблюдения последних, постольку мы ставим задачей осмыслить сохранившиеся именно в женской памяти практики, относящиеся к условиям обыденной жизни, не осознаваемым как продукт социокультурных взаимодействий и выступавшим в качестве самоочевидных.

Обнаружив в одном из документохранилищ женский дневник с подробным описанием жизни Сталинграда/Волгограда в годы «оттепели» [Пушкарева, Богдашина, 2021], мы решили дополнить сохраненную в нем информацию

воспоминаниями жительниц города, хорошо помнящих время, когда осуществление каждодневных гигиенических практик обрело новую ценность. С одной стороны, она была связана с нормами опрятности, налагаемыми культурой общения в условиях нормализовавшегося послевоенного быта, с другой — с медицинскими рекомендациями, размножаемыми ежегодно переиздаваемым с 1957 г. томом «Домоводства» и женскими журналами («Работница», «Крестьянка», реже — «Советская женщина»). «Домоводство» и журналы были известны буквально в любом нестоличном городе, оставаясь доступным (а зачастую и единственным) источником информации о гигиене женского тела и желаемом оснащении дома для осуществления предписанных гигиенических действий (холодное и горячее водоснабжение, наличие душа в квартире или посещение общественных бань).

Первым шагом помощи сталинградкам в их нелегком быту стало постановление горкома от 30 октября 1953 г. «О состоянии банно-прачечного хозяйства», положившее начало массовым проверкам общественных бань. Квартиры с ванными комнатами были тогда лишь у немногих при всем стремлении скорейшим образом газифицировать дома и обеспечить их хотя бы газовыми колонками. «Неоперативная работа» коммунальных служб и отсутствие финансирования влекли за собой срыв прежде намеченных сроков банного строительства [ЦДНИВО]. Проблемы с водоснабжением обострились летом, когда вода расходовалась на полив огородов собственниками частных домов. В 1963 г. в подаче воды все еще случались перебои, на верхних этажах невозможно было помыться, и не только в Красноармейском (окраинном), но и в центральных районах города [ГАВО, ф. Р-71, оп. 4, д. 160, л. 15—16]: «И свет был, и газ был, но всегда были проблемы с водой: у нас этаж был 5-й, в летний период часто воды не было, и мы все время держали ванну воды»; «Мы летом всегда в баню ходили. У нас в Красноармейском (она и сейчас стоит) — Красная баня... посещали раз в неделю, вся семья ходила — я с мамой, брат с папой, потому что не было горячей воды. Даже когда ее дали, мы все равно долгое время ходили в баню» (прил., 23).

Новые многоквартирные дома города имели центральный водопровод; в частных же обычно никакой воды не было, женщинами писались жалобы («стирка белья женщинам нашего города причиняет много хлопот»)¹. Спустя годы о неудобствах того времени вспоминали буднично: «Воду носили с колонки, вручную, коромысла не было, кипятили. Купались примитивно. Только в 1970-е гг. — уже на квартире были с газовой колонкой — проблема исчезла»; «Воду носили с колонки, грели в больших кастрюлях, мылись в корытах»; «Воду носили с колонки и грели, а потом провели газ»; «Ходили за водой на колонку, воду грели и в тазиках подмывались ежедневно. Летом у нас был душ, бочка с водой стояла во дворе. Водопровод в дома нашей улицы провели лишь в конце 1960-х» (прил., 11, 17, 26, 24).

Адаптивность к бытовым лишениям сформировала привычки горожанок на долгие годы; касалось это и чистоты телесной, и стирки одежды и постельного белья. При отсутствии горячей воды и прачечных поблизости ручная стирка одеял отнимала женские силы и время, женщину-хирурга лишала чувствительности пальцев: «Стирала ватное одеяло, вышло более 10 ведер воды» (1952 г.);

¹ Солохина Е. Еще раз о прачечных // Сталинградская правда. 1952. 23 августа (№ 200).

«День начала со стирки: сняла чехол с матраца, лет 5 он не стирал, наверно. Плотное толстое, с непривычки кончики пальцев прямо горели» (1958 г.); «Вчера весь день не было воды, опять авария где-то. Пришлось сегодня рано встать, набрать воды и успеть прокипятить белье» (1965 г.; первое обращение к услугам прачечной отмечено в дневнике в 1969 г.) [ГАВО, ф. р-6880, оп. 6, д. 14, л. 66; д. 22, л. 7; д. 31, л. 262; д. 35, л. 101].

В начале 1960-х гг. в многотысячном городе имелось всего 9 прачечных, в 1969 г. их стало 30, но и это был мизер, да и качество стирки заставляло женщин стирать дома [Народное хозяйство... , 1973: 243]. Проверяющие работу прачечных отмечали, что в них часто «грязное белье имеет полный контакт с чистым бельем», «грязно, раствора хлорной извести нет», «стиральные машины рвут белье» [ГАВО, ф. р-6820, оп. 1, д. 57, л. 4—6]. На покупку собственной, даже самой примитивной стиральной машины решались не все, были дороги и порошки, и сами машины: «Машинку мы купили ближе к семидесятым! Я же помню выварку — ручная стирка тяжела была, а времени у мамы особо не было» (прил., 23). «Белье стирали вручную, кипятили, а летом-то очень жарко кипятить. Доставали по благу порошки — “Астра” и “Дон”»; «Стиральную машину позже купили, с центрифугой, в семидесятые... А так мы с мамой, помню, в ванну замочим белья и стираем, стираем» (прил., 17, 13).

Нормативы опрятности требовали частых стирок; дело это было исключительно женским, иногда матерям помогали дочери, помощь мужей была редкостью, ценилась. Самую тяжелую операцию (отстирывание от пятен) выполняли женщины, мужья могли помочь с доставкой воды, полосканием и развешиванием, но чаще — с глаженьем белья [ГАВО, ф. р-6880, оп. 6, д. 31, л. 72 об., 62; д. 32, л. 2, 158; д. 33, л. 15].

Огромное разочарование сталинградкам/волгоградкам приносила невозможность толком помыться не только в пределах дома, но даже в районе проживания. Хирург З. С. Седельникова, переехавшая в Сталинград из Ульяновска в 1951 г., поначалу мылась в бане в соседнем районе города и записала, что приходилось «на поездку тратить уйму времени», замерзая в холодном транспорте по дороге домой [там же, д. 13, л. 113, 154 об.]. По словам респонденток, баня рядом с домом, а тем более ванная комната в квартире казались роскошью. К знакомым и друзьям, которые располагали собственной ванной с горячей водой, напрашивались помыться и постирать [там же, л. 169; д. 17, л. 107]. Среди записей в женском дневнике 1955 г. имеются брезгливые заметки бывшей ленинградки: «Какой кошмар в общей бане! Чужие лица и глаза, грязные и скользкие полы. Противно до крайности. Вымылась за 18 минут и выскочила бегом» [там же, л. 20]. Спустя время она записала, что выходом стало гостевание у знакомых: «В 1-м часу была дома, а лечь не могла, хотелось принять душ, в бане выходной. Пошли с Д. к Евг. Алексеевне, у них газ и душ. После душа сразу чувствуешь себя бодрее. Когда же у нас будет душ и газ! Все лето рыли вокруг дома, провели трубки и повесили счетчик, но газ обещают лишь к весне» [там же, л. 107]. Спустя месяцы она восхищалась возможностью «устроить банный день» и первой опробовать «элементарные удобства, необходимые каждому культурному человеку дома!» [там же, л. 153]. Далеко на второй план ушли ее волнения по поводу проживания в коммунальной квартире, хотя новое удобство ей еще не один год нужно было делить с соседями.

Даже коммунальных квартир с ванными и горячей водой в городе было немного. Частым способом обеспечить банные процедуры являлось устройство в индивидуальных домах дровяных водогреек, именовавшихся «титаны»: «Ходили в баню, ведь дома надо было топить титан, это было сложно, он представлял собой металлическую колонну, топились дровами, детям такую топку не доверяли» (прил., 20). Иногда в домах строили и свои бани (прил., 10, 9, 19), а в зимнее время тайно брали воду из системы отопления (прил., 23).

Неудобным, времязатратным, но привычным способом оставалось согреть воду на печи/плите для «подмывания в тазике/корыте» с помощью молочной бутылки с широким горлом, что, по словам женщин, не заменяло полноценного мытья [там же, д. 25, л. 3 об.] (прил., 7, 17, 18, 24, 26); «Так, чтобы каждый день купаться — такого не было, это пришло со временем. Не приучены мы были, мама у меня из деревни. Запахи мы не замечали, хотя у меня сильно потели подмышки, я мыла их мылом, но полностью не выкупывалась» (прил., 13). Мытье в общественных банях было чревато болезнями (педикулез, женские инфекции, грибок). И все же все вспоминавшие отмечали еженедельность помывок («купались раз в неделю, в четверг, полностью купались и голову мыли») и некую особенную общность, которую формировали женские банные процедуры (прил., 17, 21). «Основная масса купалась в бане, там была парикмахерская и буфет, где можно было попить чай из самовара. Наша соседка тетя Леля ходила в Белую баню и всегда обращалась к мужу с просьбой дать ей денег на чай. Баня стоила 16 копеек, а чай попить 5 копеек, и муж ей на чай не всегда давал, ее это очень обижало», — вспоминает респондентка (прил., 20).

Таким образом, женские эго-документы позволили представить, насколько сильно влияло коммунально-бытовое обустройство города на осуществление гигиенических практик, с какими лишениями и трудностями приходилось сталкиваться каждый день и что становилось привычкой на многие годы вперед. Никакие газеты и журналы это не зафиксировали. Зато они формировали гигиенические стандарты, и советам, размещенным в прессе, старались следовать. В частности, то же «Домоводство» советовало не пользоваться хозяйственным мылом в косметических целях, но в нестоличном городе другое в 1950-х гг. было подчас нелегко найти. Даже волосы часто мыли хозяйственным (прил., 12, 7, 21, 5, 4, 15, 24, 3), но старались найти туалетное и детское (6, 24, 25) — таким был нехитрый выбор. Многие отметили: «шампуня не было», он стал доступен лишь во второй половине 1960-х гг. (прил., 12, 6, 11, 10, 7, 22, 5, 4, 24, 2, 21, 23, 17, 9 и др.). Чтобы смягчить волосы после употребления хозяйственного мыла, женщины прибегали к рекомендованным «Домоводством» растворам — отвару ромашки, слабо подкисленному уксусом и лимонной кислотой, укрепляли корни волос луковым соком, упоминалась заменявшая мыло древесная зола (прил., 19, 17, 4, 13, 11 и др.). На мытье тела предпочитали расходовать хозяйственное мыло, а на умывание лица — туалетное. Женщины, рожденные в 1950-х гг., вспоминают только туалетное мыло и детское (прил., 21, 22, 23, 24 и др.). При этом журнал «Работница» задавал иные стандарты: «Кожа требует тщательного ухода, и самое лучшее средство — соблюдение гигиены: необходимо ежедневно мыться до пояса, не реже раза в неделю принимать душ, ванну или ходить в баню»².

² Трубицин А. У косметики нет секретов // Работница. 1960. № 3. С. 30.

Обеспечить всех женщин нужным количеством туалетного мыла было нелегко, да и журнал рекомендовал в 1960-х гг. мыть жирные волосы «не чаще раза в неделю», сухие раз в 10—12 дней, «пользуясь жидким мылом или мыльной пеной», смазывая их время от времени репейным или касторовым маслом³. Слово *шампунь* ни в одном издании «Домоводства» не упомянуто. Если волосы портились от мыла, это руководство велело промывать шевелюру яичными желтками.

В обстоятельствах коммунальной скученности заниматься таким уходом за собой было почти невозможно, и респондентки ничего подобного в прожитой жизни не вспоминали. Собственная комната была единственным пространством для ухода за телом, совершения же интимного туалета при муже женщины стеснялись: «Жить в одной комнате — это кошмар, если рядом мужчина! Это же элементарная пошлость — совершать туалет на глазах мужа! Вот откуда идет простота нравов и пошленькое отношение к женщине. Многие ли имеют приличную квартиру?» [ГАВО, ф. р-6880, оп. 6, д. 20, л. 210].

Детали женской гигиены были тщательно скрываемы от всех родственников; базовые знания передавались матерями: «Я в пятом классе была, маме рассказала, она меня привела в ванную, дала марлю. Я знала, что у меня *это* должно было быть, мы же общались со сверстницами, я нормально к этому отнеслась. Мама мне все показала, это были старые простыни и марля, и это все стиралось. Сразу надо было застирать-замочить, потом стирать в “Белизне”, потом кипятить. Я все делала сама, чтобы никто не видел. Замачивала в горшке (от брата остался горшок, эмалированный, с крышкой) — в горшок клала и под ванну задвигала, чтобы и мама не видела» (прил., 23).

В общедоступных газетах и журналах никаких вариантов решения вопроса о ежемесячной женской гигиене не публиковалось: табуированность темы подкреплялась ее обесцениванием в профанной речи, терминах («протекла»), анекдотах. В медицинской литературе проскальзывали упоминания употреблявшихся за рубежом с конца XIX в. гигиенических поясов, а с 1921 г. и прокладках, но в СССР их производить не собирались и рекомендации в «женских» изданиях сводились к подчеркиванию важности кипячения белья как способа борьбы с инфекциями [Вам, девушки, 1961: 37—38; 1965: 45—46]. «Домоводство», имевшееся тогда чуть ли не в каждом доме, эту информацию умещало в нескольких строчках [Домоводство, 1956: 11; 1960: 112; 1965: 112], требуя использовать для подмываний только кипяченую (!) воду с мылом и делать это дважды в день. «Необходимо носить повязки. Делают их из ваты, обернув ее марлей, или из мягкой чистой материи», — утверждалось в медицинской брошюре [Майзель, 1962]. Опрошенные нами упомянули книгу 1965 г. «Девочка, девушка, женщина» (тираж — 264 тыс. экз.) [Гранат, Матвеева, 1965] (прил., 13, 23), но и в ней очень скупо говорилось о женской гигиене в дни месячных (на региональном уровне книга была переиздана 10 лет спустя тиражом в 200 тыс. и раскуплена мгновенно [Ананьев, 1974]).

Замалчивая тему помощи женщинам в критические дни (термин более поздний), женские журналы 1950—1960-х гг. успешно коммерциализировали тему *красоты* в ее связи с чистотой. Ванн комнаты в домах, наличие больших зеркал в них, изобретение «гигиеничного» облика покатых холодильников

³ Домбровская М. Ухаживайте за волосами // Там же. 1962. № 1. С. 29.

и пылесосов, отражение борьбы за чистоту в лаконичном дизайне мебели — все говорило о растущем влиянии производителей бытовых товаров на массовые представления о чистоте [Forty, 1986].

С ростом женской социальной мобильности и числа горожанок (с 1959 г. городское население численно преобладало над сельским [Попов, 2002]) женские журналы стали помощниками в адаптации женщин к новым условиям городской жизни, в которой привлекательная наружность увеличивала не только брачные, но и карьерные шансы. Немалое значение имело, как ни странно, завершение электрификации некрупных советских городов за счет масштабной программы строительства АЭС в 1956—1960 гг., а вместе с ним — реальное увеличение светового дня. Советы о том, как модно причесаться, ухаживать за лицом, кожей рук неожиданно посыпались со страниц женских периодических изданий и даже массовых газет 1960-х гг. Периодика стала инструментом регламентации женской гигиены и самого облика женщин, исподволь формируя представления о модном типе красоты. «Работница» и «Крестьянка» — главные источники информации об уходе за собой (в особенности за кожей лица) — упоминались всеми опрошенными (прил., 12, 2, 21, 17, 19, 13 и др.), добавившими также «Домоводство» [Домоводство, 1956: 16—26; 1960: 117—132; 1965: 118—135], брошюру «За здоровый быт» [За здоровый быт, 1956: 176—197; 1960: 181—203; 1965: 195—223] и особенно журнал «Здоровье». В нем, начавшем выходить с 1954 г., в рубрике «Советы здоровья» публиковались рекомендации по уходу за кожей лица⁴, волосами⁵, ногтями⁶, ресницами и бровями⁷. Манифестация здоровья и здоровой чистоты была главной темой идеологических запросов и требований к строительницам нового общества, питательные кремы и маски на основе отваров из натуральных трав противопоставлялись химическим завивкам и зарубежному макияжу: «Красивым может быть только здоровый человек, одновременно с заботой о внешности нужно заботиться и о здоровье»⁸.

Но проникавшие даже из-за железного занавеса модные тенденции, в том числе и на химическую завивку, были сильнее доводов журнала «Здоровье». Одна из волгоградок вспоминала о своей матери: «...ходила в парикмахерскую, делала химическую завивку, проклинала ее, волосы портила сильно» (прил., 16). Огромной заботой женщин был уход за проблемной кожей⁹, советы, касавшиеся

⁴ Тимофеева В. А. Уход за кожей лица зимой // Здоровье. 1955. № 2. С. 30; Поликарпова М. Г. Уход за жирной кожей лица // Там же. № 6. С. 29; Ее же. Как ухаживать за пористой кожей // Там же. 1956. № 12. С. 28; Гусарова А. С. Крем с витамином А // Там же. 1959. № 10. С. 29; Драновская Л. А. Для жирной кожи лица // Там же. 1963. № 9. С. 31.

⁵ Демьянович М. П. Уход за волосами // Там же. 1955. № 8. С. 29; Ласс Д. И. Берегите волосы // Там же. 1956. № 6. С. 31; Поликарпова М. Г. О химической завивке волос // Там же. 1959. № 12. С. 29; Гусарова А. С. Берегите волосы // Там же. 1961. № 8. С. 28; Рохкинд С. Е. Как ухаживать за волосами // Там же. 1965. № 5. С. 30.

⁶ Розентул Л. М. Уход за ногтями // Там же. 1956. № 5. С. 31.

⁷ Кольгуненко И. И. Уход за бровями и ресницами // Там же. № 10. С. 32.

⁸ Никкель Е. Г. Книжная полка // Там же. 1963. № 7. С. 29.

⁹ Назарова Т. Как выводить угри // Работница. 1955. № 9. С. 32; Поликарпова М. Как удалить угри // Крестьянка. 1961. № 2. С. 30—31; Кольгуненко И. Уход за лицом // Работница. 1963. № 9. С. 30.

акне, не печатались разве что в журнале «Советская женщина» (в нем не было и «разоблачительных» статей о вреде декоративной косметики, химической завивки и осветления волос). Другие же журналы, и в особенности «Крокодил», очень часто подвергали все, что касалось западных трендов женской моды, осмеянию¹⁰.

Общим вектором публикаций, связанных с формирующейся советской индустрией женской красоты, стал призыв к сокращению косметических средств и процедур, что было обусловлено слабой доступностью этого вида услуг, включая парикмахерские и косметические салоны. Даже в крупном областном центре сами идеологи нового быта создавали противоречие, призывая женщин быть красивыми, следить за собой и в то же время характеризуя средства, призванные это осуществить, как вредоносные либо открыто признавая их недоступными вдалеке от столиц. С одной стороны, именно в начале 1960-х гг. в крупных городах страны стали возникать косметические кабинеты, с другой — нравоучительные брошюры, обращенные к женщинам, подчеркивали, что «не все имеют время и возможность посещать» их (в том числе по причинам финансовым), да и самих кабинетов пока «еще недостаточное количество»¹¹: «На улице Советской была одна-единственная косметическая лечебница в городе, и это не популяризовалось. Я обращалась туда, когда училась, в конце 1960-х годов, ходила на чистку лица и делала маски. Все это было платно, в отличие от остальной медицины» (прил., 20).

И «Домоводство», и женские журналы активно популяризировали возможность изготовить косметические новинки самостоятельно, ведь для этого не требовались денежные траты, а из произрастающих лечебных трав полезные отвары было «легко приготовить в домашних условиях»¹². Многие опрошенные нами женщины отметили, что вообще «косметикой не пользовались» или «пользовались очень мало» (прил., 2, 13, 22, 5, 8, 1, 23, 25). Этому способствовали общая нацеленность на простоту и умеренность как привычка, сформированная женщинами старшего поколения, недоступность косметических средств, нормы общественного воспитания. В школе учителя не разрешали девочкам краситься, могли проявить насилие в отношении тех, кто этим неписанным правилом пренебрег: «Одна девочка пришла накрашенная, учительница ее умывала»; «У сестры в классе одна девочка наредила ресницы тушью, и учительница сказала: “Иди умойся и тогда зайдешь в класс”»; «В десятом классе у девушек ногти обязательно должны были быть острижены и не накрашены. Директриса сама стояла у входа и проверяла руки»; «Когда у нас начались вечера, мне так хотелось ресницы накрашивать, и я помню, на вечер пришла и подкрасила чуть-чуть, и... вся

¹⁰ См., напр.: Широкий кругозор / рис. В. Васильева // Крокодил. 1953. 10 сентября. (№ 25); Машикллейсон Л. Н. Болезни моды // Здоровье. 1960. № 3. С. 26—27; Трубицин А. Указ. соч.; Последите за собой, пожалуйста! // Работница. 1960. № 7. С. 31; Маршак Я. Кое-что о косметике // Там же. 1962. № 4. С. 31; Семенова Е. Косметическое поветрие // Там же. 1962. № 8. С. 30.

¹¹ Маршак Я. Косметика для всех // Работница. 1961. № 3. С. 31.

¹² См., напр.: Кольгуненко И. Уход за кожей лица и рук // Советская женщина. 1955. № 2. С. 45; Розентул Л. М. Как вывести веснушки // Здоровье. 1955. № 3. С. 29; Назарова Т. О веснушках // Работница. 1955. № 3. С. 31.

школа узнала, что кто-то нарисовал ресницы. Это был школьный вечер, восьмой класс, конец 1960-х годов» (прил., 25, 26, 19, 23). Однако девушки продолжали краситься наперекор запретам: «Я красилась, мама со мной ругалась, в печку прятала все»; «...мама прятала пудру от меня»; «...побелкой со стен замазывали лицо, а румяна делали красным графитным карандашом» (прил., 3, 24).

Жившие вдалеке от Москвы, Ленинграда, Казани женщины честно сказали, что «в моде была такая помада, которую можно было купить»: «Говорили, привезли в “Первый” помаду, и все бежали. Что привозили, то и покупали. Хотя на женщинах видели помаду разного цвета» (прил., 20). Статусные женщины зрелого возраста макияжа стеснялись, 42-летняя автор дневника записала: «В шутку в клинике покрасила губы коралловой помадой. Все товарищи ахнули. Зиночка похорошела! А я тут же сняла помаду. Не привыкла, так лучше» [ГАВО, ф. р-6880, оп. 6, д. 27, л. 77]. Хотя большинство женщин, по их словам, «мало пользовались косметикой», у каждой имелись тушь, пудра и помада для особых случаев (прил., 11, 7, 5, 3, 15 и др.). Одна из респонденток рассказала о пудренице, подаренной отцом: «Была куплена, когда я заканчивала институт. Папа купил мне, я особенно не увлекалась косметикой, но ее храню, подарю внучке» (прил., 8).

Посещения парикмахерских именно во вторую послевоенную декаду стали чертой женского вне рабочего быта. Не все салоны отличались чистотой, санитарные проверки нередко выявляли, что и «дезинфицирующего раствора нет», и «за шкафами в рабочих столах грязно» [ГАВО, ф. р-6820, оп. 1, д. 57, л. 6], но мода на химические завивки и укладки превратила посещения парикмахерских в непременную часть обыденности. После сделанного перманента (долгосрочная укладка волос)¹³ (прил., 10, 5, 16) [ГАВО, ф. р-6880, оп. 6, д. 21, л. 159; д. 27, л. 127; д. 31, л. 174; д. 32, л. 173] женщины там же красили ногти (прил., 6, 21), чернили ресницы и брови (прил., 11, 7, 3, 25) [там же, д. 27, л. 52 об.]. К концу 1960-х гг. женщины уже приносились окрашивать волосы в домашних условиях красящими шампунями, но завивку сделать дома без посторонней помощи было трудно [там же, д. 35, л. 42, 107]. Иное дело — уход за ногтями, некоторые из респонденток обратили внимание на то, что маникюрными принадлежностями пользовались годами: «Я купила маникюрный набор, когда училась в десятом классе, себе и своей подруге, у нее был день рождения. Вот и сейчас он у меня лежит» (прил., 8).

Уходовая косметика была самой примитивной, зато названия кремов помнятся многим — их было мало: «Березовый», «Метаморфоза», «Ромашковый». Многие, будто следуя журнальным советам¹⁴, делали сами маски из огурца, бадяги, сметаны, сливочного масла (прил., 20, 19, 21, 22, 14, 3, 8, 23), а для увлажнения — настоем аптечной ромашки (прил., 17, 13). Самой распространенной косметической процедурой вне дома были окраска волос и чернение ресниц и бровей [там же, д. 27, л. 52 об.; д. 33, л. 12].

¹³ Поликарпова М. Г. О химической завивке волос.

¹⁴ Ласс Д. И., Поликарпова М. Витаминные маски // Советская женщина. 1959. № 7. С. 48; Поликарпова М. Чтобы не было морщин // Там же. 1960. № 1. С. 37; Маршак Я. Косметика для всех // Работница. 1961. № 3. С. 31; Тимофеева В. Маски из трав и овощей // Советская женщина. 1961. № 1. С. 29; Гусарова А. С. Витаминизированные лосьон и крем «Утро» // Здоровье. 1961. № 3. С. 31.

С довоенных еще времен важное место в жизни женщин занимала парфюмерия. Названия духов и одеколонов респондентки помнят до сих пор — «Гвоздика», «Сирень», «Красные маки», «Быть может», «Серебристый ландыш», «Родной Ленинград», «Красная Москва» (прил., 24, 2, 7, 17, 19, 14, 13 и др.). Не все из перечисленных ароматов были доступны в Сталинграде/Волгограде: «Красная Москва» — элитная парфюмерия, как правило, на подарок. У моей сестры был столик перед зеркалом, полно духов, у кого были деньги — все было»; «У мамы были духи “Красная Москва” — экспортный вариант, на экспорт они были другие, шикарные, за ними все гонялись; когда мамы не было, я брала понюхать»; «Духи “Красная Москва” были дорогие, можно купить, но дорого, покупали в маленьком размере» (прил., 11, 25, 6).

Духи были желанным подарком для каждой женщины [там же, д. 18, л. 216; д. 23, л. 27; д. 24, л. 92; д. 26, л. 7], автор дневника (хирург) подробно рассуждала о том, что одеколон «Магнолия» — это «запах свежести», что одеколоны «Жасмин», «Сирень», «Гвоздика» — «резки и нестойки», а вот одеколон «В полет» — «один из хороших, пахнущих свежестью полевых цветов ранним утром». Самыми любимыми духами ее были даже не «Красная Москва», а «подарочная “Белая сирень”» («Но они очень дорогие, я берегу!» — записала она в 1952 г.) [там же, д. 14, л. 129 об.]. Ароматы в те годы были прочно включены в социальные «ритуалы потребления» и в силу различий в цене явно использовались для выстраивания социальных иерархий. Но женская память сохранила историю желанного и временами доступного из только что проанализированной «сферы необязательного», делающего женскую жизнь радостней (к этой сфере относятся ароматы: они не жизненно необходимы). Журналы и нравоучительные брошюры не осуждали использование парфюмерных изделий, но на первое место все же не уставали выдвигать требование чистоты. Гигиенические процедуры объявлялись естественной надобностью, при этом исподволь постулировалась необходимость быть под постоянным контролем медицинской системы, беспрекословно выполнять советы специалистов в случае проблем с кожей, волосами, больше опираться на медицинское знание, реже — на советы родственников.

Изучение форм интеграции предлагаемых (а зачастую и навязываемых) форм ухода за собственным телом (в частности, преувеличенное значение борьбы с инфицированием путем кипячения) в нужные идеологам рамки противопоставления красоты здоровья «искусственной красоте», создаваемой индустрией модельного конструирования телесного совершенства, предстало составляющей общей программы разделения тогдашнего мира на «мы» и «они». Гендерный аспект темы позволил лишь высветить эти проблемы более ярко. С одной стороны, нужного количества парфюмерной и гигиенической продукции на всех не хватало. С другой — эту нехватку рекомендатели старались изобразить *особенностью*, направляя на использование подручных нехитрых средств и объявляя их лучшими в сравнении с зарубежным изобилием. Краткий абрис истории все большего увлечения советских женщин заботой о красивой коже, стрижками с химической завивкой, заметным макияжем, парфюмерными продуктами убедил в предположении, что этот процесс был связан (как и везде в мире) [Peiss, 1998] с новым этапом урбанизации, освоением женщинами публичного пространства, увеличением количества времени, проводимого горожанками вне дома. Политическое значение

практик ухода за собой, сообщаемых женскими журналами и «Домоводством», заключалось в уравнивании возможностей женщин, принадлежащих к разным социальным слоям, а зачастую и разным этническим группам, проживавшим в полиэтничном регионе Нижнего Поволжья.

Список источников

- Агапкина Т. А.* Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре / сост. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996. С. 103—150.
- Ананьев Я. М.* Девочка, девушка, женщина. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1974. 111 с.
- Вам, девушки / сост. О. В. Коробкевич. М.: Медгиз, 1961. 272 с.
- Вам, девушки / сост. О. В. Коробкевич. М.: Медицина, 1965. 287 с.
- ГАВО (Государственный архив Волгоградской области).
- Гавришина О. В.* Повседневность во множественном числе // Объять обыкновенное: повседневность как текст по-американски и по-русски. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 11—18.
- Гильденбранд А. И.* Мир половых страстей. СПб.: Электронпечатня К. А. Четверикова, 1909. 116 с.
- Гранат Н. Е., Матвеева Е. Е.* Девочка, девушка, женщина. М.: Знание, 1965. 63 с.
- Гусарова К. О.* Лучшее украшение женщины и гигиенический прогресс // Теория моды: одежда, тело, культура. 2011. № 19. С. 115—119.
- Домоводство / сост. А. А. Демезер, М. Л. Дзюба. М.: Сельхозгиз, 1956. 246 с.
- Домоводство / сост. А. А. Демезер. М.: Сельхозгиз, 1960. 792 с.
- Домоводство / сост. А. А. Демезер. М.: Колос, 1965. 786 с.
- Дуглас М.* Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 288 с.
- За здоровый быт: сборник лекций / О-во по распространению полит. и науч. знаний РСФСР, Ленингр. отд-ние. Л.: [б. и.], 1956. 200 с.
- За здоровый быт: сборник лекций / О-во по распространению полит. и науч. знаний РСФСР, Ленингр. отд-ние. Л.: [б. и.], 1960. 274 с.
- За здоровый быт: сборник лекций / о-во «Знание» РСФСР, Ленингр. организация. Л.: [б. и.], 1965. 400 с.
- Кон И. С.* Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. 606 с.
- Майзель Е. П.* Гигиена половой жизни женщины. Л.: Медгиз, 1962. 20 с.
- Народное хозяйство Волгоградской области (1966—1971). Саратов: Союзучетиздат, Саратов. отд-ние, 1973. 289 с.
- Попов Р. А.* Количественная характеристика урбанизации регионов России во второй половине XX в. // Известия РАН. Сер.: География. 2002. № 1. С. 49—56.
- Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В.* Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950—1960-х гг. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 93—104.
- Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А., Белова А. В.* Сметая запреты. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 504 с.
- Пушкарева Н. Л., Пушкарев А. М.* Ранняя советская идеология 1918—1928 годов и «половой вопрос» // Советская социальная политика 1920-х — 1930-х годов / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант: Центр соц. политики и гендер. исслед., 2007. С. 199—228.

ЦДНДВО (Центр документации новейшей истории Волгоградской области). Ф. 71.
Оп. 21. Д. 40. Л. 21.

Forty A. *Objects of Desire*. London: Thames and Hudson, 1986. 245 p.

Peiss K. *Hope in a Jar: the Making of America's Beauty Culture*. New York: Metropolitan Books, 1998. 352 p.

References

- Agapkina, T. A. (1996) Slavianskie obriady i verovaniia, kasaiushchiesia menstruatsii [Slavic rituals and beliefs related to menstruation], in: *Seks i erotika v russkoï traditsionnoï kul'ture*, Moscow: Ladomir, pp. 103—150.
- Anan'ev, Ia. M. (1974) *Devochka, devushka, zhenshchina* [Girl, girl, woman], Volgograd: Nizhnevolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Domovodstvo* (1956) [Housekeeping], Moscow: Sel'khozgiz.
- Domovodstvo* (1960) [Housekeeping], Moscow: Sel'khozgiz.
- Domovodstvo* (1965) [Housekeeping], Moscow: Kolos.
- Duglas, M. (2000) *Chistota i opasnost': Analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu* [Purity and danger: An analysis of defilement and taboo ideas], Moscow: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole.
- Forty, A. (1986) *Objects of Desire*, London: Thames and Hudson.
- Gavrishina, O. V. (2004) Povsednevnost' vo mnozhestvennom chisle [Everyday life in the plural], in: *Ob'iat' obyknovennoe: Povsednevnost' kak tekst po-amerikanski i po-russki*, Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 11—18.
- Gil'denbrandt, A. I. (1909) *Mir polovykh strastei* [World of sexual passions], St. Petersburg: Ëlektropechatnia K. A. Chetverikova.
- Granat, N. E., Matveeva, E. E. (1965) *Devochka, devushka, zhenshchina* [Girl, girl, woman], Moscow: Znanie.
- Gusarova, K. O. (2011) Luchshee ukrashenie zhenshchiny i gigienicheskiï progress [The best adornment of a woman and hygienic progress], *Teoriia mody: Odezhda, telo, kul'tura*, no. 19, pp. 115—119.
- Kon, I. S. (2010) *Klubnichka na berëzke: Seksual'naiia kul'tura v Rossii* [Strawberry on a birch: Sexual culture in Russia], Moscow: Vremia.
- Maïzel', E. P. (1962) *Gigiena polovoï zhizni zhenshchiny* [Hygiene of a woman's sexual life], Leningrad: Medgiz.
- Narodnoe khoziaïstvo Volgogradskoi oblasti (1966—1971)* (1973) [National economy of the Volgograd region (1966—1971)], Saratov: Soiuzuchëtizdat, Saratovskoe otdelenie.
- Peiss, K. (1998) *Hope in a Jar: The Making of America's Beauty Culture*, New York: Metropolitan Books.
- Popov, R. A. (2002) Kolichestvennaia kharakteristika urbanizatsii regionov Rossii vo vtoroi polovine XX v. [Quantitative characteristics of the urbanization of Russian regions in second half XX c.], *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk, seriia Geografiia*, no. 1, pp. 49—56.
- Pushkareva, N. L., Bogdashina, I. V. (2021) Istochniki lichnogo proiskhozhdeniia po istorii zhenskoï sovetskoi provintsial'noi povsednevnosti 1950—1960-kh gg. [Personal provenance sources on the history of provincial daily life of Soviet women in the 1950—1960s], *Vestnik arkhivista*, no. 1, pp. 93—104.
- Pushkareva, N. L., Mitsiuk, N. A., Belova, A. V. (2021) *Smetaia zaprety* [Sweeping prohibitions], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Pushkareva, N. L., Pushkarev, A. M. (2007) Ranniaia sovetskaia ideologiia 1918—1928 godov i “polovoĭ vopros” [Early Soviet ideology of 1918—1928 and the “sexual question”], in: Romanov, P., Iarskaia-Smirnova, E. (eds), *Sovetskaia sotsial’naia politika 1920-kh — 1930-kh godov*, Moscow: Variant, Tsentr sotsial’noĭ politiki i gendernykh issledovaniĭ, pp. 199—228.
- Vam, devushki* (1961) [To you, girls], Moscow: Medgiz.
- Vam, devushki* (1965) [To you, girls], Moscow: Meditsina.
- Za zdorovyĭ byt: Sbornik lektsiĭ* (1956) [For a healthy life: A collection of lectures], Obshchestvo po rasprostraneniuiu politicheskikh i nauchnykh znaniĭ RSFSR, Leningradskoe otdelenie, Leningrad: [s. n.].
- Za zdorovyĭ byt: Sbornik lektsiĭ* (1960) [For a healthy life: A collection of lectures], Obshchestvo po rasprostraneniuiu politicheskikh i nauchnykh znaniĭ RSFSR, Leningradskoe otdelenie, Leningrad: [s. n.].
- Za zdorovyĭ byt: Sbornik lektsiĭ* (1965) [For a healthy life: A collection of lectures], Obshchestvo “Znanie” RSFSR, Leningradskaia organizatsiia, Leningrad: [s. n.].

Приложение

Полевые материалы авторов, г. Волгоград

1. М. Ф., 1932 г. р. (учительница), запись 13.09.2020.
2. М. П., 1933 г. р. (продавец), запись 20.05.2019.
3. Н. Ф., 1933 г. р. (швея на фабрике), запись 24.08.2019.
4. Р. А., 1935 г. р. (работница завода), запись 05.05.2019.
5. Л. В., 1936 г. р. (медсестра), запись 10.11.2019.
6. И. В., 1937 г. р. (бухгалтер), запись 16.06.2019.
7. Н. В., 1938 г. р. (учительница), запись 06.09.2019.
8. Л. И., 1939 г. р. (учительница), запись 26.08.2020.
9. Т. Г., 1940 г. р. (продавец), запись 20.09.2019.
10. Н. П., 1941 г. р. (лаборантка), запись 31.08.2019.
11. Н. А., 1942 г. р. (учительница), запись 26.06.2019.
12. А. Д., 1943 г. р. (воспитательница), запись 19.05.2019.
13. Е. В., 1944 г. р. (секретарь), запись 15.03.2020.
14. Г. П., 1945 г. р. (воспитательница), запись 14.05.2019.
15. Н. Е., 1945 г. р. (работница общепита), запись 17.01.2020.
16. Т. В., 1948 г. р. (преподавательница), запись 02.09.2019.
17. А. И., 1948 г. р. (швея ателье), запись 26.07.2019.
18. Л. Д., 1948 г. р. (работница завода), запись 22.02.2020.
19. Т. М., 1950 г. р. (учительница), запись 22.10.2019.
20. Г. Ю., 1951 г. р. (библиотекарь), запись 29.08.2019.
21. О. В., 1953 г. р. (учительница), запись 30.10.2019.
22. Т. А., 1954 г. р. (преподавательница), запись 27.08.2019.
23. Л. Г., 1954 г. р. (преподавательница), запись 29.01.2021.
24. Н. П., 1956 г. р. (преподавательница), запись 14.10.2019.
25. Л. В., 1956 г. р. (преподавательница), запись 01.10.2019.
26. Л. М., 1958 г. р. (сотрудница общепита), запись 21.01.2021.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Богдашина Ирина Владимировна — аспирантка Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, ira18bogdashina@mail.ru (Post-graduate student at the Center for Gender Studies, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 134–151.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 134–151.

Научная статья

УДК 061.2(4/9)(091)

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.11

**НОВЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕХНОЛОГИИ АWT)
И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В ОПТИКЕ ИДЕЙ РОССИЙСКИХ
АКТИВИСТОК ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ 20-х гг. XX в.
И СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ФЕМИНИСТОК**

Светлана Анатольевна Хмелевская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, xmelevsk@mail.ru

Аннотация. Аргументируя свои идеи, современные западные феминистки нередко апеллируют к науке, которая все больше предлагает технологий, способных существенным образом повлиять на гендерные отношения и приблизить, как они полагают, общество к полному гендерному равенству. В качестве примера в статье приводится технология АWT, которая сейчас активно разрабатывается в ряде научных центров. Ее суть в создании экзомба — искусственной утробы, в которой эмбрион/плод может нормально развиваться вне тела матери. Современные западные феминистки усматривают в этой технологии путь, ведущий к равному распределению репродуктивных ролей, что, по их мнению, является биологической основой гендерного равенства. Автором транслируются схожие идеи, высказанные российскими активистками женского движения в 20-х гг. XX в., при этом учитывается, что они были сформулированы в особом историческом и социальном контексте (в частности, в связи с необходимостью формирования «нового» человека, активного включения женщин в коммунистическое строительство, устранения гендерного неравенства). Для обоснования этого автор использует архивные документы, которые до сих пор не были введены в научный оборот и изучались ею еще в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (сейчас РГАСПИ). В финальной части статьи делаются выводы, раскрывающие некорректность обоснования гендерного равенства на основе репродуктивных технологий. Автор проводит идею, что данные технологии сами могут создавать новые проявления не только гендерного, но и социального неравенства, расставляют ловушки для тех, кто ищет в этих технологиях путь к достижению полного гендерного равенства.

Ключевые слова: идеи российских активисток, женское движение, современные западные феминистки, гендерное равенство, деторождение, репродуктивные технологии, технология АWT, экзомб, распределение репродуктивных ролей, право на репродуктивную автономию

Для цитирования: Хмелевская С. А. Новые репродуктивные технологии (на примере технологии АWT) и гендерное равенство в оптике идей российских активисток женского движения 20-х гг. XX в. и современных западных феминисток // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 134—151.

Original article

CONTEMPORARY REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES
(THE EXAMPLE OF AWT TECHNOLOGY)
AND GENDER EQUALITY IN THE FOCUS OF IDEAS
EXPRESSED BY MODERN WESTERN FEMINISTS
AND RUSSIAN WOMEN'S MOVEMENT ACTIVISTS
IN THE 20s OF THE XX c.

Svetlana A. Hmelevskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, xmelevsk@mail.ru

Abstract. Arguing their ideas, modern western feminists often appeal to science, which increasingly offers technologies that can significantly affect gender relations, and bring society closer to the so-called full gender equality. The article provides an example of such a technology — AWT technology, which is currently being actively developed in a number of research centers. Its essence is to create an exomb — an artificial womb in which the embryo/fetus can develop normally outside the mother's body. Modern western feminists see in this technology a path leading to an equal distribution of reproductive roles, which, in their opinion, is the biological basis of gender equality. The article presents similar ideas expressed by Russian activists of the women's movement in the 20s of the XX c., taking into account that they were formulated in a special historical and social context (in particular, in connection with the need to form a "new" person, the active inclusion of women in communist construction, the elimination of gender inequality). To substantiate this, the article uses archival documents that have not yet been introduced into scientific circulation and were studied by the author in the archive of the Central Committee of the CPSU (now RSASPH). In the final part of the article, conclusions are drawn that reveal the incorrectness of the justification of gender equality based on reproductive technologies. The author holds the idea that these technologies themselves can create new manifestations of not only gender, but also social inequality, set traps for those who are looking for a way to achieve full gender equality in these technologies.

Key words: ideas of Russian activists, women's movement, modern western feminists, gender equality, childbearing, reproductive technologies, AWT technology, exomb, distribution of reproductive roles, the right to reproductive autonomy

For citation: Hmelevskaya, S. A. (2022) Novye reproduktivnye tekhnologii (na primere tekhnologii AWT) i gendernoe ravenstvo v optike ideĭ rossiĭskikh aktivistok zhenskogo dvizheniia 20-kh gg. XX v. i sovremennykh zapadnykh feministok [Contemporary reproductive technologies (the example of AWT technology) and gender equality in the focus of ideas expressed by modern western feminists and Russian women's movement activists in the 20s of the XX c.], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 134—151.

Постановка вопроса

Для аргументации идей гендерного равенства феминистки нередко апеллируют к настоящим и будущим успехам науки. Так, особое внимание современными западными феминистками уделяется развитию биомедицинских технологий, на основе которых можно достичь, по их мнению, полного гендерного равенства¹. В связи с этим огромный интерес вызывает технология АWT (Artificial Womb Technology), предполагающая в своем полноценном варианте протекание всех этапов развития эмбриона/плода в искусственной утробе (экзомбе), что должно привести к освобождению женщины от тягот и рисков, сопровождающих беременность и роды. Именно на базе данной технологии возможно, с позиций феминисток крайнего толка, достижение гендерного равенства как равенства в гестационных ролях и обеспечение автономии репродуктивного поведения женщин (и не только их!). Они убеждены в том, что существующее гендерное неравенство во многом связано с тем, что на женщину возложено бремя беременности и родов. Соответственно технология АWT позволяет снять ответственность за деторождение с женщины.

Было бы ошибкой утверждать, что попытки использования науки для обоснования путей гендерного равенства свойственны только современным феминисткам. Изучение архивных материалов, датированных 20-ми гг. XX в. (в данной статье некоторые из таких материалов введены в научный оборот впервые) и раскрывающих взгляды ряда российских активисток женского движения того периода (А. М. Коллонтай, И. Ф. Арманд, В. П. Голубевой, С. Н. Смидович и др.), позволяет сделать вывод, что свои ожидания в решении вопроса о гендерном равенстве они также связывали и с успехами науки. При этом их позиции относительно роли науки в обеспечении такого равенства вариативны: от предельно радикальной (например, В. П. Голубевой, которая утверждала, что развитие науки приведет к отказу от привычного способа деторождения и к формированию полного гендерного равенства) до более умеренной (например, А. М. Коллонтай, которая предлагала учитывать достижения науки при формировании родительской пары с целью зачатия ребенка и доказывала, что решение родить ребенка должно быть результатом осознанного и свободного выбора женщины).

Интерес представляют ожидания российских активисток женского движения указанного периода относительно будущих репродуктивных технологий, появившихся лишь в современный период (скажем, предположения относительно эктогенеза, выдвинутые В. П. Голубевой, или технологий, схожих с ЭКО, о которых писала А. М. Коллонтай). Весьма вероятно, что подобные идеи сложились у них в том числе под влиянием работ А. А. Богданова, опытов И. И. Иванова, трудов Н. К. Кольцова и других ученых, чье творчество инициировалось необходимостью и значимостью развития евгеники с целью создания

¹ Речь идет в первую очередь о феминистках радикального крыла, которые стремятся к достижению не только социального, но и природно-биологического гендерного равенства. Более умеренные феминистки не акцентируют внимание на природно-биологическом аспекте такого равенства.

«нового» человека, что подразумевало и принципиально иные способы его формирования и рождения.

Цель настоящей статьи — ответить на вопрос, насколько были оправданы ожидания российских активисток женского движения 20-х гг. XX в. относительно обеспечения гендерного равенства посредством научных достижений в области, которая сейчас относится к биомедицине, а именно к развитию репродуктивных технологий. Для того чтобы заострить анализируемую проблему, в статье исследуется одна из одиозных репродуктивных технологий, которая сейчас активно разрабатывается, — технология АWT, вызывающая многочисленные споры не только ученых, непосредственно занимающихся проблемами биомедицины, но и тех исследователей, кто изучает социальные последствия ее внедрения. В ракурсе таких последствий обсуждается и тема гендерного равенства (причем не только в научных кругах; например, она активно применяется для обоснования своих идей современными западными феминистками).

Для реализации поставленной цели в статье использовался метод контент-анализа архивных материалов, а также историко-сравнительный метод, позволяющий проводить компаративный анализ идей российских активисток женского движения обозначенного периода и сегодняшних западных феминисток. Несмотря на то что современные биомедицинские технологии в ракурсе их воздействия на женское репродуктивное поведение были в центре внимания ряда российских ученых (см., напр.: [Мицюк, 2015; Темкина, 2014; Пушкарева, Мицюк, 2016]), технология АWT как одна из развивающихся новых репродуктивных технологий, способная существенно повлиять (при ее широком применении) на роль женщины в обществе и гендерные отношения в целом, еще не стала объектом изучения в отечественной научной литературе.

Путь к гендерному равенству: ожидания российских активисток женского движения 20-х гг. XX в., связанные с развитием науки

Период, наступивший после свершения Октябрьской революции 1917 г., знаменуется поисками новых форм общежития, норм морали, сломом старого уклада жизни. Тема гендерного равенства стала одной из центральных в тот период при обсуждении так называемого женского вопроса [Хасбулатова, Смирнова, 2022: 9—10]. Она рассматривалась в рамках решения проблем социалистической революции, которая должна была принести женщинам освобождение от двойного гнета — капиталистического угнетения и рабского домашнего труда. Гендерное равенство представлялось в разных аспектах: экономическом (равная плата за равный труд), бытовом (семейный быт не должен быть уделом женщины, такой быт — вредный анахронизм прошлого, домашнее хозяйство должно стать отдельным социальным институтом), политическом (равное участие в политической жизни, равные политические права и обязанности) и профессиональном (женщина может овладеть профессиями, которые ранее считались мужскими). Основа гендерного равенства — «участие женщины в создании народных богатств, ее собственный производительный труд» [Коллонтай, 1921: 9], а цель такого равенства — «идти везде, где только можно, в ногу с мужчинами» [Смидович,

1927: 9]. Необходимо было решать и проблему репродуктивных прав женщины, и здесь на первый план выходили вопросы деторождения и материнства.

Несмотря на схожесть взглядов активисток женского движения того периода на семью как на источник буржуазного угнетения и двойной морали, на аборт как реализацию свободы в области репродуктивных прав женщины (ее право на свободу выбора — оставлять ребенка или нет²), в вопросах значимости материнства их позиции разделились. С одной стороны, материнство — это священная обязанность, а «в основе брачного общения лежит здоровый инстинкт воспроизводства» [там же: 22]. Права трудящейся женщины-матери требуют особой охраны.

С другой стороны, представление о женщине как о машине для деторождения — пережиток буржуазной идеологии («женщина, по мнению буржуазии, это — просто машина для деторождения» [там же: 5]). Беременность, рождение ребенка и уход за ним отвлекают женщину от участия в трудовой и общественно-политической жизни, а следовательно, вновь делают ее зависимой от кормильца-мужчины. Если женщина выбирает материнство, а не участие в производительном труде и общественной жизни как центральную ценность, то это — проявление мещанства [там же: 24].

В письме, адресованном своей единомышленнице В. П. Голубевой, А. М. Коллонтай отмечала: «“Новая” женщина — это гармонично-развитый человек, с социальными эмоциями, которые будут вытеснять свойственные женщине прошлого эмоции “семейственные”, любовные переживания и материнские чувствования» [Коллонтай, 1923: 2]. Интересно отметить, что в этом же письме А. М. Коллонтай находит нежные слова, адресованные ребенку В. П. Голубевой, высоко ценя тем самым ее материнские чувства.

Большие надежды для достижения своих целей активистки женского движения возлагали на развитие науки (новое общество — общество, «вооруженное до зубов наукой» [Коллонтай, 1929: 4]), в частности медицины и биологии. Так, А. М. Коллонтай неоднократно упоминала в своих работах о евгенике, «науке облагораживания и оздоровления человечества» (см., напр.: [Коллонтай, 1921: 18]). Совершенный общественно-политический строй требовал и совершенных людей, а евгеника могла улучшить не только российское население, но и население всего мира (пусть родится меньше детей, но лучшего качества) [Коллонтай, 1926].

Кроме того, наука может привести к гендерному равенству и в ракурсе гестационных процессов, если решить проблему с беременностью и родами вне женского организма (отсюда мечты о вынашивании и рождении детей «в колбочках»). Как замечала В. П. Голубева в письме к А. М. Коллонтай, «люди

² Легализация абортов была установлена Постановлением Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18.11.1920 № 471 «Об охране здоровья женщин» (СУ РСФСР, 1920, ст. 471), в соответствии с которым женщине предоставлялась возможность сделать операцию по искусственному прерыванию беременности в специальном медицинском учреждении бесплатно. Либеральный подход к абортам способствовал их широкому распространению, в связи с чем были введены ограничения, а в 1930 г. бесплатные аборт были отменены вовсе (хотя здесь были и исключения, если аборт был необходим по медицинским показаниям).

будущего любить, наверное, не будут вовсе. Они, как я думаю, будут рожать детей в колбочках — это факт. Не будут же они такими идиотами, чтобы такую гадость над собой устраивать — беременность, роды и пр.» [Голубева, 1923: 14]. Тем самым утверждалась мысль, что вынашивание ребенка в материнской утробе — атавизм, который с развитием новых технологий деторождения должен исчезнуть. Предполагалось, что научные достижения приведут к тому, что тяжелая обязанность женщины — деторождение исчезнет, поскольку развивающийся эмбрион будет помещен в искусственную среду («колбочку»), где он и будет развиваться до того момента, когда сможет начать самостоятельную жизнь вне этой среды.

Именно такой подход к деторождению, по мнению В. П. Голубевой, приводит к полному гендерному равенству, будет способствовать улучшению качества эмбрионов (так как будет их отбор), а следовательно, и будущего населения страны. Обычный способ деторождения, в ее представлении, это наследие капиталистического уклада, а новый прогрессивный общественный строй — социализм требует отречения от всего того, что напоминало бы прежний жизненный уклад, в том числе и существующий способ деторождения. Наука будет способствовать уничтожению этого уклада и преодолению «физического рабства женщины» [там же: 15].

Отметим, что в свое время отказ от деторождения как проявление свободы любви был раскритикован В. И. Лениным. В письме к И. Арманд он отмечал, что одно из значений свободы любви означало бы свободу от деторождения, что является не пролетарским, а буржуазным требованием [Ленин, 1970: 50—52]. В этом плане позиция В. П. Голубевой была менее радикальная, она не призывала к отказу от деторождения вообще, а указывала лишь на изменение с помощью научных достижений прежнего способа деторождения (беременность и роды).

Вместе с тем именно деторождение, по мнению ряда радикально настроенных активисток женского движения того периода, отвлекает женщин от активного участия в общественной жизни, что ведет в конечном счете к гендерному неравенству; и если иные методы деторождения еще не доступны, то само деторождение следует трактовать не как обязанность женщины, а как результат сделанного ею свободного выбора («свободное материнство»). Принуждение же к деторождению рассматривалось ими не только как ограничение женщины в правах, но и как «элемент репродуктивного насилия» (об этом писала еще в 1915 г. А. М. Коллонтай) [Коллонтай, 1972: 167]. Бремя материнства представлялось как «переходная ступень к такому положению вещей, при котором забота о подрастающем поколении перестает лежать на плечах частных лиц, а передана будет в руки общественного коллектива», а «организованный рабочий класс должен исходить из того конечного идеала-цели, который обещает дать полное разрешение проблемы материнства» [там же: 168].

«Рождение детей в колбочках» отвечало устремлениям активисток женского движения того периода сделать рождение и воспитание детей не частным, но целиком коллективным делом. Как писала И. Ф. Арманд, «мы должны, и мы уже начали вводить общественное воспитание детей и уничтожать власть родителей над детьми» [Арманд, 1975: 86]. Для финансового обеспечения общественного воспитания детей предлагалось ввести взносы, которые платило бы

все взрослое трудоспособное население в общественный детский фонд (А. М. Коллонтай предлагала ввести для этого прогрессивный подоходный налог [Коллонтай, 1926]). Что касается семейного воспитания, то «брак и семья отомрут гораздо раньше, чем человечество достигнет своей более существенной ступени развития и построит единое мировое хозяйство на коммунистических началах» [Коллонтай, 1929: 3].

Новые репродуктивные технологии («рождение детей в колбочках») должны были помочь решить проблему контроля над рождаемостью, на них возлагалась и задача формирования «крепкой, здоровой, выносливой человеческой расы» [там же: 1]. Так, зачатие ребенка должно осуществляться, например по А. М. Коллонтай, только в разрешенных для этого возрастных группах (21—25 лет), где юноши и девушки «будут свободно сходиться из членов своей группы», а само подобное общение «будет регулироваться гигиенистами» [там же: 4—5]. В старших и младших возрастных группах производство потомства не допускается. Кроме того, по ее мнению, необходимо следить за непрерывным обновлением крови, что важно для развития здорового потомства. Отсюда «в брачном общении определителем будет гигиена и интересы здорового ребенка» [там же: 12]. Поэтому общество будет устанавливать ограничения на рождение детей от больных родителей, а для здоровых родителей «выбор отца ребенка будет на усмотрение гигиенистов» [там же: 17]; надо «содействовать половому подбору в интересах расы» [Коллонтай, 1919: 37].

Материнский инстинкт, по мысли активисток женского движения указанного периода, также постепенно трансформируется («в коллективистском обществе останется женщина, рождающая ребенка, родительница по отношению к данному ребенку... Но чувства матери с большой буквы — они будут перенесены со своего ребенка — на группу детей» [Коллонтай, 1929: 18]). Мать — воспитательница только своего ребенка («это лишь от бедности при недостатке социальных учреждений» [там же: 19]) исчезнет и ей на смену придет «“профессиональная мать” — мать — воспитательница коллектива детей» [там же: 18]. Да и в существующем обществе материнство, как отмечала А. М. Коллонтай, «всегда рассматривалось как суррогат счастья для женщины: не повезло в браке, отрекалась от любовной связи на стороне, овдовела, — остается последнее “прибежище”, материнские заботы и радости. Материнство редко рассматривалось, как самоцель...» [Коллонтай, 1919: 23]. Цели же новой женщины — «социальная идея, наука, призвание, творчество...» [там же: 24]. И «разве женщина, отдающая всю себя ребенку, может оставаться “свободной личностью”...» [Коллонтай, 2013: 93].

Таким образом, по мнению ряда активисток женского движения рассматриваемого периода, достижение полного гендерного равенства требует развития научных технологий, которые должны существенным образом изменить привычные способы деторождения с тем, чтобы освободить женщину от физического рабства, связанного с ним, реализовать свободу ее репродуктивного поведения, сняв с нее гестационные обязанности и тем самым уравнив и в этом случае в правах с мужчиной.

Технология АWT, или Мечты российских активисток женского движения сбываются?

В настоящее время в области биомедицины наука достигла существенных успехов. Так, в России и некоторых странах широко применяются вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) [О порядке использования... , 2020]. Специфика их состоит в том, что «отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства)» [Об основах охраны здоровья... , 2011]. Иными словами, уже сейчас ВРТ можно рассматривать как проявление частичного эктогенеза³, т. е. развития человеческого эмбриона вне тела матери (хотя в настоящее время это возможно только на определенном этапе развития эмбриона).

Однако перспективные направления изменений биомедицинских технологий простираются намного дальше существующих ВРТ [Хмелевская, 2018]. Одним из таких направлений является создание искусственной утробы (экзомба) на основе технологии АWT (Artificial Womb Technology). Причем технология АWT подразумевает как частичное нахождение эмбриона/плода вне естественной утробы (например, при реализации ВРТ или — еще один вариант частичного эктогенеза — при помещении недоношенного/больного ребенка в кювет), так и полное его развитие до момента самостоятельного существования вне поддерживающих жизнеобеспечение устройств. Если частичный эктогенез применяется уже сегодня, то полный эктогенез еще находится на стадии научных исследований. Но именно последний отвечает интенциям достижения гендерного равенства в ракурсе гестационных процессов (снятие гендерной асимметрии).

Экзомб (искусственная матка) — это приспособление для развития эмбриона/плода вне человеческого тела [Segers, 2021]. В экзомбе должны полностью поддерживаться условия жизнеобеспечения и развития эмбриона/плода (наличие стерильной жидкой среды, аналогичной внутриматочной амниотической среде, а также систем газообмена, питания, удаления продуктов обмена из кровотока плода, поддержания нужной температуры и пр.) [Евграфова, 2019: 280]. Разработки по конструированию экзомба начались еще в 1950-х гг.⁴,

³ Вместе с тем эктогенез не сводится к технологии АWT, он включает также ксенобеременность, при которой эмбрион или плод помещают внутрь маточного носителя, принадлежащего другому виду; создание искусственной (аналогичной естественной) утробы с помощью тканевой инженерии (например, на основе 3D-биопечати); использование донорской матки (УТх).

⁴ Интерес к АWT впервые появился на рубеже XIX—XX вв. в трудах Дж. Б. С. Холдейна (который ввел термин «эктогенез» в 1924 г.) (см.: [Segers, 2021]). Кроме того, Холдейн предсказал, что к 2074 г. на эктогенез будет приходиться более 70 % человеческих рождений (см.: [Chemaly, 2012]). В 1955 г. Э. М. Гринберг запатентовал конструкцию искусственной матки, которая походила на инкубатор. Дальнейшая эволюция технологии искусственной матки происходила следующим образом: сначала инкубатор, потом биомешок и наконец собственно искусственная матка. Один из известных экспериментов был проведен в Детской больнице в Филадельфии (США) в 2017 г. с недоношенными ягнятами [Partridge et al., 2017].

но их практическое воплощение стало осуществляться в 1960-х гг., в том числе в СССР (в частности, в Ленинградском институте акушерства и гинекологии им. Д. О. Отта такие исследования проводил О. Г. Белокуров⁵ [Белокуров, 1978]). В настоящее время существует несколько научных центров, где проходят исследования по созданию экзомба (например, Детская больница в Филадельфии, США⁶; Институт им. Вейцмана, Израиль; Технологический университет Эйнховена, Нидерланды; Центр репродуктивной медицины и бесплодия Корнельского университета, США).

Особый интерес вызывают исследования по созданию экзомба, проводимые в Институте биомедицинской инженерии и технологий в Сучжоу (Китай). Здесь создана система «робот-няня», которая полностью и круглосуточно контролирует функционирование нескольких искусственных утроб, где развиваются эмбрионы животных (в частности, мышей). «Система реализует онлайн-отслеживание и мониторинг эмбрионов» [Weijun et al., 2021]. Искусственный интеллект самостоятельно сортирует эмбрионы по состоянию их здоровья и потенциалу дальнейшего развития, вносит предложения по их извлечению из экзомба.

Несмотря на достигнутые успехи по культивированию в таких искусственных утробах животных, применение к человеческим эмбрионам полного эктогенеза еще проблематично, это — дело будущего (хотя трудно сказать, какого будущего⁷). Представляется, что в данном случае возникает много проблем, и не только научно-медицинского, но и этико-правового характера. Достаточно отметить, что, согласно международным документам, имеются серьезные ограничения по проведению экспериментов на человеческих эмбрионах (их возраст должен быть не старше 2 недель⁸). Кроме того, не определен правовой статус эмбриона/плода, развивающегося в экзомбе. Имеются риски формирования человеческого организма в экзомбе с сопутствующими заболеваниями. Неясно, как в дальнейшем такое развитие отразится на психике ребенка. Вызывает вопросы и разрыв «внутриутробной связи» матери и ребенка, которая важна и для полноценного развития эмбриона/плода, и для психоэмоционального состояния

Не менее значимыми были результаты эксперимента, осуществленного в Институте им. Вейцмана (Израиль) в 2021 г., по выращиванию в искусственной матке зародышей мышей из пятидневных эмбрионов [Aguilera-Castrejon et al., 2021].

⁵ О. Г. Белокуров создал установку для перфузии плаценты, которую он назвал «Божена», — прообраз искусственной утробы. На эту установку в конце ноября 1979 г. он получил авторское свидетельство, в котором она была обозначена как «устройство для моделирования процессов плодношения».

⁶ В Детской больнице Филадельфии создана система (протокол) EXTEND (англ. *extra-uterine environment for neonatal development* — вне(экстра)маточная среда для развития новорожденного) на основе циркуляторного принципа [Парtridge и др., 2020]. В 2017 г. применение системы (протокола) EXTEND привело к успешной четырехнедельной поддержке крайне недоношенных ягнят без явных физиологических нарушений или недостаточности органов [Segers, 2021].

⁷ Некоторые ученые прогнозируют, что это произойдет через 10 лет [Приставка, 2022].

⁸ Ряд исследователей оспаривают это положение, полагая, что настало время изменить верхнюю границу (напр.: [McCully, 2021]).

матери и ребенка (например, как такой разрыв отразится на материнских чувствах, на привязанности ребенка к матери)⁹.

В качестве позитивных моментов технологии АWT можно выделить следующие: АWT может помочь женщинам, которые в силу разных причин не могут иметь детей; исключает риски (при полном эктогенезе) материнской/женской смертности, связанные с беременностью и родами; сохраняет жизнь эмбриона/плода при внезапной смерти матери / беременной женщины; создает благоприятные условия для рождения здорового ребенка; сохраняет жизнь ребенка, родившегося ранее 22 недель, с минимальной массой тела; обеспечивает лечение плода с задержкой внутриутробного развития, связанной с плацентарной недостаточностью, т. е. делает существенный прорыв в области развития неонатальной медицины и др. [Партридж и др., 2020]. «Ожидаемые преимущества включают развитие неонатальной медицины, улучшение интенсивной терапии новорожденных и обеспечение нового пути к биологическому родительству» [Segers, 2021: 1]. Развитие эмбриона/плода в экзомбе позволяет более глубоко изучить все этапы такого развития и оптимизировать для него условия, что раздвигает границы жизнеспособности эмбриона/плода.

Однако в настоящее время эта технология нуждается во всестороннем научном изучении и дальнейшей разработке, не выяснены до конца риски, которые она в себе заключает. Безопасность и обеспечение нормального развития эмбриона/плода в экзомбе, отсутствие отдаленных негативных последствий такого развития — это базисные условия, которые должны учитываться при внедрении данной технологии. Вместе с тем, как отмечалось, технология АWT влечет целый ряд этических и социальных проблем, в том числе касающихся гендерного равенства.

Технология АWT в оценке современных зарубежных феминисток: ловушки гендерного равенства

Российские активистки женского движения 20-х гг. XX в. не называли себя феминистками и критиковали феминисток западных стран, основываясь на том, что отсутствуют причины, по которым необходимо специально выделять интересы женщин: у них не должно быть иных интересов, кроме общих целей социальных преобразований. Как представляется, апелляция ряда российских активисток к новым репродуктивным технологиям, которые должны появиться в будущем, вызвана несколькими моментами.

С одной стороны, мужчин и женщин привлекал и объединял образ «нового» человека коммунистического общества, который будет кардинально отличаться от существующих людей, в частности способами деторождения (вспомним работу А. А. Богданова «Праздник бессмертия» [Богданов, 2014: 351—369]).

С другой стороны, поднимая тему деторождения и материнства, активистки привлекали внимание именно к женским проблемам, делая при этом акцент

⁹ Некоторые авторы утверждают, что «необходимая для общения морфология эмбриона, включая особенности нервной системы, формируется исключительно человеческим телом матери» (см.: [Былевский, 2022]).

как раз на том, что, по их мнению, нарушает гендерное равенство. Новые же технологии, как предполагалось, помогли бы восстановить подобное равенство.

Наконец, есть еще один аспект анализируемой темы. Новые репродуктивные технологии должны были освободить женщину от всего, что связано с беременностью и родами, с тем чтобы она еще больше включилась в коммунистическое строительство. Но, освобождаясь от «рабства» деторождения, женщина не становилась свободнее в выборе своей дальнейшей судьбы, так как выбор за нее уже был сделан: она должна стать активной участницей построения нового общества.

Проводить сравнение взглядов российских активисток женского движения обозначенного периода и современных западных феминисток на развитие репродуктивных технологий (причем в первом случае как мечтаний о будущем, а во втором — как почти осуществившейся реальности) представляется возможным только в ракурсе достижения гендерного равенства и свободы в рамках репродуктивных прав женщин. Именно в этом можно усмотреть пересечение (а не преемственность!) их идей.

Как и российские активистки женского движения 20-х гг. XX в., феминистки в веке нынешнем также много ожиданий связывают с научными достижениями, особенно если последние касаются репродуктивных технологий. Особый интерес у них вызывает развитие технологии АWT, которую они рассматривают с точки зрения освобождения от репродуктивного (гестационного) неравенства, а также социального неравенства, построенного на его основе (см., напр.: [Kendal, 2017; Kennedy, 2020]). В данном случае проявляются два аспекта проблемы: во-первых, достижение гендерного равенства применительно к вынашиванию и рождению ребенка (тем самым ликвидируется неравное распределение бремени беременности и родов между полами), а во-вторых, реализация права женщины на репродуктивную свободу.

Еще в одной из своих ранних работ канадская феминистка радикального толка С. Файерстоун обосновывала идеи, что источником гендерного неравенства выступает различие в биологических репродуктивных ролях (а точнее, их угнетающе несправедливое распределение) и что искусственная утроба, технология получения которой только начала в то время разрабатываться, освободит женщин от такого неравенства [Firestone, 1970].

Другие феминистки выражают более умеренную позицию. Например, С. Чемали утверждает, что технология АWT позволит женщине реализовать свободу репродуктивного выбора, избавит ее от бремени беременности и родов, а значит, уравнивает в правах с мужчиной (это событие отдаленного, но неотвратимого будущего). Вместе с тем позиция С. Чемали по этому вопросу более сложная. Помимо позитивной стороны, она видит и риски этой технологии: последняя отбирает у женщин универсальную силу — их огромную социальную значимость в процессах воспроизводства человеческого рода [Chemaly, 2012].

А. Смайдор также указала на востребованность технологии АWT для устранения гендерного неравенства: «Только устраняя таким образом естественную или физическую несправедливость, связанную с неравными гендерными ролями в процессе воспроизводства, мы можем смягчить социальные несправедливости, которые возникают из-за них» [Smajdor, 2007: 337]. При этом она повторила высказывание С. Файерстоун о том, что беременность — это

варварство. Причем это утверждение обосновывается А. Смайдор не только в ракурсе достижения гендерного равенства, но прежде всего исходя из заботы о женщине, которая подвергается рискам, вынашивая и рожая ребенка.

Отвечая на аргумент, что в процессе эктогенеза разрывается психологическая связь матери и ребенка, феминистка выдвигает ряд доводов: «...те, кто полагает, что связь матери и ребенка полностью зависит от его физического вынашивания, наносят огромный вред всем приемным родителям, которые нежно любят своих детей» [там же: 341]; кроме того, отцы способны любить своих детей так же сильно, как и матери. И наоборот, «физическая связь матерей со своими детьми не гарантирует надежного и безусловного потока материнской любви» [там же]. Таким образом, физическое вынашивание ребенка, по Смайдор, не является ни необходимым, ни достаточным условием для появления любви к нему.

Проанализируем приведенные выше утверждения, которые, как представляется, при их логическом анализе неизбежно ведут к тому, что можно обозначить как «ловушки гендерного равенства».

Во-первых, нужно отметить, что не все современные зарубежные феминистки формулируют требование о преодолении гестационного неравенства (как неравенства гендерных ролей в процессах воспроизводства), большинство из них акцентируют внимание только на достижении гендерного равенства в ракурсе собственно социальных аспектов (правовом, экономическом, политическом, культурном и пр.). Однако радикальное крыло феминизма ставит задачу преодолеть неравенство в распределении репродуктивных ролей между мужчиной и женщиной (что высказывалось и российскими наиболее радикально настроенными активистками женского движения, типа В. П. Голубевой). Деторождение, обусловленное природой женщины, воспринимается здесь как тяжкое бремя, от которого необходимо избавиться, при этом сохранив воспроизводство населения. В таком ракурсе технология АWT рассматривается радикальными зарубежными феминистками как одна из желательных.

Более умеренные феминистки ратуют за равенство в экономических, политических, социальных, культурных правах, равном доступе к ресурсам, при этом допуская неравенство в репродуктивных ролях, которое компенсируется женщинам, например, через механизмы социальной защиты, меры, направленные на охрану материнства и детства. Тем самым наличие таких механизмов и мер, по их мнению, включается в более общую систему социальной справедливости. Переложив функцию вынашивания ребенка на экзомб, женщина теряет и меры социальной защиты, связанные с беременностью и родами.

Во-вторых, применение технологии АWT за рамками медицинских показаний приводит к переосмыслению традиционной роли женщины в обществе и соответственно ее социальной значимости. Сам образ матери предполагает, что это женщина, которая родила и воспитала своего ребенка. Реализация полного эктогенеза, по сути, нивелирует эту роль. Получить родительство таким образом теперь могут все: и одинокие мужчины, и гомосексуальные пары, и трансгендеры, и женщины, которые не могли иметь детей. Отсюда усмотрение феминистками (и не только ими) в технологии АWT пути к всеобщему равенству.

Но у этого равенства есть и обратная сторона: снижение ценности естественного материнства и, следовательно, социальной ценности женщины-

матери, что может привести к нарушению гендерного равенства и мужскому доминированию [Vallverdú, Voix, 2020]. Поэтому устранение гендерного неравенства в репродуктивных ролях не означает, что в обществе исчезнет такое неравенство и в его социальных аспектах. Более того, с учетом изменения социальной роли женщины такое неравенство может, напротив, усилиться. В связи с этим трудно не согласиться с утверждением, что технология АWT не решает проблему на глубинном уровне, т. е. не бросает вызов определенным патриархальным ценностям и мышлению, что так угнетает феминисток [Isaac, 2019]. Природно-биологическое неравенство в распределении репродуктивных ролей не является в настоящее время глубинным источником социального гендерного неравенства, поэтому устранение первого не приводит к устранению второго.

В-третьих, следует учесть, что технология АWT сама может продуцировать неравенство, но неравенство уже социального характера (доступ к ней наиболее обеспеченных слоев населения и отсутствие доступа или ограниченный доступ бедных слоев). Вероятно, данная технология потребует существенных финансовых средств (в частности, возникает вопрос финансирования пребывания развивающегося эмбриона/плода в медицинском учреждении на протяжении достаточно длительного периода, если речь идет о полном эктогенезе).

В-четвертых, использование технологии АWT предполагает, что, после того как ребенок покинет экзомб (сможет самостоятельно дышать, питаться и др.), заботу о его жизнеобеспечении, воспитании и развитии возьмут на себя родители — мать и/или отец. При этом традиционно бóльшая часть такой нагрузки ложится именно на женщину. Репродуктивная свобода женщины оборачивается для нее несвободой от дальнейших обязанностей и от ответственности за этого ребенка¹⁰.

В-пятых, одним из аргументов феминисток является то, что АWT дает возможность реализовать право женщины на репродуктивную автономию, которое подразумевает ее свободу выбора — рожать детей или нет, сколько, когда и пр. Феминистки утверждают, что технология АWT снимет тяготы беременности и родов, а также связанные с ними ограничения деятельности и поведения женщины, предоставляя ей право выбрать способ деторождения. «Это перекликается с аргументом репродуктивной автономии, который основывается на том, что эктогенез позволит людям реализовать предпочитаемый ими родительский проект» [Cavalier, 2020: 77]. Причем право на репродуктивную автономию будет теперь не только у женщин, но и у мужчин, что создает сложности при одновременной реализации данного права, особенно при конфликте возникающих здесь интересов.

Технология АWT по-другому ставит и проблему аборт, выделяя в искусственном прерывании беременности две стороны: право женщины на репродуктивную автономию и право на жизнь эмбриона/плода. При создании необходимых условий жизнеобеспечения в экзомбе такому эмбриону/плоду будет обеспечено право на жизнь. Но будет ли при этом учитываться и каким образом мнение родителей, которые имеют равные права на развивающегося в экзомбе ребенка?

¹⁰ Хотя, по мнению российских феминисток 20-х гг. XX в., с момента рождения ребенок должен быть переведен на коллективное воспитание.

Заключение

Сбываются ли ожидания российских активисток женского движения 20-х гг. XX в.? С одной стороны, ответ утвердительный, поскольку создаются репродуктивные технологии, такие как АWT, которые способны привести к равенству в репродуктивных ролях и одновременно приблизить достижение полного гендерного равенства. Но, с другой стороны, ответ отрицательный, поскольку социальные последствия этих технологий могут значительно отличаться от целей, которые ставили перед собой активистки этого движения, и привести в конечном итоге к большему гендерному неравенству.

Любая технология, в том числе и биомедицинская, включается в определенный социальный контекст, где и будет даваться ее оценка. Например, не исключено, что в мире торжества постгендеризма, где должны исчезнуть понятия «пол», «гендерная идентичность», «брак как союз мужчины и женщины» и другие, технология АWT будет активно и широко применяться в целях формирования такого мира.

В обществах с интенциями на относительную консервативность, сохранение исторически сложившихся семейных ценностей эта технология, безусловно, будет применяться, но при этом ее использование может ограничиться медицинскими показаниями. Уже сейчас традиционные социальные институты дают ей резко негативную оценку.

Безусловно, технология АWT делает процесс развития эмбриона/плода, по сути, публичным, предельно рационализированным, снимая с него флер сакральности. Но потребность в развитии этой технологии есть, ее разработка поможет многим людям решить проблему родительства, совершить существенный прорыв в области неонатальной медицины. Однако связывать ее развитие с решением проблемы гендерного равенства некорректно, так как она порождает в данном случае не меньше проблем, чем их решает.

Список источников

- Арманд И. Ф. Маркс и Энгельс по вопросу семьи и брака // Арманд И. Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С. 81—86.
- Белокуров О. Г. Двусторонняя перфузия переживающей плаценты человека: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1978. 17 с.
- Богданов А. А. Праздник бессмертия. СПб.: Лениздат, Команда А, 2014. 382 с.
- Былевский П. Китайская «кибермать» вынашивает аутистов // Hi-Hume Journal. 2022. 4 февр. URL: <https://hi-hume.ru/novost/341> (дата обращения: 01.08.2022).
- Голубева В. П. Письмо А. Коллонтай, 1923 г. // РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 134. Оп. 1. Д. 336.
- Евграфова А. Д. Искусственная матка: история, возможности и проблемы // Образовательная система: вопросы современного этапа развития научной мысли. Казань: СитИвент, 2019. С. 279—283.
- Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. М.: Изд-во Всерос. центр. исполн. ком. Советов РК и КД, 1919. 61 с.
- Коллонтай А. М. Проституция и меры борьбы с ней: (речь на III Всероссийском совещании заведующих гуженотделами). М.: Госиздат, 1921. 23 с.

- Коллонтай А. М.* Письмо В. П. Голубевой, 1923 г. // РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 134. Оп. 1. Д. 336.
- Коллонтай А. М.* Доклад «Брак и быт», произнесенный в Колонном зале Дома союзов 25.01.1926 // Рабочий суд. 1926. № 5. С. 363—378.
- Коллонтай А. М.* Интервью, февраль 1929 г. // РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 134. Оп. 1. Д. 225.
- Коллонтай А. М.* Введение к книге «Общество и материнство» // Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972. С. 160—175.
- Коллонтай А. М.* Социальные основы женского вопроса. М.: Книга по требованию, 2013. 437 с.
- Ленин В. И.* Письмо И. Ф. Арманд, 17 января 1915 г. // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 49. С. 50—52.
- Мицюк Н. А.* Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 1. С. 21—32.
- О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2020).
- Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ; (ред. от 11.06.2022 г., с изм. от 13.07.2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- Партридж Э., Флейк А., Козлов Ю. А.* Искусственная матка // Педиатрия: журнал им. Г. Н. Сперанского. 2020. Т. 99, № 1. С. 150—159.
- Приставка Е.* Искусственная матка и биомешок: когда женщины перестанут вынашивать и рожать детей // Хайтек. 2022. 25 янв. URL: <https://hightech.fm/2022/01/25/give-burth> (дата обращения: 01.08.2022).
- Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А.* Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX — начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 73—89.
- Смидович С. Н.* Работница и новый быт. М.; Л.: Госиздат, 1927. 32 с.
- Темкина А. А.* Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 3. С. 321—336.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н.* Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900—2020) // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 3—21.
- Хмелевская С. А.* Регенеративная медицина и проблема бессмертия // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 192—193.
- Aguilera-Castrejon A., Oldak B.* et al. Ex utero mouse embryogenesis from pre-gastrulation to late organogenesis // Nature. 2021. May. Vol. 593. P. 119—124.
- Cavalier G.* Gestation, equality and freedom: ectogenesis as a political perspective // Journal Medical Ethics. 2020. Vol. 46, iss. 2. P. 76—82.
- Chemaly S.* What do artificial wombs mean for women? // Rewire News Group. 2012. 23 Febr. URL: <https://rewirenewsgroup.com/article/2012/02/23/what-do-artificial-wombs-mean-women> (дата обращения: 01.08.2022).
- Firestone S.* The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. New York: William Morrow and Company, 1970. 246 p.
- Isaac S.* Is artificial-womb technology a tool for women's liberation? // Aeon. 2019. 18 Dec. URL: <https://aeon.co/ideas/is-artificial-womb-technology-a-tool-for-womens-liberation> (дата обращения: 01.08.2022).
- Kendal E.* The perfect womb: promoting equality of (Fetal) opportunity // Journal of Bioethical Inquiry. 2017. Vol. 14, № 2. P. 185—194.

- Kennedy S. Willing mothers: ectogenesis and the role of gestational motherhood // *Journal Medical Ethics*. 2020. Vol. 46, iss. 5. P. 320—327.
- McCully S. The time has come to extend the 14-day limit // *Journal of Medical Ethics*. 2021. Vol. 47, iss. 12. URL: <https://jme.bmj.com/content/medethics/early/2021/01/18/medethics-2020-106406.full.pdf> (дата обращения: 01.08.2022).
- Partridge E. A., Davey M. G., Hornick M. A. et al. An extra-uterine system to physiologically support the extreme premature lamb // *Nature Communications*. 2017. № 8. P. 1—15.
- Segers S. The path toward ectogenesis: looking beyond the technical challenges // *BMC Medical Ethics*. 2021. Vol. 22. P. 1—15.
- Smajdor A. The moral imperative for ectogenesis // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2007. Vol. 16, iss. 3. P. 336—345.
- Vallverdú J., Boix S. Ectogenesis as dilution of sex or the end of females? // *Feminist philosophy of technology* / ed. by J. Loh, M. Coeckelbergh. Berlin: Springer, 2020. P. 105—122.
- Weijun Z., Zhenying Z., Yuchen Y. et al. Design and experiment of online monitoring system for long-term culture of embryo // *Journal of Biomedical Engineering*. 2021. Vol. 38, № 6. P. 1134—1143.

References

- Aguilera-Castrejon, A., Oldak, B. et al. (2021) Ex utero mouse embryogenesis from pre-gastrulation to late organogenesis, *Nature*, May, vol. 593, pp. 119—124.
- Armand, I. F. (1975) Marks i Engel's po voprosu sem'i i braka [Marx and Engels on the issue of family and marriage], in: Armand, I. F. *Stat'i, rechi, pis'ma*, Moscow: Politizdat, pp. 81—86.
- Belokurov, O. G. (1978) *Dvustoronniaia perfuziia perezhivaiushchei platsenty cheloveka*: Avtoref. dis. ... kand. biol. nauk [Bilateral perfusion of the surviving human placenta: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Bogdanov, A. A. (2014) *Prazdnik bessmertia* [Celebration of immortality], St. Petersburg: Lenizdat, Komanda A.
- Bylevskii, P. (2022) Kitaïskaia "kibermat'" vynashivaet autistov [Chinese "cybermat" harbors autistic], *Hi-Hume Journal*, 4 fevralia, available from <https://hi-hume.ru/novost/341> (accessed 01.08.2022).
- Cavalier, G. (2020) Gestation, equality and freedom: ectogenesis as a political perspective, *Journal Medical Ethics*, vol. 46, iss. 2, pp. 76—82.
- Chemaly, S. (2012) What do artificial wombs mean for women?, *Rewire News Group*, 23 February, available from <https://rewirenewsgroup.com/article/2012/02/23/what-do-artificial-wombs-mean-women> (accessed 01.08.2022).
- Evgrafova, A. D. (2019) Iskusstvennaia matka: istoriia, vozmozhnosti i problemy [Artificial uterus: history, opportunities and problems], in: *Obrazovatel'naia sistema: voprosy sovremennogo etapa razvitiia nauchnoi mysli*, Kazan': SitIvent, pp. 279—283.
- Firestone, S. (1970) *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*, New York: William Morrow and Company.
- Isaac, S. (2019) Is artificial-womb technology a tool for women's liberation?, *Aeon*, 18 December, available from <https://aeon.co/ideas/is-artificial-womb-technology-a-tool-for-womens-liberation> (accessed 01.08.2022).
- Kendal, E. (2017) The perfect womb: promoting equality of (fetal) opportunity, *Journal of Bioethical Inquiry*, vol. 14, no. 2, pp. 185—194.
- Kennedy, S. (2020) Willing mothers: ectogenesis and the role of gestational motherhood, *Journal Medical Ethics*, vol. 46, iss. 5, pp. 320—327.

- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2022) Ėvoliutsiia zhenskogo voprosa v rossiiskom obshchestve (1900—2020) [The evolution of women's issues in Russian society (1900—2020)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, vol. 1, pp. 3—21.
- Khmelevskaia, S. A. (2018) Regenerativnaia meditsina i problema bessmertiiia [Regenerative medicine and the problem of immortality], *Sotsial'no-politicheskie nauki*, vol. 3, pp. 192—193.
- Kollontaĭ, A. M. (1919) *Novaia moral' i rabochii klass* [New morality and the working class], Moscow: Izdatel'stvo Vserossiiskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabochikh, krest'ianskikh i krasnoarmeiskikh deputatov.
- Kollontaĭ, A. M. (1921) *Prostitutsiia i mery bor'by s nei*: (Rech' na III Vserossiiskom soveshchaniĭ zaveduiushchikh gubzhenotdelami) [Prostitution and measures to combat it: (Speech at III All-Russian meeting of heads of gubzhenotdely)], Moscow: Gosizdat.
- Kollontaĭ, A. M. (1926) Doklad "Brak i byt", proiznesennyĭ v Kolonnom zale Doma soiuзов 25.01.1926 [The report "Marriage and life", delivered in the Column Hall of the House of Unions 25.01.1926], *Rabochii sud*, no. 5, pp. 363—378.
- Kollontaĭ, A. M. (1972) Vvedenie k knige "Obshchestvo i materinstvo" [Introduction to the book "Society and Motherhood"], in: Kollontaĭ, A. M. *Izbrannye stat'i i rechi*, Moscow: Politizdat, pp. 160—175.
- Kollontaĭ, A. M. (2013) *Sotsial'nye osnovy zhenskogo voprosa* [Social foundations of the women's issue], Moscow: Kniga po trebovaniuu.
- Lenin, V. I. (1970) Pis'mo I. F. Armand, 17 ianvaria 1915 g. [Letter to I. F. Armand, January 17, 1915], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*, vol. 49, Moscow: Politizdat, pp. 50—52.
- McCully, S. (2021) The time has come to extend the 14-day limit, *Journal of Medical Ethics*, vol. 47, iss. 12, available from <https://jme.bmj.com/content/medethics/early/2021/01/18/medethics-2020-106406.full.pdf> (accessed 01.08.2022).
- Mitsiuk, N. A. (2015) Konstruiruia "ideal'nuiu mat'": kontseptsii materinstva v rossiiskom obshchestve nachala XX veka [Constructing the "ideal mother": the concepts of motherhood in Russian society in the beginning of the XX century], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 13, no. 1, pp. 21—32.
- Partridge, E. A., Davey, M. G., Hornick, M. A. et al. (2017) An extra-uterine system to physiologically support the extreme premature lamb, *Nature Communications*, no. 8, pp. 1—15.
- Partridzh, E., Fleĭk, A., Kozlov, Iu. A. (2020) Iskusstvennaia matka [Artificial uterus], *Pediatriia: Zhurnal imeni G. N. Speranskogo*, vol. 99, no. 1, pp. 150—159.
- Pristavka, E. (2022) Iskusstvennaia matka i biomeshek: kogda zhenshchiny perestanut vynashivat' i rozhat' detei [Artificial uterus and bio bag: when women will stop carrying and giving birth to children], *Khaitek*, 25 ianvaria, available from <https://hightech.fm/2022/01/25/give-burth> (accessed 01.08.2022).
- Pushkareva, N. L., Mitsiuk, N. A. (2016) Modernizatsiia reproduktivnogo povedeniia obrazovannykh rossiianok vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [Modernization of reproductive behavior of the Russian noblewomen in the second half of XIX — the beginning of the XX c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 73—89.
- Segers, S. (2021) The path toward ectogenesis: looking beyond the technical challenges, *BMC Medical Ethics*, vol. 22, pp. 1—15.
- Smajdor, A. (2007) The moral imperative for ectogenesis, *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, vol. 16, iss. 3, pp. 336—345.
- Smidovich, S. N. (1927) *Rabotnitsa i novyi byt* [A female worker and a new way of life], Moscow; Leningrad: Gosizdat.
- Temkina, A. A. (2014) Medikalizatsiia reproduksii i rodov: bor'ba za kontrol' [Medicalization of the reproduction and childbirth: a struggle for control], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 12, no. 3, pp. 321—336.

- Vallverdú, J., Boix, S. (2020) Ectogenesis as dilution of sex or the end of females?, in: Loh, J., Coeckelbergh, M. (eds), *Feminist philosophy of technology*, Berlin: Springer, pp. 105—122.
- Weijun, Z., Zhenying, Z., Yuchen, Y. et al. (2021) Design and experiment of online monitoring system for long-term culture of embryo, *Journal of Biomedical Engineering*, December, vol. 38, no. 6, pp. 1134—1143.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 29.09.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Хмелевская Светлана Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, xmelevsk@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 152—160.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 152—160.

Научная статья

УДК 070(091) "1941-1945"

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.12

**ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПРЕССЕ
ВОЕННЫХ ЛЕТ: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СЮЖЕТОВ**

*Евгения Леонидовна Ситникова¹, Наталья Викторовна Чернышева²,
Елена Александровна Шинкаренко³*

¹ Вятский государственный университет, г. Киров, Россия

² Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия, natiche84@mail.ru

³ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу основных сюжетов, раскрывающих образ женщины-матери, в материалах центральной прессы военных лет. В основе статьи — контент-анализ публикаций в газетах «Правда» и «Известия», вышедших в период с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г. Общий объем выборки составил 307 статей, содержащих информацию как о женщинах в целом, так и о конкретных героинях того времени. В результате анализа выделены сюжеты (факторы), наиболее полно отражающие рассматриваемый образ. Сделан вывод о том, что представленный в прессе военных лет образ женщины-матери весьма многогранен, он основывался как на уже сложившихся представлениях о функциях и роли материнства, так и на наиболее актуальных проблемах семьи, материнства и детства, вызванных войной.

Ключевые слова: военная пресса, женский образ, Великая Отечественная война, контент-анализ, мать, материнство, идеология, Советское государство

Для цитирования: Ситникова Е. Л., Чернышева Н. В., Шинкаренко Е. А. Образ женщины-матери в центральной прессе военных лет: анализ основных сюжетов // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 152—160.

Original article

THE IMAGE OF A MOTHER-WOMAN IN THE CENTRAL PRESS OF THE WAR YEARS: THE ANALYSIS OF THE MAIN STORIES

*Evgeniya L. Sitnikova*¹, *Natalya V. Chernysheva*²,
*Elena A. Shinkarenko*³

¹ Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

² Institute of Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, natiche84@mail.ru

³ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to determine the image of a woman-mother by analyzing the main stories dedicated to motherhood in the materials of the central press of the war years. The article is based on the content analysis of publications in the newspapers “Pravda” and “Izvestiya”, published in the period from June 22, 1941 to May 9, 1945. The total sample size was 307 articles containing information both about women in general and specific heroines of that time. The authors identified the stories (factors) that most fully reflect the image of a woman-mother. Based on the results of the study, it was concluded that the image of a woman-mother presented in the press of the war years was very multifaceted and was based both on the already established ideas about the functions and role of motherhood and the most pressing problems of the family, motherhood and childhood caused by the war.

Key words: military press, female image, Great Patriotic War, content analysis, mother, motherhood, ideology, Soviet state

For citation: Sitnikova, E. L., Chernysheva, N. V., Shinkarenko, E. A. (2022) *Obraz zhenshchiny-materi v tsentral'noi presse voennykh let: analiz osnovnykh siuzhetov* [The image of a mother-woman in the central press of the war years: the analysis of the main stories], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 152—160.

Введение

В современной науке изучение положения женщин по-прежнему является весьма актуальной задачей, для решения которой ученые все чаще прибегают к междисциплинарным исследованиям. Концепция решения женского вопроса в условиях социализма исходила из того, что женщина должна была выполнять в обществе три основные социальные функции: гражданки, труженицы, матери. Но в условиях войн положение женщин изменялось.

Отметим, что увеличение разрыва между численностью мужчин и женщин началось в Советском Союзе в довоенное время. В его основе были события 1920—1930-х гг. Следствием воинских и трудовых мобилизаций 1941—1945 гг. стал невиданный до этого дисбаланс в численности мужчин и женщин, который к 1945 г. достиг своего максимума в сельской местности. Так, удельный вес женщин в российской деревне колебался от 79,8 % в возрастной группе

18—24 года до 80,5 % в возрастной группе 25—49 лет [Исупов, 2019: 42]. Согласно спискам избирателей, во время выборов в Верховный Совет СССР в 1946 г. в стране было 34,1 % мужчин и 65,9 % женщин. Наибольший дисбаланс в численности мужчин и женщин был характерен для молодежи 20—27 лет: мужчины составляли всего 23—27 % [там же: 44].

Обозначенный дисбаланс, снижение уровня брачности (например, в РСФСР в 1942 г. он сократился в 2,3 раза по сравнению с предыдущим годом [Исупов, 2015: 7]), тяжелые социально-экономические условия, огромные людские потери (27 млн чел.) способствовали демографической катастрофе. Уровень рождаемости снизился в 3 раза, в 1943 г. он был минимальным (9,9 ‰) [там же: 6]. Реальный дефицит рождений только в РСФСР, по оценкам исследователей, приближался к 7—8 млн неродившихся детей, каждый пятый младенец не доживал до года [там же; Рыбаковский, 2010]. Серьезно возросшая детская смертность являлась следствием тяжелых условий труда и жизни женщин, которые приводили к невынашиванию беременности и рождению ослабленных детей.

Еще одним следствием войны стал рост числа одиноких матерей, вызвавший со стороны государства необходимость закрепления их юридического статуса и оказания социальной помощи. Так, с 1945 по 1958 г. в стране родилось 10,6 млн детей, у которых в акте о рождении отсутствовала запись об отце. В 1945 г. 18,9 % всех детей родилось вне брака [Араловец, 2010: 59].

Меры оказания помощи матерям стали реализовываться преимущественно на завершающем этапе войны. Они были представлены в комплексе вышедших нормативно-правовых актов, направленных на поддержку здоровья женщин, их репродуктивного поведения, оказание всесторонней помощи семьям с малолетними детьми (см., напр.: [Об усыновлении, 1943; Об увеличении государственной помощи беременным женщинам... , 1944; О мероприятиях по расширению сети детских учреждений... , 1944]).

Таким образом, в условиях демографической катастрофы, резкого ухудшения социального положения семей с детьми, роста количества одиноких матерей государство принимает ряд мер, направленных на поддержку материнства и детства, уделяя особое внимание агитационной и просветительской составляющей их реализации, что было крайне важно в условиях действия нормативных актов 1936 и 1941 гг. [О запрещении абортов... , 1936; О налоге на холостяков... , 1941].

Цель данной статьи — осуществить анализ основных сюжетных линий, отражающих образ женщины-матери, в центральной прессе военных лет.

Теоретико-методологическая база и источники исследования

Базой исследования являются труды деятелей женского движения, а также работы о положении женщин в социалистических государствах [Араловец, 1947; Коллонтай, 1921; Крупская, 1938; Бебель, 1926], анализ которых подробно представлен как в исторических, так и в социологических исследованиях [Юкина, 2014; Волкова, 2008; Хасбулатова, 2017]. Вопросы семьи, материнства и детства раскрываются преимущественно на основе изучения социально-демографических аспектов [Араловец, 2010; Вербицкая, 2002; Кринко, Хлынина, 2015; Чернышева, 2013]. Отдельно можно выделить гендерные исследования в историческом

контексте [Васеха, Фурсова, 2020; Здравомыслова, Темкина, 2003; Темкина, Роткирх, 2002; Исупов, 2019; Хасбулатова, 2015].

Методология исследования основана на теории социального конструктивизма [Бергер, Лукман, 1995], в которой особое место уделяется языку и коммуникации. Периодическая печать в определенных исторических условиях может служить достоверной эмпирической базой для понимания механизмов конструирования общественного пространства, задавая рамки социально одобряемого поведения. Это обстоятельство и обусловило выбор источников эмпирических данных: двух центральных газет Советского Союза — «Правда» и «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». Каждому печатному изданию была присуща своя специфика. Так, газета «Правда» являлась наиболее идеологизированным и подвергаемым цензуре печатным изданием того периода [Ворожбитова, Протуренко, 2009]. Газета «Известия» в большей степени освещала социально-экономические вопросы [Колдомасов, 2009].

Для анализа были отобраны статьи, опубликованные в период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г., в которых упоминались как женщины в целом, так и конкретные героини того времени. При этом в выборку включались преимущественно статьи, посвященные тыловой жизни женщин. Контент-анализ публикуемых в газетах нормативно-правовых документов не проводился. В газете «Правда» было отобрано 135 статей, базовый словарь составил 74 019 слов, словарь для изучения образов советской женщины — 235 слов. В результате факторного анализа получен 31 фактор. В газете «Известия» было отобрано 172 статьи, базовый словарь составил 72 209 слов, словарь для изучения заявленной проблемы — 251 слово, получено 24 фактора. Компьютерная обработка данных осуществлялась в программе «Лекта».

Результаты исследования

Важнейшей составляющей образа женщины-матери являлась его словесная визуализация. При описании внешнего облика матери в статьях акцент делается на глазах и руках. Глаза женщин-матерей «улыбаются всеми морщинами», «сверкают ненавистью», «скорбные, но сухие от слез»¹. Через образ рук подчеркивается ценность их трудовой деятельности. С точки зрения психологических черт образу матери присущи как традиционно фемининные черты (заботливость, благодарность, самоотдача, ласка, доброта), так и маскулинные (гордость, мужество).

В статьях наблюдается также трансформация женского образа в образ Родины-матери. Активная эксплуатация этого образа была направлена на то, чтобы подчеркнуть изменение демографической политики Советского государства в сторону признания ценности материнства [Рябов, 2006: 37]. В марте 1942 г. в газете «Правда» отмечалось: «За ласковым лицом своей названной мамы каждый ребенок увидит прекрасное и справедливое лицо своей советской родины. Он передаст потомству нетленный образ мужественной и доброй женщины эпохи Ленина и Сталина»².

¹ Беспокойное сердце // Правда. 1942. 8 марта (№ 67); Женщина на страже // Там же. С. 3; В нашей семье // Там же. 9 марта (№ 68). С. 2; Матери-героини // Там же. 1944. 2 ноября (№ 263). С. 5.

² Женщина на страже. С. 3.

Одним из сквозных образов женщин выступает образ старой/пожилой матери. Пожилые матери отправляют детей на фронт, активно включаются в трудовую деятельность, получают награды за многодетность, пишут письма детям и призывают их бороться с захватчиками. В статьях они изображаются как «скромные, пожилые женщины, горделиво и кропотливо трудившиеся»³.

В газетах публикуются письма матерей своим сыновьям на фронт, этот прием используется для раскрытия темы тесной связи фронта и тыла («сыны мои, уничтожайте фашистов без страха и пощады»)⁴. Обращение к читателям газет осуществляется от первого лица⁵. Таким образом, в публикациях ставится акцент на ценностно-мотивационной функции материнства.

В газетах военных лет женщина-мать предстает как объект государственной защиты, т. е. активно поддерживается идея патерналистской функции Советского государства. В статьях рассказывается об организации детских яслей и детских садов, расширении сети родильных домов, женских консультаций, помощи одиноким матерям и т. п. В данном контексте раскрывается также тема заботы государства о семьях фронтовиков, подчеркивается уникальность и беспрецедентность данных мер: «Где, в какой стране государство может проявлять такую заботу о матери и ребенке? Нигде, только в нашей стране...»⁶

Важнейшей сюжетной линией являлось прославление многодетного материнства — описание вручения многодетным матерям государственных наград в Кремле лично из рук М. И. Калинина («словно к венцу иду», «неповторимый орден», «за все хлопоты», «высший почет», «скромные женщины»)⁷. По объему это самый большой фактор, раскрывающий образ женщины-матери. Стоит отметить, что роль отца в данном контексте не обозначается, ставится акцент на том, что рождение и воспитание детей с социальной точки зрения — исключительно женская задача и предназначение. Иллюстративными в данном случае будут строки из одной статьи: «Все дети, кроме самых маленьких, помогают матери... Отец — совсем молодой по виду, статный, складный — много работает, у него не остается времени для домашних дел»⁸.

Актуальной темой, раскрывающей образ женщины-матери, стала также тема, посвященная воспитанию не только своих, но и осиротевших детей. В тяжелых военных условиях женщины берут на себя обязанность вырастить детей, оставшихся без родителей. В статьях приводятся личные примеры усыновления

³ Кетлинская В. Ласка Родины // Известия. 1944. 11 июля (№ 163). С. 2.

⁴ Дочери нашей родины // Там же. 1941. 3 сентября (№ 208). С. 1.

⁵ Федоров Г. Орлиха // Там же. 1943. 7 марта (№ 55). С. 2; Десять детей Марии Смагиной // Там же. 1944. 11 июля (№ 163). С. 2.

⁶ Забота социалистического государства о матерях и детях // Правда. 1944. 9 июля (№ 164). С. 1—2. См. также: Стариков В. Впервые в цехе // Известия. 1941. 24 сентября (№ 226). С. 3.

⁷ Кетлинская В. Указ. соч.; Советские люди горячо приветствуют заботу государства о детях и матерях // Правда. 1944. 13 июля (№ 167). С. 2; Вручение орденов «Мать-героиня» и грамот Президиума Верховного Совета СССР о присвоении почетного звания «Мать-героиня» // Известия. 1944. 2 ноября (№ 261). С. 1; Матери-героини // Там же. С. 2; Вручение медалей многодетным матерям Белорусской ССР // Там же. 1945. 13 января (№ 11). С. 1.

⁸ Тэсс Т. Семья Смагиных // Известия. 1944. 28 октября (№ 257). С. 3.

женщинами детей, а также в целом демонстрируется забота советского народа о сиротах: «Нет, не сироты вы, родные! Советский народ не оставит тебя, малыш, у которого проклятые немцы украли мать, родной дом, радость, всё...»⁹

Заключение

В ходе проведенного анализа было выделено несколько сюжетных линий, характеризующих образ женщины-матери: женщина-мать как объект государственной защиты; многодетная мать; женщина, воспитывающая детей. Формирование образа женщины-матери в исследуемых источниках базировалось на общих представлениях об образе Родины, функциях материнства, воспитании советского человека. Личные примеры материнства, проявления материнской заботы, самоотдачи являлись общественно значимыми. Непосредственный образ женщины-матери в центральной прессе военных лет многогранен, он представлен сквозь призму образа Родины-матери, образа пожилых и молодых матерей, многодетных и одиноких, и выступает неотъемлемой частью образа женщины страны Советов.

Библиографический список

- Араловец Н. А. Браки и семья в РСФСР в послевоенные годы // Российская история. 2010. № 4. С. 55—63.
- Араловец Н. И. Женщины — великая сила советского общества. М.: Моск. рабочий, 1947. 63 с.
- Бебель А. Женщина и социализм / пер. Е. и И. Леонтьевых. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 180 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Васеха М. В., Фурсова Е. Ф. «Мужское» и «женское»: гендер в фокусе отечественных исторических исследований: (материалы к учебному курсу «Основы культурной антропологии») // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 22—33.
- Вербицкая О. М. Сельское население Российской Федерации в 1939—1959 гг.: (демографические процессы и семья): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2002. 416 с.
- Волкова Е. Ю. Женщины тыловых регионов России в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2008. 493 с.
- Ворожбитова А. А., Протуренко В. И. Советская аргументативная модель в официальном газетном дискурсе периода Великой Отечественной войны // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2009. № 14. С. 38—48.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3—4. С. 299—321.
- Исупов В. А. Рождаемость населения России в 1939—1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3—18.
- Исупов В. А. Гендерный дисбаланс сельского населения России (РСФСР) в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.) // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 40—41.

⁹ Ты не сирота, малыш!: (о благородном почине женщин «Красного богатыря») // Правда. 1942. 31 января (№ 31). С. 3.

- Колдомасов И. О.* Формирование образа союзников с помощью печатных СМИ в советском обществе военных лет (1941—1945 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2009. № 7. С. 75—80.
- Коллонтай А. М.* Положение женщин в связи с эволюцией народного хозяйства. М.: Гос. изд-во, Моск. отд-ние, 1921. 30 с.
- Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П.* Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 46—55.
- Крупская Н. К.* Женщина страны Советов — равноправный гражданин: сборник статей, 1917—1937. М.: Партиздат, 1938. 165 с.
- Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. // Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. М.: Воен. изд-во НКО СССР, 1946. С. 84—88.
- Об усыновлении: указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1967 гг.: в 2 т. / сост. Ф. И. Калинычев, М. И. Юмашев, А. В. Калитеевская. М.: Известия, 1968. Т. 2. С. 409.
- О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах: постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#NIRcakS0Dij5PgGf> (дата обращения: 15.07.22).
- О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей: постановление СНК № 1571 от 10 ноября 1944 г. // ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 2079. Л. 86—89.
- О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР: указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. (с последующими изм. и включением группы малосемейных граждан) // Свод законов СССР: в 11 т. / сост. В. Ф. Яковлев, Н. Ф. Рубцов и др. М.: Известия, 1989. Т. 5. С. 469—470.
- О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов: указ от 10 ноября 1944 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1967 гг.: в 2 т. / сост. Ф. И. Калинычев, М. И. Юмашев, А. В. Калитеевская. М.: Известия, 1968. Т. 2. С. 417.
- Рыбаковский Л. Л.* Людские потери СССР и Россия в Великой Отечественной войне. М.: Эконом-Информ, 2010. 140 с.
- Рябов О. В.* «Родина-Мать»: история образа // Женщина в российском обществе. 2006. № 3. С. 33—46.
- Темкина А. А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4—14.
- Хасбулатова О. А.* Социальная политика СССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2015. № 2. С. 3—10.
- Хасбулатова О. А.* Женское движение в России как фактор социального прогресса (1900—1917 гг.) // Женщина в российском обществе 2017. № 2. С. 5—14.
- Чернышева Н. В.* Государственная защита материнства и детства в годы Великой Отечественной войны // Отечественный журнал социальной работы. 2013. № 1. С. 56—64.
- Юкина И. И.* На пути к марксистскому феминизму: деятельность Александры Коллонтай // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5, № 2. С. 81—91.

References

- Aralovets, N. A. (2010) Braki i sem'ia v RSFSR v poslevoennye gody [Marriages and family in the RSFSR in the postwar years], *Rossiiskaia istoriia*, no. 4, pp. 55—63.
- Aralovets, N. T. (1947) *Zhenshchiny — velikaia sila sovetskogo obshchestva* [Women are the great force of Soviet society], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Bebel', A. (1926) *Zhenshchina i sotsializm* [Woman and socialism], Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Berger, P., Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia* [Social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge], Moscow: Medium.
- Chernysheva, N. V. (2013) Gosudarstvennaia zashchita materinstva i detstva v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny [State protection of motherhood and childhood during the Great Patriotic War], *Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty*, no. 1, pp. 56—64.
- Isupov, V. A. (2015) Rozhdaemost' naseleniia Rossii v 1939—1945 gg. [The birth rate of the population of Russia in 1939—1945], *Rossiiskaia istoriia*, no. 1, pp. 3—18.
- Isupov, V. A. (2019) Gendernyi disbalans sel'skogo naseleniia Rossii (RSFSR) v gody Vtoroi mirovoi voĭny (1939—1945 gg.) [Gender imbalance of the rural population of Russia (RSFSR) during the Second World War], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 6, no. 1, pp. 40—41.
- Iukina, I. I. (2014) Na puti k marksistskomu feminizmu: deiatel'nost' Aleksandry Kollontai [On the way to Marxist feminism: Alexandra Kollontai's activity], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 5, no. 2, pp. 81—91.
- Khasbulatova, O. A. (2015) Sotsial'naia politika SSSR v period Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny 1941—1945 gg.: gendernyi aspekt [Social policy of the USSR during the Great Patriotic War of 1941—1945: gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—10.
- Khasbulatova, O. A. (2017) Zhenskoe dvizhenie v Rossii kak faktor sotsial'nogo progressa (1900—1917 gg.) [Women's movement in Russia as a factor of social progress], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 5—14.
- Koldomasov, I. O. (2009) Formirovaniie obraza soiuznikov s pomoshch'iu pechatnykh SMI v sovetskom obshchestve voennykh let (1941—1945 gg.) [Formation of the image of allies with the help of print media in the Soviet society of the war years], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoriia. Politologiya, no. 7, pp. 75—80.
- Kollontai, A. M. (1921) *Polozhenie zhenshchin v sviazi s evoliutsiei narodnogo khoziaistva* [The status of women in connection with the evolution of the national economy], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moskovskoe otdelenie.
- Krinko, E. F., Khlynina, T. P. (2015) Sem'ia i brak nakanune i v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny [Family and marriage on the eve and during the Great Patriotic War], *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 46—55.
- Krupskaia, N. K. (1938) *Zhenshchina strany Sovetov — ravnopravnyi grazhdanin*: Sbornik stateĭ, 1917—1937 [A woman of the country of the Soviets is an equal citizen: collection of articles, 1917—1937], Moscow: Partizdat.
- Riabov, O. V. (2006) "Rodina-Mat'": istoriia obraza ["Motherland": the history of the image], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 33—46.
- Temkina, A. A., Rotkirkh, A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoi Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 11—14.
- Vasekha, M. V., Fursova, E. F. (2020) "Muzhskoe" i "zhenskoe": gender v fokuse otechestvennykh istoricheskikh issledovaniĭ: (Materialy k uchebnomu kursu "Osnovy kul'turnoi

- антропологии”) [“Masculine” and “feminine”]: gender in the focus of domestic historical research: (Materials for the course “Fundamentals of cultural anthropology”), *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, serii Istorii, filologii, vol. 19, no. 5: Arkheologiya i etnografiya, pp. 22—33.
- Verbitskaia, O. M. (2002) *Sel'skoe naselenie Rossiiskoi Federatsii v 1939—1959 gg.: (Demograficheskie protsessy i sem'ia)*: Dis. ... d-ra ist. nauk [Rural population of the Russian Federation in 1939—1959: (Demographic processes and family): Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.
- Volkova, E. Iu. (2008) *Zhenshchiny tylovykh regionov Rossii v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 gg.*: Dis. ... d-ra ist. nauk [Women of the rear regions of Russia during the Great Patriotic War of 1941—1945: Diss. (Dr. Sc.)], St. Petersburg.
- Vorozhbitova, A. A., Proturenko, V. I. (2009) Sovetskaia argumentativnaia model' v ofitsial'nom gazetnom diskurse perioda Velikoi Otechestvennoi voiny [The Soviet argumentative model in the official newspaper discourse of the period of the Great Patriotic War], *Lingvistoricheskaia paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, no. 14, pp. 38—48.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State construction of gender in Soviet society], *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 1, no. 3—4, pp. 299—321.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Ситникова Евгения Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, evgsitnikova@yandex.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Чернышева Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, natiche84@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Шинкаренко Елена Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, elenashinkarenko@fsn.unn.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 161—175.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 161—175.

Научная статья

УДК 32.01(091)(73)

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.13

РУФЬ БРАЙАН ОУЭН: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА ПЕРВОЙ ЖЕНЩИНЫ-ДИПЛОМАТА В США

Наталья Александровна Мицюк, Марина Михайловна Шульга

Смоленский государственный медицинский университет,
г. Смоленск, Россия, nmitsyuk@gmail.com

Аннотация. Цель публикации состоит в изучении политической карьеры Руфь Брайан Оуэн — первой женщины-дипломата в американской истории. Авторы ставят задачи выявления факторов, способствующих вовлечению женщин в политическую жизнь США, определения основных каналов политической социализации, обнаружения влияния патриархальных и консервативных установок на роли женщин во власти. Актуальными методами явились дискурсивный анализ, сравнительно-исторический анализ, а также метод нарративного анализа текста. В процессе использования гендерного, биографического и микроисторического подходов были привлечены автодокументальные источники, материалы американской прессы 1920—1940-х гг., официальные отчеты о заседаниях Конгресса США. Изучение политической карьеры Р. Оуэн показало, что вовлечению женщин в политическую жизнь в 1920—1940-х гг. способствовали не только феминистский дискурс первой волны и активистская деятельность защитниц женских прав, но и кризисные условия, явившиеся следствием Первой мировой войны, Великая депрессия. «Новый курс» Ф. Д. Рузвельта содействовал активному вовлечению женщин в политику. Р. Оуэн воплощала идеалы «новой женщины», которой удавалось совмещать семейную жизнь, материнство с карьерой. Несмотря на активную гражданскую позицию, Р. Оуэн не выражала взглядов в отношении женской эмансипации, не будучи сторонницей феминистского дискурса. Деятельность первых женщин-политиков сосредоточивалась вокруг сферы социального обеспечения и семейной политики. Назначение Р. Оуэн на дипломатический пост в Дании было сопряжено с рядом ограничений, в том числе в формальном наименовании («Minister to Denmark», а не «Ambassador»), что указывало на неравнозначность аналогичных постов на государственной службе, занимаемых мужчинами и женщинами. Хотя в политической карьере деятельность Р. Оуэн часто была обусловлена влиянием традиционных стереотипов о социальных ролях женщин, ей удалось разрушить мужское доминирование в американской дипломатии и проложить американским женщинам путь к дипломатическим постам.

Ключевые слова: гендерная история, Р. Оуэн, права женщин, «Новый курс», женщина-политик, конгрессумен, семейная политика, «новая женщина»

Для цитирования: Мицюк Н. А., Шульга М. М. Руфь Брайан Оуэн: политическая карьера первой женщины-дипломата в США // *Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 161—175.*

Original article

RUTH BRIAN OWEN: THE POLITICAL CAREER OF THE FIRST FEMALE DIPLOMAT IN THE UNITED STATES

Natalia A. Mitsyuk, Marina M. Shulga

Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation, nmitsyuk@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to examine the political career of Ruth Brian Owen, the first female diplomat in American history. The authors set out research tasks related with the identification of factors that contribute to the involvement of women in the political life of the United States, the identification of the main channels of political socialization, as well as the influence of patriarchal and conservative attitudes on roles of women in power. The main methods used in the research were: the discourse analysis, the comparative historical analysis, as well as the method of narrative analysis of the text. Using gender, biographical and microhistorical approaches, the researchers used auto-documentary sources, materials from the American press of the 1920s — 1940s, and official records of meetings of the U.S. Congress were used. The study of R. Owen's political career showed that the involvement of women in political life in the 1920s — 1940s was contributed not only by the feminist discourse of the first wave and the activities of defenders of women's rights, but also because of the crisis conditions that were a consequence of the First World War, the Great Depression. "New Deal" by F. D. Roosevelt promoted the active involvement of women in politics. R. Owen embodied the ideals of a "new woman" who managed to combine family life, motherhood with a career. Despite her active civic position, R. Owen neither expressed views on women's emancipation, nor was a supporter of feminist discourse. The activities of the first women politicians were influenced by traditional views, which reflected the porosity of patriarchy. Women's political activities centered around social welfare and family politics. R. Owen's appointment to a diplomatic post in Denmark was linked with a number of restrictions, including the formal title ("Minister to Denmark", but not "Ambassador"), which indicated the inequality of similar posts in the civil service held by men and women. Despite the fact that in her political career, R. Owen's activities were often influenced by traditional stereotypes about the social roles of women, she managed to destroy male dominance in American diplomacy and pave the way for other American women to diplomatic posts.

Key words: gender history, R. Owen, women's rights, "New Deal", female politician, congresswoman, family policy, "new woman"

For citation: Mitsyuk, N. A., Shulga, M. M. (2022) Ruf' Braïan Ouën: politicheskaia kar'era pervoi zhenshchiny-diplomata v SShA [Ruth Brian Owen: the political career of the first female diplomat in the United States], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 161—175.

На протяжении почти всей истории человечества управление государственными делами как внутри страны, так и за ее пределами представлялось исключительно мужским делом. Женщины могли быть лишь негласными советчицами, когда их мужчины, наделенные властью, возвращались домой. Движение первой волны феминизма, эра прогрессивизма, Великая депрессия, «Новый курс» Франклина Д. Рузвельта в США на фоне бурных процессов индустриализации, модернизации, женской эмансипации привели к существенным изменениям в политической жизни Нового Света, ломая традиционный взгляд на женские социальные статусы и роли, способствуя продвижению женщин на политической арене.

Цель статьи состоит в изучении и репрезентации политической карьеры Руфь Брайан Оуэн — первой женщины в американской истории, назначенной на дипломатический пост. Наравне с СССР, в котором А. Коллонтай в 1922 г. была назначена полпредом в Норвегии, США стали одной из первых стран в XX в., где женщины, преодолевая рамки гендерной сегрегации в профессии, смогли продвинуться на пути дипломатической службы. Президент Ф. Д. Рузвельт в 1933 г. назначил Р. Оуэн послом США в Дании. Используя гендерный, биографический и микроисторический подходы, мы стремились установить, какие факторы способствовали вовлечению женщин в политическую жизнь США, определить основные каналы политической социализации, выявить влияние патриархальных и консервативных установок на роли женщин во власти.

Исследования о первых женщинах, занимавших достаточно высокие политические посты в США, в американских исторических работах представлены достаточно широко. Существует внушительный пул работ, посвященных женским организациям в США в целом [Becker, 1981; Ware, 1982; Clark, 1972; Woloch, 2002], отдельный массив составляют исследования о женщинах-политиках (напр.: [Foerstel, 1999; «Ruth Bryan Owen» in *Women in Congress*, 2006]), но о женщинах-дипломатах упоминается лишь вскользь [Findling, 1989; Vagnoux, 2015]. На фоне многочисленных изданий об участии женщин в политической жизни в первой половине XX в. объем исследований, посвященных политической карьере первой женщины-дипломата Р. Оуэн, достаточно скромный. Они носят как мемуарный характер (скажем, книга ее дочери Хелен Радд Браун «*Ruth Brian Owen: Congresswoman and Diplomat. An Intimate Portrait*» [Brown, 2014]), так и исследовательский [Vickers, 1994; Nash, 2005, 2020]. В мемуарах дочери рассматриваются внутрисемейные отношения. Здесь практически полностью отсутствует критическое отношение к поступкам и решениям Р. Оуэн, книга имеет глубоко личный характер. Исследования Ф. Нэша и С. Викерс носят научный характер и раскрывают деятельность Р. Оуэн на посту главы дипломатической миссии в Дании, указывая на разрыв устоявшейся парадигмы назначения мужчин на дипломатические посты. В российской историографии исследовательский акцент смещен на изучение женских политических движений, а также биографических вех участниц различных волн феминизма [Шашина, 2004; Садовникова, 2007; Елифанова, 2008; Моховикова, 2006; Задворнова, 2021]. Научная новизна исследования определяется также существующей недостаточной вовлеченностью исторических источников о деятельности первой женщины США, занявшей дипломатический пост.

Статья основана на использовании трех групп источников: эгодокументов, материалов американской прессы 1920—1940-х гг. («The New York Times», «The Washington Post»), официальных отчетов о заседаниях Конгресса США. Основу автодокументальной литературы составили мемуарные записи Х. Р. Браун, а также произведения самой конгрессвумен [Owen, 1930, 1931, 1935]. Следует отметить, что ни один из указанных автодокументальных источников не издан на русском языке. Привлекались также архивные материалы, находящиеся в открытом доступе [Brown, 2014].

Руфь Брайан Оуэн родилась 2 октября 1885 г. в семье адвоката Уильяма Дженнингса Брайана. О политике Руфь знала не понаслышке, так как ее отец трижды баллотировался на пост президента США. В связи с его политической деятельностью семья часто переезжала, так что о собственной стране будущая конгрессвумен и посол знала не из книг.

Несомненно, тот факт, что отец Р. Б. Оуэн имел достаточный авторитет в политических кругах, не мог не оказать впоследствии влияние на ее продвижение в политике. Первые женщины-политики не имели специального образования, направленного на реализацию политической карьеры, что было связано прежде всего с отсутствием в начале XX в. каналов, способных продвинуть женщин на политической арене. Руфь также специально не готовилась к политической карьере и законченного образования в сфере политики не получила. Это разительно отличается от того, как происходила политическая социализация мужчин. Во многих семьях (Рузвельты, Кеннеди) будущих наследников готовили для блестящей политической или дипломатической карьеры с самых ранних лет. Несмотря на угасание идеалов женственности Викторианской эпохи, модели «добродетельной матери», в начале XX в. на девочек продолжали смотреть с позиции традиционных гендерных ролей супруги и матери.

Политическая карьера Р. Б. Оуэн, как и многих женщин, оказавшихся во власти в 1920—1930-х гг., не была связана с участием в женских феминистских организациях. Она не увлекалась суфражистскими идеями, никак не выражая взгляды, связанные с женской эмансипацией. Напротив, Р. Оуэн следовала традиционным представлениям о социальной роли женщины в обществе. Достаточно рано, в октябре 1903 г., она вышла замуж за художника-портретиста У. Ливитта [The Leavitt — Bryan wedding, 1903]. В этом же году она покинула Университет Небраски. Брак оказался неудачным. В нем родились двое детей — Китти и Джон. У. Ливитт оставил супругу с маленькими детьми на руках и без каких-либо средств к существованию. Вовлечение Р. Оуэн в сферу профессиональной занятости скорее было не проявлением ее эмансипированных взглядов, а жизненной необходимостью. Процессы индустриализации, урбанизации существенным образом оказали влияние на ценности традиционной американской семьи, способствуя росту числа разводов. После расторжения брака Р. Оуэн пришлось взвалить на себя обязанность по финансовому обеспечению семьи, тем самым разорвав сложившийся стереотип, согласно которому кормильцем в семье может и должен быть исключительно мужчина. Официально развод с Ливиттом был оформлен только в 1909 г. (Позже Китти возьмет фамилию отчима — Оуэн, а Джон фамилию деда — Брайан.)

Первые шаги на политической сцене Р. Брайан делала также не по причине увлечения идеями о женском равноправии, а в связи с необходимостью оказания помощи отцу при подготовке очередной избирательной кампании. В 1908 г. она была его секретарем во время третьей попытки У. Д. Брайана баллотироваться на пост президента США.

Исследователи подчеркивают, что в эру прогрессивизма активистки придерживались традиционных представлений о женственности, продолжая смотреть на женщин прежде всего с позиции выполнения ими материнских обязанностей и работ по дому. Их участие в общественных делах определялось ролью «муниципальных домработниц» [Meltzer, 2009]. Следуя этим установкам, женщины активно включались в различные социальные проекты, связанные с заботой о горожанах, особенно о материнстве и детстве. Р. Оуэн с достаточно ранних лет была известна своей деятельностью в нескольких благотворительных организациях, помогавших людям из необеспеченных слоев общества.

Несмотря на попытки выстраивания собственных профессиональных ролей, идеалы супружества и материнства продолжали играть первостепенную роль в жизненных стратегиях Р. Оуэн. В 1906 г. в Каире, во время одной из поездок с отцом, она встретила молодого британского офицера Реджинальда Оуэна, за которого в 1910 г. вышла замуж [The Owen — Bryan wedding, 1910]. Брак оказался счастливым. Он продлился вплоть до смерти Реджинальда в 1927 г. Во втором браке родились еще двое детей: Брайан и Хелен Радд.

С 1910 по 1913 г. семья жила на Ямайке, куда Р. Оуэн был отправлен по службе. Там Руфь лично спроектировала их новый дом, «Золотые облака», впоследствии описанный ее дочерью Радд Браун. В 1913 г. Оуэны переехали в Лондон, где их и застала Первая мировая война. Супруг Руфь был призван на службу в ряды Британской армии.

Первая мировая война во многом повлияла на ломку традиционных стереотипов в отношении гендерных ролей в обществе, продвижения идей первой волны феминизма. В условиях военного времени женщины активно вливались в состав корпуса сестер милосердия, организовывали женские комитеты для оказания всевозможной помощи действующей армии, раненым и семьям военных, осваивали новые профессии (в химической, автомобильной, металлургической промышленности) [Kessler-Harris, 1982: 219]. На этом фоне формы борьбы суфражисток за права женщин становились все более радикальными, тем самым подрывались представления о «респектабельной женственности и поведении леди» [Брайсон, 2001: 99—100].

С началом войны Руфь Оуэн наряду с многочисленными женщинами того времени включилась в активную общественную работу по оказанию помощи действующей армии и семьям военных («Я присоединилась к группе из 15 женщин, которые создали Американский фонд помощи в Лондоне» [U.S. Congress. House. Arguments and Hearings... , 1930: 57]). Их военный госпиталь располагался в Девоншире, а в Лондоне было открыто 5 мастерских для трудоустройства безработных женщин. Позже в составе добровольческого формирования Р. Оуэн работала медицинской сестрой на Ближнем Востоке во время Египетско-Палестинской кампании 1915—1918 гг. [Foerstel, 1999: 213]. «Я решила отправиться в Египет с моим младшим ребенком в октябре 1915 года, чтобы быть как

можно ближе к супругу... Я стала волонтером отдела помощи в Каире, на протяжении трех лет я была палатной сестрой, сестрой в операционной и хирургической сестрой» [U.S. Congress. House. Arguments and Hearings... , 1930: 57]. Здоровье Реджинальда было сильно подорвано войной, поэтому в 1919 г. Оуэны возвращаются в Соединенные Штаты. Военная пенсия главы семьи оказалась настолько мала, что не могла обеспечить ей нормальное существование. Таким образом, факторы, связанные с финансовыми проблемами в семье, вынудили Руфь Оуэн вновь заняться собственной карьерой [Brown, 2014: 14—18].

Условия военного времени способствовали вовлечению женщин в различные виды гражданской и социальной активности, что в конечном итоге привело к принятию Девятнадцатой поправки к Конституции США, легализовавшей активное избирательное право для женщин в 1920 г. [Keyssar, 2000].

1920-е — начало 1930-х гг. в развитии идей женского равноправия исследователи оценивают неоднозначно. С одной стороны, отмечается, что после принятия поправки первая волна феминизма угасла. Пошла на убыль борьба против дискриминации женщин, снизили активность женские политические объединения [Woloch, 2002: 246]. С другой стороны, появились «новые женщины», которые стали не только в теории, но и на практике оспаривать тезис своих предшественниц из эры прогрессивизма о невозможности совмещения публичной и частной жизни, активной карьеры и семьи, материнства [Brown, 1987]. Так зарождалось представление об интенсивном материнстве и возможности женщины одновременно быть матерью и вести активную публичную деятельность [Мицюк, 2015]. По мнению историков, в соответствии с капиталистическим духом эпохи «новые женщины» стремились конкурировать и находить личную самореализацию [Woloch, 2002: 256]. В этот период появляются женщины в Конгрессе, в 1925 г. впервые на губернаторский пост штата Вайоминг была избрана женщина — Нелли Тейло Росс, среди женщин — все больше получательниц различных премий, свидетельствовавших о признании их публичной деятельности. Джейн Адамс стала первой женщиной — лауреатом Нобелевской премии. Все эти примеры не только вдохновляли женщин по всему миру, но и меняли существующие гендерные стереотипы, преодолевая различные формы дискриминации женщин.

Великая депрессия существенным образом изменила представления о женских социальных ролях. Тяжелейший экономический кризис ударил по американским семьям, многие женщины брали на себя функции вторых кормильцев, используя все возможности трудоустроиться [Шульга, 2020]. Подобная ситуация разрушала принципы традиционной семьи, основанной на жестком разделении сфер жизни.

После смерти мужа Р. Оуэн начинает активно заниматься публичной деятельностью, на практике воплощая идеалы «новых женщин», что прежде всего было обусловлено финансовыми проблемами. «Когда моему ребенку было 8 месяцев, я его оставила и отправилась в свой первый лекционный тур» [U.S. Congress. House. Arguments and Hearings... , 1930: 58]. Не имея законченного высшего образования, но полная решимости, Руфь разворачивает активную общественную и политическую деятельность: часто выступает с открытыми лекциями (см., напр.: [Ruth Bryan Owen Pleases... , 1932]), участвует в дебатах

и даже с 1926 г. начинает преподавать в Университете Майями. Часть заработанных средств она отправляет в специально созданный стипендиальный фонд.

В 1926 г. Р. Оуэн впервые пыталась избраться в Конгресс от Демократической партии, но проиграла с разницей в 770 голосов. Поражение ее не остановило. На новую попытку было потрачено еще 2 года, и в 1928 г. Р. Оуэн была избрана в Палату представителей Конгресса США от штата Флорида. По поводу своей победы она отметила: «Есть! Я первая из Брайанов, кто баллотировался и выиграл!» (цит. по: [Du Ruu, 1929]). За время предвыборной кампании Руфь выстроила прекрасные отношения с редакторами большинства газет, выступила со множеством ярких речей. Не осталась незамеченной ее работа по восстановлению Майями после сильнейшего урагана в 1927 г. Р. Оуэн обошла на предварительном голосовании семикратного номинанта на этот пост от Демократической партии У. Сиарса.

Но битва за место в Конгрессе оказалась неоконченной: ее оппонент от Республиканской партии У. Лоусон оспорил выборы на основании того, что, выйдя замуж за подданного Великобритании Р. Оуэна, Руфь потеряла право на гражданство США, а следовательно, и все политические права, с ним связанные. Р. Оуэн подала прошение на получение гражданства по Закону о независимом гражданстве замужних женщин в 1925 г., но до ее избрания не прошло требуемых законом 7 лет ренатурализации. Рассмотрением дела занялась Палата представителей Конгресса США [U.S. Congress. House. Arguments and Hearings... , 1930; U.S. Congress. House. Report № 968... , 1930]. На слушаниях в Конгрессе Р. Оуэн горячо доказывала, что она утратила право на гражданство лишь потому, что она — женщина, а не потому, что вышла замуж за иностранца. Ни один мужчина-американец не лишился своего гражданства только потому, что связал себя узами брака с иностранкой: «Если бы в день, когда я вышла за майора Оуэна, американский мужчина женился на женщине из другой страны, то он бы не потерял свое гражданство и на пять минут» [U.S. Congress. House. Arguments and Hearings... , 1930]. Кроме того, она сумела пояснить на слушаниях, почему необходимые документы она подала не в 1922-м, а только в 1925 г. В свою защиту Р. Оуэн заявила, что ей необходимо было прежде всего думать о нуждах семьи, в первую очередь финансовых. Как только положение Оуэнов благодаря неустанному труду Руфь стало стабильным, она подала прошение на восстановление гражданства. Заявление с пояснениями было поддержано Палатой представителей, которая проголосовала в поддержку Р. Оуэн на избранном посту. В марте 1929 г. она начала свою работу как первая конгрессвумен, избранная от политически консервативного Юга США. Штат Флорида являлся одним из самых антифеминистски настроенных штатов. Следует отметить, что в нижней палате Конгресса США в это время работало всего 6 (!) женщин-политиков.

На своем новом посту Р. Оуэн старалась активно вовлекать женщин в политику, несмотря на то что была избрана от штата Флорида, который проголосовал против наделения женщин избирательным правом. В то же время Р. Оуэн не являлась активной участницей феминистских движений. Она состояла в различных социальных организациях, поддерживавших женщин, но никогда открыто не выступала с крайне феминистских позиций, не была членом женских политических

организаций, считая, что любой человек, будь то мужчина или женщина, имеет право реализовать себя на службе государству в полной мере.

Важным этапом в продвижении женщин в политике стал «Новый курс» (1933—1939 гг.) Ф. Д. Рузвельта. Политические реформы неоднозначно оценены историками в отношении продвижения идей женского равноправия. Североамериканские авторы, разделяющие подходы гендерной и феминистской истории, подчеркивают, что женщины получили лишь символическое признание в рамках курса. Отмечается, что не было принято ни одного закона в пользу женских прав и проблемы гендерного неравенства не получили своего разрешения [Brinkley, 2000; Amott, Matthaei, 1991]. В январе 1932 г. Конгресс принял Федеральный закон об экономике, который предусматривал, что два человека в семье не могли одновременно работать на государственной службе. Это нанесло удар по продвижению женщин в публичной сфере. Следует отметить, что, критикуя ограниченность политики «Нового курса» в отношении женского равноправия, исследователи оценивают его с современных представлений о гендерном равенстве. Очевидно, что, несмотря на ограниченность, важнейшим результатом курса Ф. Рузвельта стало невиданное вовлечение женщин в органы государственной власти. Вплоть до феминистской революции и зарождения второй волны феминизма в 1960-х гг. женщины не имели такого представительства в органах законодательной, исполнительной, судебной власти [Моховикова, 2006: 28].

Ф. Рузвельт не видел большой гендерной разницы между умными, проницательными людьми. Его решение назначить на пост министра труда Фрэнсис Перкинс было чрезвычайно смелым шагом и способствовало активному продвижению женщин в политике. Значительную роль в этом вопросе сыграла его жена — Элеонора Рузвельт. Она полагала, что женщины в политике работают эффективнее, они искреннее и последовательнее, чем мужчины.

Как и большинство первых женщин, попавших в органы власти, Р. Оуэн сконцентрировалась на решении социальных вопросов, и прежде всего — вопросов материнства и детства. Деятельность первых женщин в органах государственной власти, до этого являвшаяся исключительно мужской прерогативой, демонстрирует «пористость» патриархата [Stoff, 2006: 116]. Несмотря на продвижение женщин в политике, расширение сфер их публичной деятельности, распределение труда носило эссенциалистский характер. Направление их работы в органах государственной власти (социальная политика, материнство и детство) определялось особыми природными качествами, которыми наделяли женщин (мягкость, забота, милосердие).

Одним из первых предложений Р. Оуэн в Сенате стало предложение о создании национального парка Эверглейдз во Флориде. Позже подобные инициативы по созданию национальных парков займут отдельное место в программе Ф. Д. Рузвельта по восстановлению страны в годы Великой депрессии и будут способствовать сокращению безработицы за счет привлечения нетрудоустроенного населения к организации заповедников и национальных парков. Но главной задачей, которую старалась решить Р. Оуэн, стало образование отдела, равного министерству, по надзору за благополучием семьи и детей. Она всеми силами пыталась вывести социальные проблемы отдельно взятой семьи в условиях глубокого экономического кризиса на национальный уровень. Ей как многодетной

матери, фактически всегда содержавшей свою семью, были очень близки идеи о необходимости социальной помощи семьям, оказавшимся в подобной ситуации. Следует отметить, что Р. Оуэн не стремилась вмешиваться в широкий круг политических проблем, она старалась сфокусировать свое внимание и внимание общественности на тех проблемах, в которых разбиралась лучше всего. Семья и дети — это были непоколебимые основы социальной стабильности в представлении конгрессвумен. В решении этих проблем женщины понимали гораздо больше мужчин, справедливо считая, что залогом здорового и благополучного общества является благополучная во всех отношениях обычная американская семья.

В 1929 г. конгрессвумен была назначена в Комитет по иностранным делам Палаты представителей, что сделало ее первой женщиной, когда-либо занимавшейся политикой на столь высоких должностях. На этом посту она активно занимается вопросами внешней политики. В частности, США начинают активно принимать участие в международных конференциях, в том числе в конференции по разоружению в Женеве в 1932 г., а также посылать делегатов на международные конференции, посвященные вопросам здравоохранения и защите детства [Canon, 2002]. В 1930 г. Р. Оуэн переизбирается, но этот срок станет для нее последним, так как в 1932 г. она проиграет предварительные выборы другому выдвигенцу от Демократической партии — Дж. Уилкоксу. Камнем преткновения станет сухой закон, в поддержку которого активно выступала Оуэн.

Удивительно, но с поражением на выборах в Сенат США в 1932 г. карьера Р. Оуэн не стала клониться к закату, а наоборот, стала стремительно подниматься вверх. В апреле 1933 г. президент Ф. Д. Рузвельт назначил Р. Оуэн послом США в Данию. Здесь следует оговориться, что формально должность Р. Оуэн не означала полноправного статуса посла — «Ambassador», Ф. Рузвельт присвоил бывшей конгрессвумен статус «Minister to Denmark», что опять указывает на неравнозначность аналогичных постов на государственной службе, занимаемых мужчинами и женщинами. Но тем не менее это значительный прорыв в сфере дипломатической службы, ведь до этого женщины не могли получить столь высокое назначение, пусть даже в такую страну, как Дания, не игравшую ключевой роли во внешнеполитических отношениях США.

В интервью Р. Оуэн подчеркивала сложность работы дипломата, которая, по ее мнению, многим кажется «невидимой», но требует полной и каждодневной самоотдачи («Каждодневная работа дипломата не заметна обывателю, но все должны исполнять свои обязанности по максимуму своих возможностей» [Hollins Students Life, 1934: 5]). На протяжении всей карьеры для нее важным было как можно правильнее «предоставить точную картину своей страны», а также верно представлять «не только Соединенные Штаты в Дании, но и Данию в Соединенных Штатах» [ibid.].

Служба Р. Оуэн не раз становилась предметом иронии со стороны мужчин-политиков в США. В 1934 г. обсуждали инцидент с участием миссис Оуэн: она решила использовать катер береговой охраны, чтобы совершить путешествие из Гренландии в США. Этот поступок не преминули едко отметить ее оппоненты из Республиканской партии, окрестив случившееся экстравагантным пикником.

Дж. Финдлинг, автор «Словаря американской истории дипломатии», назвал трехлетнюю дипломатическую миссию Р. Оуэн в Копенгагене «в основном

социальной» [Findling, 1989]. Р. Оуэн, проводя «социальную дипломатию», тем самым подчеркивает различие мужского и женского подходов к выстраиванию отношений с другими странами. Будь на ее месте мужчина, о «мягкой» или «женской» дипломатии не могло быть и речи. Разговор велся бы в целом с позиции военно-политических союзов (если оценивать ситуацию, которая стала складываться в Европе в межвоенный период, а особенно в 1930-х гг.). Реализация же социальных направлений в отношениях США и Дании способствовала укреплению внешнеполитических связей.

Во время своей миссии в Копенгагене Руфь познакомилась с капитаном королевской гвардии Дании Борге Роде, за которого вышла замуж в 1936 г., получив право на двойное датско-американское гражданство. В Госдепартаменте США шутили, что Р. Оуэн настолько идентифицировала себя с интересами Дании, что даже вышла замуж за датчанина [Моховикова, 2006: 29].

Замужество стало одной из причин ее добровольной отставки с поста посла в Дании в 1936 г. Сама церемония бракосочетания состоялась в личном поместье президента США Ф. Рузвельта — Гайд Парке, что указывает не только на прекрасные рабочие отношения с президентом, но и на теплые дружеские связи с Ф. Рузвельтом и его супругой Элеонорой. Современные историки отмечают, что, несмотря на то что Оуэн не была блестящим дипломатом, она была чрезвычайно популярна, а ее деятельность достаточно эффективна, чтобы прочно закрепить прецедент назначения женщин [Nash, 2005]. По мнению Дж. Батлера, автора перформативной теории гендера, для преодоления форм женского неравенства, продвижения женщин в публичной сфере, трансформации гендерных стереотипов чрезвычайно важную роль имеет легитимация новых практик, выработка соответствующего габитуса в поведении, преодоление традиционных фреймов в отношении женских социальных статусов и ролей, а также институционализация новых форм гендерной идентичности [Butler, 2009].

Оставив дипломатическую службу, Р. Оуэн продолжила многочисленные выступления с открытыми лекциями, активно занялась писательской карьерой, а также преподавала в нескольких колледжах и университетах США в должности приглашенного профессора. Кроме того, она активно выступала в поддержку президентской кампании Ф. Д. Рузвельта, переизбиравшегося на второй срок.

По окончании Второй мировой войны Р. Оуэн была назначена специальным помощником в Государственный департамент для работы над проектом Устава Организации Объединенных Наций, что еще раз подчеркивает значимость ее как политического советника для президента США. В 1949 г. президент Гарри Трумэн назначил ее альтернативным делегатом на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. В 1954 г. бывший посол возвращается в Данию для вручения ей королем Фредериком IX награды за выдающуюся службу и огромный вклад в дело дружбы между США и Данией.

26 июля 1954 г. в Копенгагене у Р. Оуэн случается сердечный приступ и она умирает. По завещанию тело одной из первых выдающихся женщин-политиков США кремируют, прах остается на кладбище в Копенгагене.

За свою многолетнюю активную социально-политическую жизнь Р. Оуэн была членом многих женских организаций и движений. Это Лига американских

женщин-писателей, «Дочери американской революции», женские бизнес- и профессиональные клубы, Лига женщин за границей и многие другие. Долгие годы она возглавляла Американскую гильдию рабочих площадок, где руководила работой Ассоциации родителей и учителей и Национального совета по вопросам детства.

Следует отметить и писательский талант Р. Оуэн, хотя начинала она не с серьезных работ по риторике или политическим вопросам, а со сценариев и продюсирования кинофильмов. Первый из них — «Однажды в сказке / Шахерезада» — считается утраченным. В подготовку сценария и костюмов Р. Оуэн вложила весь свой литературный дар, а также все увиденное во время многочисленных путешествий. Ее можно считать одной из первых женщин в киноиндустрии, выбравших для себя мужскую составляющую кинокарьеры. Следует отметить, что фильм снимался на ее личные средства.

Работа в киноиндустрии помогла Р. Оуэн отточить писательский дар, она будет использовать его для написания книг по социально-политическим вопросам (напр.: [Owen, 1930]), а также составит несколько брошюр и учебников по риторике (напр.: [Owen, 1931]), которые будут активно поддержаны женскими сообществами. Главной идеей своего сочинения «Elements of Public Speaking» Р. Оуэн сделала лозунг «Ораторами не рождаются, ими становятся! Простота и ясность — вот основные элементы успешной речи» [там же]. Она стала автором детских книг [Owen, 1939a, 1939b], посвященных ее пребыванию в Дании как в роли просто путешественницы, так и в роли официального посланника США. Р. Оуэн также описала свои многочисленные путешествия по миру [Owen, 1936, 1949]. Отдельную книгу составляют ее впечатления от пребывания в Дании в качестве посла [Owen, 1935]. Все ее произведения пронизаны оптимизмом и верой в светлое будущее, которое Р. Оуэн так стремилась воплотить в настоящем.

Подводя итоги, важно заметить, что продвижение Р. Оуэн в политике отражало типичные тенденции, связанные с вовлечением женщин США в публичную сферу, и прежде всего в органы государственной власти в 1920—1930-х гг. Активному включению женщин в политическую жизнь способствовали не только феминистский дискурс первой волны и активистская деятельность защитниц женских прав, но и кризисные условия, явившиеся следствием Первой мировой войны, Великая депрессия. «Новый курс» Ф. Д. Рузвельта, вопреки отсутствию специальных программ против дискриминации женщин, способствовал стремительному вовлечению женщин в политику. Р. Оуэн воплощала идеалы «новой женщины», которой удавалось совмещать семейную жизнь, материнство с карьерой. Биография Р. Оуэн демонстрирует, что в продвижении по карьерной лестнице, как и в случае с мужчинами, были важны родственные связи. В отличие от профессиональных политиков-мужчин женщины не имели специального образования. Несмотря на активную деятельность в социальных женских организациях, Р. Оуэн никогда не выражала взглядов в отношении женской эмансипации, по сути не являясь сторонником феминистского дискурса. Эссенциалистский взгляд на женщин воплотился в сегрегации видов политической деятельности, что было связано с работой преимущественно в сфере социального обеспечения, семейной политики. Первые женщины-политики, хотя они и вдохновляли множество женщин на активную публичную деятельность и выход за пределы частной семейной жизни, являлись носительницами гендерных

стереотипов. Р. Оуэн при возникновении выбора между карьерой и семьей всегда выбирала последнее. В то же время в теории социального конструирования, перформативной теории гендера особое значение приобретают новые практики, их повторение, которые способны оказывать влияние на смену гендерных стереотипов и преодолевать существующие рамки гендерных ролей и статусов. В этой связи роль Р. Оуэн чрезвычайно велика, так как ей удалось разрушить мужское доминирование в американской дипломатии и проложить путь к дипломатическим постам другим американским женщинам.

Список источников

- Брайсон В.* Политическая теория феминизма. М.: Идея Пресс, 2001. 304 с.
- Епифанова И. В.* Женское движение в США в эпоху «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта (1930—1940-е гг.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 1. С. 202—206.
- Задворнова Ю. С.* Современное женское движение в США // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 1. С. 20—32.
- Мицюк Н. А.* Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. № 1. С. 21—33.
- Моховикова Г. В.* «Новый курс» США в гендерном аспекте // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2006. № 36. С. 27—30.
- Садовникова О. А.* Идеи основы суфражистского движения в США (рубеж XIX—XX вв.) // *Вестник Московского университета*. Сер. 8, История. 2007. № 4. С. 89—100.
- Шашина Е. Б.* Американские женщины и политика: мечты и реальность // *Американский ежегодник*, 2002. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 131—138.
- Шульга М. М.* Трансформация гендерной модели поведения женщины в эпоху кризиса: (на примере Великой депрессии в США) // *Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание: материалы XII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН: в 2 ч. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева*. М.: ИЭА РАН, 2020. Ч. 2. С. 102—105.
- Amott T. L., Matthaei J. A.* Race, Gender, and Work: a Multicultural Economic History of Women in the United States. Boston (MA): South End Press, 1991. 452 p.
- Becker S. D.* The Origins of the Equal Rights Amendment: American Feminism between the Wars. Westport (CT), 1981. 320 p.
- Brinkley A.* Liberalism and Its Discontents. Harvard: Harvard University Press, 2000. 384 p.
- Brown D. M.* Setting a Course: American Women in the 1920s. Twayne Publishers, 1987. 324 p.
- Brown R.* Ruth Brian Owen: Congresswoman and Diplomat: an Intimate Portrait. Paul A. Myers Books, 2014. 242 p.
- Butler J.* Frames of War: When Is Life Grievable? London; New York: Verso, 2009. 139 p.
- Canon D. T.* Committees in the United States Congress, 1789—1946. Washington (DC): Congressional Quarterly, Inc., 2002. Vol. 1. 572 p.
- Clark A.* Chambers. Seedtime to Reform: American Social Service and Social Action, 1918—1933. Minneapolis, 1972. 356 p.
- Du Puy W. A.* “The lady from Florida” works fast // *Washington Post*. 1929. October 20.
- Findling J. E.* Dictionary of American Diplomatic History. Greenwood, 1989. 707 p.
- Foerstel K.* Biographical Dictionary of Congressional Women. Westport: Greenwood Press, 1999. 300 p.

- Hollins Student Life. 1934. December 17.
- Kessler-Harris A. Out to Work: a History of Wage-Earning Women in the United States. Oxford University Press, 1982. 400 p.
- Keyssar A. The Right to Vote: the Contested History of Democracy in the United States. New York: Basic Books, 2000. 479 p.
- Meltzer P. «The pulse and conscience of America»: the general federation and women's citizenship, 1945—1960 // A Journal of Women Studies. 2009. Vol. 30, № 3. P. 52—76.
- Nash P. America's first female chief of mission: Ruth Bryan Owen, minister to Denmark, 1933—36 // Diplomacy & Statecraft. 2005. Vol. 16. P. 57—72.
- Nash P. Breaking Protocol: America's First Female Ambassadors, 1933—1964. University Press of Kentucky, 2020. 304 p.
- Owen R. B. The Duties of a Congressman: Remarks of Ruth Bryan Owen in the House of Representatives, December 18, 1929. Washington (DC): Government Printing Office, 1930.
- Owen R. B. Elements of Public Speaking. New York: H. Liveright, 1931. 200 p.
- Owen R. B. Leaves From a Greenland Diary. New York: Dodd, Mead and Company, 1935. 224 p. URL: <https://archive.org/details/leavesfromagreen013735mbp/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 18.06.2021).
- Owen R. B. Denmark Caravan. New York: Dodd, Mead, and Company, 1936. 197 p.
- Owen R. B. Picture Tales from Scandinavia. New York: Frederick A. Stokes Company, Inc., 1939a. 109 p.
- Owen R. B. The Castle in the Silver Wood and Other Scandinavian Fairy Tales. New York: Dodd, Mead, and Company, 1939b. 208 p. URL: <https://archive.org/details/castleinsilverwo00owen> (дата обращения: 19.06.2021).
- Owen R. B. Caribbean Caravel. New York: Dodd, Mead, and Company, 1949. 222 p.
- «Ruth Bryan Owen» in Women in Congress, 1917—2006 / Prepared under the Direction of the Committee on House Administration by the Office of History & Preservation, U.S. House of Representatives. Washington: Government Printing Office, 2006.
- Ruth Bryan Owen pleases in season's third lecture // The Colby Echo. 1932. February 3.
- Stoff L. S. They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution. University Press of Kansas, 2006. 304 p.
- The Leavitt — Bryan wedding // The New York Times. 1903. September 23.
- The Owen — Bryan wedding // The New York Times. 1910. May 4.
- U.S. Congress. House. Arguments and Hearings before Elections Committee No. 1. Contested Election Case of William C. Lawson v. Ruth Bryan Owen, from the Fourth Congressional District of Florida. 71st Cong., 2nd sess., 1930. Washington: Government Printing Office, 1930.
- U.S. Congress. House. Report No. 968. Committee on Elections № 1. William C. Lawson — Ruth Bryan Owen Election Case: Report of the Hon. Carroll L. Beedy, of Maine, Chairman. 71st Cong., 2nd sess., 1930. Washington: Government Printing Office, 1930.
- Vagnoux I. Introduction: North American women in politics and international relations // European Journal of American Studies. 2015. Vol. 10, № 1. P. 2—9.
- Vickers S. P. The Life of Ruth Bryan Owen: Florida's First Congresswoman and America's First Woman Diplomat: Ph. D. diss. Florida State University, 1994.
- Ware S. Beyond Suffrage. Boston, 1982. 204 p.
- Woloch N. Women and the American Experience: a Concise History. McGraw-Hill, 2002. 446 p.

References

- Amott, T. L., Matthaei, J. A. (1991) *Race, Gender, and Work: A Multicultural Economic History of Women in the United States*, Boston, MA: South End Press.
- Becker, S. D. (1981) *The Origins of the Equal Rights Amendment: American Feminism between the Wars*, Westport, CT.
- Brinkley, A. (2000) *Liberalism and Its Discontents*, Harvard: Harvard University Press.
- Brown, D. M. (1987) *Setting a Course: American Women in the 1920s*, Twayne Publishers.
- Brown, R. (2014) *Ruth Brian Owen: Congresswoman and Diplomat: An Intimate Portrait*, Paul A. Myers Books.
- Bryson, V. (2001) *Feminist political theory*. M.: Idea Press.
- Butler, J. (2009) *Frames of War: When Is Life Grievable?*, London, New York: Verso.
- Canon, D. T. (2002) *Committees in the United States Congress, 1789—1946*, vol. 1, Washington, DC: Congressional Quarterly, Inc.
- Clark, A. (1972) *Chambers. Seedtime to Reform: American Social Service and Social Action, 1918—1933*, Minneapolis.
- Epifanova, I. V. (2008) Zhenskoe dvizhenie v SShA v épokhy “Novogo kursa” F. D. Rusvel’ta (1930—1940-e gg.) [Women’s movement in the USA during the era of “The New Deal” of F. D. Roosevelt (1930—1940s)], *Uchénye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriiá Gumanitarnye nauki, vol. 150, iss. 1, pp. 202—206.
- Findling, J. E. (1989) *Dictionary of American Diplomatic History*, Greenwood.
- Foerstel, K. (1999) *Biographical Dictionary of Congressional Women*, Westport: Greenwood Press.
- Kessler-Harris, A. (1982) *Out to Work: A History of Wage-Earning Women in the United States*, Oxford University Press.
- Keyssar, A. (2000) *The Right to Vote: The Contested History of Democracy in the United States*, New York: Basic Books.
- Meltzer, P. (2009) “The Pulse and Conscience of America”: The General Federation and Women’s Citizenship, 1945—1960, *A Journal of Women Studies*, vol. 30, no. 3, pp. 52—76.
- Mitsiuk, N. A. (2015) Konstruiruia “ideal’nuu mat’”: kontseptsii materinstva v rossiiskom obshchestve nachala XX veka [Designing “The perfect mother”: concepts of motherhood in Russian society at the beginning of the XX century], *Zhurnal issledovanií sotsial’noí politiki*, no. 1, pp. 21—33.
- Mokhovikova, G. V. (2006) “Novyí kurs” SShA v gendernom aspecte [“New Deal” in the United States in gender aspect], *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 36, pp. 27—30.
- Nash, P. (2005) America’s first female chief of mission: Ruth Bryan Owen, minister to Denmark, 1933—36, *Diplomacy & Statecraft*, vol. 16, pp. 57—72.
- Nash, P. (2020) *Breaking Protocol: America’s First Female Ambassadors, 1933—1964*, University Press of Kentucky.
- Owen, R. B. (1930) *The Duties of a Congressman: Remarks of Ruth Bryan Owen in the House of Representatives, December 18, 1929*, Washington, DC: Government Printing Office.
- Owen, R. B. (1931) *Elements of Public Speaking*, New York: H. Liveright.
- Owen, R. B. (1935) *Leaves From a Greenland Diary*, New York: Dodd, Mead and Company, available from <https://archive.org/details/leavesfromagreen013735mbp/page/n9/mode/2up> (accessed 18.06.2021).
- Owen, R. B. (1936) *Denmark Caravan*, New York: Dodd, Mead, and Company.
- Owen, R. B. (1939a) *Picture Tales from Scandinavia*, New York: Frederick A. Stokes Company, Inc.

- Owen, R. B. (1939b) *The Castle in the Silver Wood and Other Scandinavian Fairy Tales*, New York: Dodd, Mead, and Company, available from <https://archive.org/details/castleinsilverwo00owen> (accessed 19.06.2021).
- Owen, R. B. (1949) *Caribbean Caravel*, New York: Dodd, Mead, and Company.
- Sadovnikova, O. A. (2007) Ideinye osnovy sufrazhistskogo dvizheniia v SShA (rubezh XIX—XX vv.) [The ideological foundations of suffrage movement in the USA (the turn of the XIX—XX cc.)], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 8, Istorii, no. 4, pp. 89—100.
- Shashina, E. B. (2002) Amerikanskii zhenshchiny i politika: mechty i real'nost' [American women and politics: dreams and reality], *Amerikanskiĭ ezhegodnik*, Moscow: Institut vseobshcheĭ istorii Rossiĭskoi akademii nauk, pp. 131—138.
- Shul'ga, M. M. (2020) Transformatsiia gendernoi modeli povedeniia zhenshchiny v epokhu krizisa: (Na primere Velikoi depressii v SShA) [Transformation of the gender model of woman's behavior in the era of crisis: (On the example of the Great Depression in the USA)], in: Pushkareva, N. L. (ed.) *Zhenskoe i muzhskoe v traditsionnoi i sovremennoi kul'ture: sokhranenie, fiksatsiia, ponimanie: Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiĭskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoĭ istorii i Instituta etnologii i antropologii Rossiĭskoi akademii nauk*: in 2 vols, vol. 2, Moscow: Institut vseobshcheĭ istorii Rossiĭskoi akademii nauk, pp. 102—105.
- Stoff, L. S. (2006) *They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution*, University Press of Kansas.
- Vagnoux, I. (2015) Introduction: North American women in politics and international relations, *European Journal of American Studies*, vol. 10, no. 1, pp. 2—9.
- Ware, S. (1982) *Beyond Suffrage*, Boston.
- Woloch, N. (2002) *Women and the American Experience: A Concise History*, McGraw-Hill.
- Zadvornova, Yu. S. (2021) Sovremennoe zhenskoe dvizhenie v SShA [Women's movement in the United States today], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 20—32.

Статья поступила в редакцию 09.01.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 09.01.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Мицюк Наталья Александровна — доктор исторических наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Россия, nmitsyuk@gmail.com (Dr. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Philosophy, Bioethics, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation).

Шульга Марина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Россия, koshkinamm@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Philosophy, Bioethics, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: wlnrs@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гурко Т. А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей	3
Ростовская Т. К., Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Социальный портрет категории одиноких матерей в российском обществе: концептуальные подходы	15
Ребрей С. М. Неравенство возможностей женщин и мужчин России: анализ агентности на базе Всемирного исследования ценностей	22
Клещенко Л. Л., Рябова Т. Б. «Куба — любовь моя»: символизм мужского и женского в советских репрезентациях Острова свободы	33
Григорьева Н. С., Жохова А. А. Политическая риторика женщин-лидеров в избирательной кампании по выборам президента Франции 2022 г.	48
Калканделер Н. Социальное отчуждение домработниц, обусловленное спецификой профессии	59
Галас М. Л. Социокультурная адаптация женщин государств — участников ЕАЭС в условиях современных миграционных процессов	73
Смирнов В. А., Груздев В. В., Ершов В. Н. Трансформация семьи в российском литературном дискурсе в XX — начале XXI в.	89

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Воронина О. А. Роль женщин в русской культуре: позиции мыслителей XIX в.	102
Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В. «Лучшее украшение женщины — чистота» (Нормы и практики ухода за телом в памяти жительниц нестоличного советского города 1950—1960-х гг.)	119
Хмелевская С. А. Новые репродуктивные технологии (на примере технологии АWT) и гендерное равенство в оптике идей российских активисток женского движения 20-х гг. XX в. и современных западных феминисток	134
Ситникова Е. Л., Чернышева Н. В., Шинкаренко Е. А. Образ женщины-матери в центральной прессе военных лет: анализ основных сюжетов	152
Мицюк Н. А., Шульга М. М. Руфь Брайан Оуэн: политическая карьера первой женщины-дипломата в США	161
<i>Информация для авторов</i>	176

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Gurko T. A. Development of the parenthood institution: analysis of empirical indicators	3
Rostovskaya T. K., Khasbulatova O. A., Smirnova I. N. Social portrait of single mothers in Russian society: conceptual approaches	15
Rebrey S. M. Inequality of opportunities among women and men in Russia: an agency analysis based on the World Values Survey	22
Kleshchenko L. L., Riabova T. B. “Cuba is my love”: the symbolism of male and female in the Soviet representations of the Island of Freedom	33
Grigorieva N. S., Zhokhova A. A. Political rhetoric of women leaders in the French presidential election campaign 2022	48
Kalkandeler N. Alienation on charwomen created by social exclusion	59
Galas M. L. Sociocultural adaptation of women of the EAEU member states in the context of migration	73
Smirnov V. A., Gruzdev V. V., Ershov V. N. Some aspects of the transformation of family in Russian literary discourse in the XX and early XXI c.	89

HISTORICAL SCIENCES

Voronina O. A. The role of women in Russian culture: the positions of thinkers of the XIX c.	102
Pushkareva N. L., Bogdashina I. V. “The best adornment of a woman is cleanliness” (Norms and practices of body care in the memory of residents of a non-capital Soviet city in the 1950s — 1960s)	119
Hmelevskaya S. A. Contemporary reproductive technologies (the example of AWT technology) and gender equality in the focus of ideas expressed by modern western feminists and Russian women’s movement activists in the 20s of the XX c.	134
Sitnikova E. L., Chernysheva N. V., Shinkarenko E. A. The image of a mother-woman in the central press of the war years: the analysis of the main stories	152
Mitsyuk N. A., Shulga M. M. Ruth Brian Owen: the political career of the first female diplomat in the United States	161
<i>Information for the authors</i>	176

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2022

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 22.12.2022 г. Печать плоская. Бумага писчая.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 100 экз.
Заказ № 159. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит 4 раза в год с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ